

• ПЕТРОРОМАН •

Црча Лобусова

Дуббук с
Градоначальницей

Харьков
«Фоліо»
2019

УДК 821.161.1(477)
Л68

Серия «Ретророман»
основана в 2015 году

Литературный редактор
Р. Е. Панченко

Художник-оформитель
Е. А. Гугалова-Мешкова

Лобусова И. И.

Л68 Диббук с Градоначальницей / Ирина Лобусова;
лит. ред. Р. Е. Панченко; худож.-оформитель Е. А. Гу-
галова-Мешкова. — Харьков: Фолио, 2019. — 410 с.:
ил. — (Ретророман).

ISBN 978-966-03-7113-2 (Ретророман).

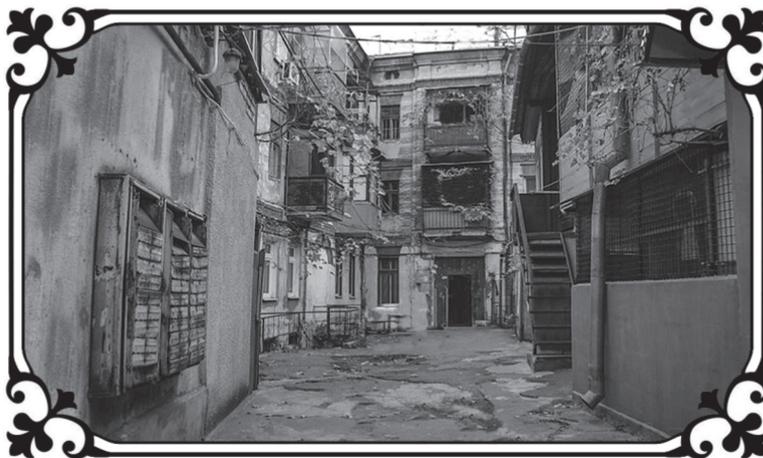
ISBN 978-966-03-8597-9.

...1929 год. В Одессе бесчинствует банда Алмазной — дерзкие, просто среди бела дня ограбления банков и зажиточных граждан, множество трупов... Город в ужасе. А настоящая Таня Алмазова, чьим именем прикрывается самозванка, возглавившая бандитов, думает, как это остановить. Проводя собственное расследование, она узнает, что в еврейской мифологии существует понятие «диббук». Это злой дух, который преследует живых, вселяется в них. При помощи Володи Сосновского Таня должна этот миф разрушить...

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-7113-2
(Ретророман)
ISBN 978-966-03-8597-9

© И. И. Лобусова, 2019
© Е. А. Гугалова-Мешкова,
художественное
оформление, 2019
© Издательство «Фолио»,
марка серии, 2015

ГЛАВА 1

*Убийство в трущобах Молдаванки.
Головная боль следователя Петренко.
Лунный камень*

Стекла были грязны настолько, что в них не проникал солнечный свет. Разводы от дождя, пыль, копоть — все слилось в такие причудливые узоры, что казалось — на стеклах расцветают невиданные, фантастические цветы, темные, как и все в этом унылом месте.

Несмотря на то что комната находилась довольно высоко над землей, всех собравшихся в ней не покидало устойчивое ощущение, что они находятся в подzemелье. Этот дом был настолько причудлив по своей конструкции, так архитектурно изломан,

что на одном уровне находились комнаты, расположенные, по существу, на первом и втором этаже, а кроме того, и высокий бельэтаж — причудливо сооруженный между этажами и считавшейся жилым помещением.

Такой особенностью обладали почти все трущобы Молдаванки, построенные, расширенные и переоборудованные под жилье в таком хаосе, что в этом не разобрался бы никакой архитектор, даже с самой большой фантазией, обнаруженный в каком-нибудь Богом забытом уголке мира и возжелавший обесмертить свое имя.

Если проще, то это был дом в самом сердце трущоб, где два флигеля были соединены коридором, а потом с помощью фанеры, картона и кирпичей там были сделаны перегородки, позволяющие нарезать пространство под своеобразные жилые соты, по сравнению с которыми более комфортабельной и уютной выглядела самая ветхая собачья конура.

Следователь Петренко отдернул с окна рваную клетчатую штору, посмотрел рассеянно на две чахлых герани, почти засохших на покосившемся щербатом подоконнике, и тяжело вздохнул. Все здесь было сто раз видно и знакомо, в этих изломанных, с детства привычных лабиринтах Молдаванки, знакомо до тошноты.

В коридоре, который терялся в глубинах дома, по обеим сторонам находились двери нор, которые сда-

вались под жильем. Впрочем, жильем это было назвать сложно. Это была именно нора. Какие мысли могли одолевать человека, вынужденного с утра до ночи существовать в этих унылых трущобах, куда не проникал солнечный свет? По своему опыту следователь Петренко уже знал: мысли самые низменные и жестокие. Только криминал, причем без края и конца, к чему неизменно приводила попытка вырваться из этой убогой бедноты. Способ и цена такого побега никогда не играли никакой роли — обитатели здешних трущоб были готовы на все.

Трудно представить, но нора, в которой сейчас оказалась следственная группа, была даже чуть лучше остальных. Она состояла из двух смежных клетушек. Первая, без окна, была кухней, то есть являла собой деревянные ящики с нищенской утварью и закопченную керосинку. В углу над сливной трубой, общей на весь дом, было пристроено нечто вроде раковины, на которой лежал сухой серый обмылок.

Это мыло не мылилось, от него не было пены, и в трущобах его использовали исключительно для мытья посуды. От осклизлой раковины и отверстия сливной трубы шел мерзкий запах — обычное дело в таких жилищах.

Однако здесь, в этой конуре, запах был не совсем обычным. Кровь пытались наскоро смыть в сливное отверстие, что не удалось, потому как стоки работали плохо, а убийца очень спешил, поэтому просто

размазал ее по стенкам, где она успела загустеть и застыть.

Входная дверь в конуру шла как раз в эту пристройку — кухню, по размеру такую, что поместиться в ней мог только один человек.

Дальше виднелась покосившаяся дверь в так называемую спальню — клетушку чуть побольше, даже с двумя окнами, выходящими в соседний двор. Окна, как уже упоминалось, были страшно грязными. На втором не хватало стекла, вместо него вставили фанеру, что еще больше подчеркивало убогость окружающей обстановки.

В простенке между окнами возле стены тем не менее стоял кожаный диван с полкой. Такие диваны только-только стали входить в обиход и представляли собой верх роскоши даже для зажиточного мещанского быта. Он совсем не вязался с окружающей обстановкой, не подходил к ней, нарушал ее. Но он все-таки находился здесь, черным блестящим монстром нелепо застыв посреди комнатушки, заполняя ее собой, словно нарушая все существующие условности.

На полочке над диваном стояли слоники — розоватые фарфоровые слоники, ровно семь штук. И стояли они не просто так, а на кружевной белоснежной салфетке, резко контрастирующей с грязно-серыми стенами, где в некоторых местах покрытая пятнами штукатурка успела облезть.

А на самом диване, прямо на блестящем покрытии из черной пресованной кожи лежал труп. Это была совсем молодая женщина — лет двадцати, не больше. Она лежала на спине. Ноги сползли на пол, руки были раскинуты по сторонам. Ухоженные пальцы левой руки упирались в кожаную стенку дивана.

Девушка была почти без одежды, на ней была надета лишь бежевого цвета комбинация. Под коленями свернулись спущенные фильдеперсовые чулки. Небрежность и странность этой одежды поневоле наталкивала на мысль, что тело одели уже после смерти, поэтому убийца не счел нужным ни поправлять комбинацию, ни крепить чулки к поясу, ни вообще его добавлять.

Убитая лежала так, как будто ее сильно толкнули на диван и, не сумев удержать равновесие, она упала. Может, даже не успев удивиться.

Впрочем, успела ли девушка удивиться, никто из следственной группы не знал — головы у трупа не было. Она была отделена от тела, по заключению судмедэксперта, острым мясницким ножом. В квартире голова найдена не была.

Только по нескольким личным фотоснимкам плохого качества, найденным в тумбочке возле дивана, можно было определить, как выглядела хозяйка квартиры.

Петренко внимательно наблюдал за работой эксперта и за обыском, который методично проводился в комнате, прислушиваясь к унылому голосу следо-

вателя прокуратуры, диктующему протокол осмотра места происшествия. Сам Петренко очень любил именовать себя тоже следователем, хотя был на самом деле начальником уголовного розыска и второй год возглавлял особый отдел местного уголовного розыска — отдел по борьбе с бандитизмом.

Назначили Петренко на столь серьезную должность после того, как он весьма успешно сумел разгромить одну из банд, втеревшись в доверие к главарю и лихо устроив засаду, в которую угодили почти все бандиты.

Члены банды получили высшую меру — расстрел, а Петренко — новое назначение, на котором сразу стал проявлять свое лихое рвение. Годы были смутными, и только благодаря этому он занял столь высокий пост, который при других обстоятельствах был бы совершенно недоступен для него в силу его молодого возраста и незаконченного высшего образования.

— ...точно не старше 23-х лет, — продолжил медэксперт начатую ранее фразу, обращаясь к Петренко.

— А вдруг 25? — прищурился тот, привыкнув сомневаться в каждом слове.

— Нет, — эксперт покачал головой, — после 25 лет ткани начинают терять эластичность, кости подвергаются некому закостенению... Конечно, точно я скажу после вскрытия, но пока уверен.

— У нее был мужчина? — спросил Петренко, бросив неодобрительный взгляд на фривольный наряд мертвой девушки, которая никак не соответствовала облику советской сознательной гражданки.

— Она не девственница, если вы это имеете в виду, — сразу отозвался эксперт, — а насчет любовника, был ли он в квартире... По результатам первичного осмотра — полового акта перед смертью у нее не было.

— Как это можно определить? — хмыкнул кто-то из оперативников.

— Ну уж поверьте, можно, — эксперт бросил из-под очков на говорившего неодобрительный взгляд. — Это вам медицина, а не пошлые картинки!

— Выходит, дамочка вырядилась так не для любовника... — вздохнул Петренко.

— Уж точно не для любовника! — тут же отозвался эксперт. — Гляньте-ка, что ваш орел в тумбочке нашел! Кружевные подвязки для чулок. Французские, между прочим. Контрабанда. Стоят целое состояние. И смотрятся очень красиво. Нет, если б она любовника в гости ждала, мужчину, то вырядилась бы по всей форме.

— Ну, какой-то мужчина все-таки ей отрезал башку, — хмыкнул следователь прокуратуры, привыкший всегда и везде строить из себя начальство, — которую вы не нашли, между прочим... Вот доложить бы, куда следует, как работаете.

В комнате застыло тревожное молчание, но Петренко не испугался. Он прекрасно понимал, что прокурорский сотрясает воздух просто так, ведь обвинить их — означало обвинить самого себя.

— Нашел! — вдруг раздался голос кого-то из оперативников. — Вот оно, удостоверение личности. В сумке в шкафу прятала.

Петренко взял в руки документ. Иванько Светлана Николаевна, уроженка села Крыницино Николаевской губернии (области), 9 августа 1906 года рождения. В сумке также оказалась справка с места работы. Гражданка Иванько работала посудомойкой в столовой завода «Продмаш».

— 23 года, в точку, — сказал он, внимательно изучая найденные бумаги, — справка про работу, похоже, фальшивая. Я уже с такими сталкивался. Их специально штампуют, чтобы не обвинили в тунеядстве, продают за хорошие деньги.

— Посудомойка, как же! — хмыкнул эксперт. — Вы на пальчики ее поглядите! Маникюр. Похоже, дамочка легкого поведения.

— Это точно, — снова отозвался кто-то из оперативников, — вы посмотрите только!

Отодвинув в сторону засохшую герань, оперативник вывалил то, что нашел в одном из ящиков шкафа. Там была достаточно большая сумма червонцев, американские доллары, золотые и серебряные монеты,

а также несколько старинных золотых монет еще царской чеканки.

— Да уж, — произнес прокурорский, вместе с Петренко рассматривая найденную коллекцию. — Валютчица?

— Нет, вряд ли, — Петренко покачал головой, — купюры мелкие. И вот, видите — здесь доллар потерт, валютчики такие в работу не возьмут. Да и сумма небольшая для валютчицы. Судя по всему, проститутка.

— Асоциальный элемент, — нахмурился прокурорский, — и как участковый пропустил?

— Да бросьте! — резко отозвался Петренко, который терпеть не мог лицемерия. — Можно подумать, вы не знаете, что в портовом городе полно проституток! И кому они деньги платят, тоже не знаете!

Следователь прокуратуры нахмурился, но предпочел не отвечать. Зачем ссориться? Петренко был сейчас у начальства в чести. К тому же не стоило заводить весь этот сыр-бор из-за какой-то проститутки.

О профессии погибшей свидетельствовали и другие вещи, найденные в жилище. Странно выглядевшее здесь тонкое кружевное белье, вечерние платья, контрабандная косметика... Все это, вываленное прямо на пол, стоило когда-то немалых денег. Теперь же смотрелось жалко и убого, как и полураздетый труп, лежавший в нелепой позе, раскинувшийся на символе мещанской роскоши, под слониками для удачи. Этих слоников и диваны осуждали со всех сторон, но

никто не хотел обходиться без них — в точности, как эта убогая уроженка села, с горечью подумал Петренко.

Он все не мог оторвать глаз от ужасающе грязных окон, словно определенного символа такой вот полукриминальной жизни, которая с любыми деньгами все равно заставляет пребывать на дне. Трущобы Молдаванки были таким дном. А закопченные стекла были особенностью этих трущоб — их здесь не мыл никогда и никто.

Петренко вспомнил свою бабушку. Как она говорила? Ангелы не залетают в такие окна. Они даже не заглядывают в них. Но это было неправдой — ангелы не залетали и в чистые и сияющие стекла роскошных хором. Петренко давно не верил в ангелов. Трудно было верить после такого вот трупа с отрезанной головой.

Он восстанавливал в памяти момент, когда поступил этот вызов. В милицию позвонил сосед из комнаты напротив, который сказал, что слышит жуткие вопли и грохот передвигаемой мебели. Приехавший наряд милиции обнаружил этого соседа в сильнейшем алкогольном опьянении. Он нехотя признался, что позвонил в милицию специально, чтобы насолить молодой и привлекательной соседке, которая всегда смеялась над ним и не желала разговаривать.

Стало понятно, что сосед начудил на пьяную голову. Однако приехавшие милиционеры решили по-

звонить к соседке и удостовериться, что все в порядке. Каково же было их удивление, когда они обнаружили открытую дверь. А войдя внутрь — кровь в раковине и на диване — труп с отрезанной головой. Соседа сразу же арестовали и вызвали следственную группу.

Петренко допросил звонившего по горячим следам. Тот клялся и божился, что все выдумал, просто хотел насолить соседке. Выпил и решил сделать ей пакость. А в квартире была тишина, туда никто не входил.

Когда видел соседку живой, входящей в квартиру, вспомнить не мог. Однако он был сильно пьян, поэтому его отвезли и заперли в отделении до утра. Петренко собирался утром снова его допрашивать, когда протрезвеет и вернется к связной человеческой речи.

Обыск квартиры соседа ничего не дал. Следов крови не было. Не было найдено также орудия убийства — предположительно это был длинный и острый нож мясника, не нашли и головы. Это последнее обстоятельство и свидетельствовало о том, что дело выглядит очень плохо. По всей видимости, голову убийца забрал с собой.

Зачем? Ответ на этот вопрос означал, что дело уже выбилось из ряда обычных, бытовых преступлений, что произошло нечто из ряда вон... А это означает, что у Петренко, которому поручено дело, будет куча проблем и не проходящая головная боль.

— Гляньте-ка до сюда! — Один из милиционеров, производящих обыск, подошел к Петренко. Он держал в руках небольшую картонную коробочку белого цвета. — Чудное какое-то... Гляньте!

— Ну-ка, что здесь? — оживился следователь прокуратуры, тут же прекратив диктовать нудным голосом скучные описания, уже и без того повторенные по несколько раз.

Петренко раскрыл коробочку. Внутри было что-то маленькое, завернутое в красную фланельку. Он развернул.

— Стекляшка! — хмыкнул прокурорский, отлично разбирающийся в драгоценных камнях и с первого же взгляда определивший, что камень, лежащий в коробочке, не представляет особой ценности.

Петренко вытряхнул камень на ладонь. Был он молочно-белого цвета, и в электрическом свете ламп отличал неприятным белым оттенком. Небольшой по размеру, камень был огранен очень странно. С одной стороны поверхность его была выпуклой, напоминающей сферу, а с другой — срезанной остро, до сплошной плоскости. С той, плоской, стороны на камне виднелись засохшие остатки какого-то белого вещества — похоже, клея.

— Нет, это не стекляшка, — сказал Петренко, словно взвешивая камень на ладони, — это лунный камень. Он, конечно, не очень ценный, но и простой стекляшкой его назвать нельзя.

— Полудрагоценный, значит, — фыркнул следователь прокуратуры, моментально потеряв к камню всяческий интерес. — Для чего он используется? Женские цацки?

— И это тоже, — Петренко тоже захотелось фыркнуть, но он сдержался. — В женских украшениях его используют редко. Считается, что лунный камень приносит несчастье, так же, как жемчуг и опал.

— С чего ты это взял? — удивился прокурорский.

— Когда-то разбирался в камнях. Увлекался даже. У моих родителей была коллекция — мой дедушка был горным инженером, — терпеливо пояснил Петренко. — Лунный камень часто используют в ритуальных предметах, в разных культах. К примеру, в церкви...

— Ну, это нам не интересно, — перебил его следователь прокуратуры и пожал плечами. — Твое дело — ты и расхлебывай!

Он отошел к своему протоколу и снова принялся диктовать.

— Где ты его нашел? — обернулся Петренко к милиционеру.

— Да вот здесь, под плинтусом! Видите, одна доска отходит от стены, я и приподнял. А там эта коробочка. Что-то ценное?

— Пока не знаю, — Петренко задумался.

Судя по предосторожностям, по тому, что камень хранился в импровизированном тайнике, девица считала его очень ценным. Может, даже бриллиантом.

Такие мысли вполне могли появиться в наивной крестьянской душе. Или же... Этот камень представлял какую-то другую ценность. Девушка словно посмертно подчеркивала это. Да и хранился он красиво — в коробочке, в красной фланельке. Наверняка она думала, что это бриллиант. В любом случае камень был важен, Петренко чувствовал это. А потому опустил коробочку к себе в карман.

— Труп можно забирать? — Судмедэксперт закончил осмотр.

Петренко подошел к дивану, на котором все еще лежало тело убитой девушки — труп без головы.

— Можете назвать причину смерти, — повернулся он к судмедэксперту. — Хотя бы ориентировочно... Приблизительно...

— Это сложно, но... — эксперт пожал плечами, а затем словно решил: — Рана в горло, ножевая. Судя по первичному осмотру, голову ей отрубили, когда она была жива. Так что причина смерти — то, что ей отрезали голову.

Петренко вздрогнул. Да, предчувствие его не подвело. Все хуже и хуже. Правильно он почувствовал сразу же, что с этим делом не оберется хлопот.

— Может, это могли сделать в ритуальных целях? Ну, какой-то особый надрез?.. — спросил Петренко наугад.

— Нет, никакого особого разреза нет. Есть один, сильный. А вот насчет ритуального... Это ты нам ска-

жи! — хмыкнул судмедэксперт. Но, видя, как помрачнел Петренко, добавил: — Единственное, что я могу сказать: голову ей отрезали не на диване, не здесь. Сюда тело просто перенесли, когда кровотечение прекратилось. Похоже, это сделали на кухне, над раковиной. Вот там как раз и есть вся кровь. Убийца держал ее голову над раковиной. Тело упало на пол. Там, на полу, следы крови тоже есть.

— Держал над раковиной? За волосы? И она не сопротивлялась? — поразился Петренко.

— Судя по разрезу, нет. Вот ты и подумай — может, одурманили ее чем или напоили? Вскрытие проведу — яснее будет.

Петренко разрешил забирать тело. Бедную девушку уложили на носилки, накрыли и аккуратно вынесли из квартиры в ее страшный последний путь. Вместе с экспертом уехали и следователь прокуратуры, и еще часть милиционеров.

Эксперт был прав: на диване, на поверхности из прессованной кожи, никаких пятен не было. Петренко задумчиво стоял, невидящими глазами глядя на слоников...

ГЛАВА 2

Блеф Володи Сосновского.

«Профурсетка». Жених, которому не повезло.

Приговор старика

Вдруг на пороге возник один из милиционеров, стоящих в коридоре. Петренко специально оставил двоих возле двери квартиры, в коридоре, — разгонять любопытных соседей. По своему опыту он знал: чем меньше зевак останется на месте преступления, тем лучше. Особенно важно было гнать их, когда выносят труп. Несмотря на то что тело выносили всегда в закрытом виде, это все равно порождало страшные сплетни и слухи.

Поэтому появление милиционера стало неожиданным — особенно после выноса труп.

— Там это... этот, — милиционер кашлянул, — журналист. Репортер то есть. Гнать?

Петренко вздохнул. Он уже прекрасно знал, кто это может быть — только один человек. И сомнений никаких не было. Время от времени Петренко и сам поражался его ушлости. Но, конечно, этот репортер не всегда был таким. Иногда он преображался, и перед глазами Петренко возникала совершенно другая, достаточно глубокая личность. Петренко знал это очень хорошо, ведь в последний год они были закадычными друзьями. Как говорится, не разлей вода.

— Ох, принесло его на мою голову, — следователь картинно вздохнул и уронил на стол ручку, которую перед тем машинально взял. — И как пронюхали? Ну прямо как мухи! Пусть войдет.

Почти сразу в комнату в сопровождении милиционера вошел репортер криминальной хроники новой, но уже достаточно популярной и набирающей серьезные обороты газеты «Знамя коммунизма» Владимир Сосновский.

— Ну ты же знаешь... — сразу же напустился на него Петренко, — ну нельзя же так приходиться! Прямо на место преступления! Тем более, что я пока не могу дать тебе никакой информации для газеты...

— Это я могу тебе дать информацию, — улыбнулся Сосновский. — И ты удивишься.

Затем, вынув из кармана пиджака белый камень, он протянул его Петренко.

— Ну как, ничего не напоминает?

Петренко потерял дар речи, когда Сосновский положил белый камень на его вдруг задрожавшую ладонь. Этот камень как две капли воды напоминал тот, что лежал у него в кармане, — в картонной коробочке, завернутый в красную фланельку! Даже по форме эти два камня были абсолютно идентичны! Одна грань выпуклая, другая — срезанная ровно. На плоской стороне — засохшие остатки прозрачного клея, точно в таком же количестве, как и на камне Петренко.

— Ну как, ничего не напоминает? — слово в слово нетерпеливо повторил Сосновский.

Вместо ответа Петренко достал коробочку, вынул камень и положил на ладонь рядом с первым. Даже невооруженным взглядом было понятно, что два этих камня были абсолютно идентичны.

— Так я и думал, — нахмурился Владимир. — Плохо. Ох и не повезло тебе... Честно скажу, это была логическая загадка. Но она сработала.

— Не хочешь объяснить? — нахмурился Петренко.

— Объясню, конечно, — пожал плечами Сосновский. — Для этого я и пришел. Но объяснение тебе очень не понравится!

— Да не тяни ты kota за хвост! — рявкнул Петренко, расстроенный этим новым обстоятельством в и без того паршивом деле.

— Коту это нравится, — ехидно улыбнулся Владимир. — А где труп Светулика?

— Кого?.. — опешил Петренко.

— Светулика. Так эту девицу звали в публичном доме мадам Зои, в котором она работала, — ответил Сосновский.

— Ты ходишь по публичным домам? — хмыкнул Петренко.

— Ты меня за кого принимаешь? Я тебе шо, дешевый трехкопеечный фраер, или как? — хохотнул друг в ответ и вдруг стал совершенно серьезным. — Никогда в жизни не ходил и ходить не буду. Но ты забываешь мои связи в криминальном мире! Я много кого знаю среди одесских бандитов. Был лично знаком с самим...

— ...Михаилом Японцем, — быстро перебил его Петренко, — да ладно, знаю! Ты мне все уши прожужжал. Только вот Япончик твой давно мертв. А в криминале сейчас правят другие.

— Ну, не такие уж другие, если портовая марвихерша Рыжая Зайка, любовница одного из крутых бандитов Гришки Клюва, покойного давно, царствие ему небесное, переквалифицировалась в хозяйку борделя для большевиков под именем мадам Зоя. То есть товарищ Зоя, миль пардон... — ехидно ответил Володя.

— Ох, Сосновский, договоришься, мать твою!.. — в сердцах вспылал Петренко. — И меня за собой потянешь.

— До цугундера? — прищурился Сосновский. — Не потяну. Но если вдруг что — и там люди выживают. Да и меня этим не испугаешь. Я там уже был.

— А я не хочу! Откуда ты только взялся на мою голову? — всплеснул руками Петренко, вдруг спохватившись, что этот странный и даже страшный разговор может слышать какой-то из все еще находящихся в комнате милиционеров.

— Из ада! — продолжал ерничать Володя, явно наслаждаясь произведенным эффектом и ничуть не опасаясь чужих ушей.

Как ни странно, но это немного успокоило Петренко, вдруг сообразившего, что появление ушлого репортера Сосновского для него очень хороший шанс сдвинуть явно глухое дело с мертвой точки, а если уж совсем повезет, и закрыть его скорей, да еще и отличившись перед начальством.

— Ладно, — вздохнул Петренко, — мы потом с тобой обо всем поговорим, как выберемся отсюда. Потом. А пока...

— А пока мы с тобой в этом деле вместе, — серьезно добавил Владимир Сосновский.

На это Петренко нечего было возразить. Да и некогда, потому что снова выдвинулся из коридора милиционер и произнес:

— Доставили! Хозяйку доставили!

— Где нашли? — нахмурился Петренко.

— Вот ее домашний адрес, — милиционер протянул листок бумаги, — дворничиха написала.

— Южная улица... Здесь поблизости. Так, вдова... 56 лет... Живет на пенсию по супругу, убитому на фронтах гражданской войны... — Петренко бросил листок бумаги на стол, — все понятно. И одновременно сдает эти трущобы всяким проституткам. Прохиндейка, — обернувшись к Сосновскому, пояснил: — Тетка эта с Южной — хозяйка берлоги. Сдавала внаем эту конуру и по коридору еще несколько.

— Я знаю, — пожал плечами Володя. — Откуда у Светуликов и им подобным комнаты в Одессе? Снимали, конечно. Сельские мотыльки, слетевшиеся на жаркий городской огонь.

Милиционер ввел в комнату толстую говорливую бабку в цветастом платке, от которой очень сильно несло кислой капустой.

— Ой шо коется, люди добрые... Ой беда, лишенько... — заголосила она.

— Молчать, — глухо и страшно скомандовал Петренко, и Володя Сосновский, достаточно мягкий человек, вскинул на своего друга удивленные глаза.

— Комнаты сдаешь? Незаконно? А разрешение есть? — нахмурился Петренко.

— Так от покойного супруга комната получена... Сама проживаю по месту жительства дочери... — перепугалась тетка.

— С тобой еще компетентные органы разберутся обязательно, вот увидишь, — пригрозил Петренко, не меняя тона, — а пока ты нам расскажешь, как давно эту комнату сдаешь.

— Две комнаты, с перегородкой, — поправила хозяйка квартиры, испуг которой уже прошел.

— Это мне без разницы, — хмыкнул следователь, — рассказывай.

— Дык год уже... Жиличке сдаю.

— Жиличку хорошо знаешь?

— Ну шо знаю... Платила исправно. Тихая. Соседи на нее не жаловались, ни боже мой.

— Мужиков водила?

— Ну откуда мне знать-то? Я здесь не живу. Молодая. Дык как же ж без этого?

— Документы ее видела? Кем работала, знаешь?

— Видела документы. Как бы я без документов сдавала? А работала... Ну дык посудомойкой в заводской столовой работала, где-то на Пересыпи. Сама говорила...

— Ты мне тут ушами не финти! А то щас арестую за пособничество антисоциальным элементам! — прикрикнул на нее Петренко. — Где и кем работала? Точно! Говори! И смотри мне... Махинаторша хренова! Развела здесь бардак!

— Та я вдова героя... — попыталась встрять тетка.

— Вот и пойдешь на нары, как вдова героя! Ты мне дело говори, а не финты ушами выкидывай! У нас и герои на нарах сидят, если положено!

Тетка, похоже, знала об этом, потому как снова растеряла весь свой боевой задор.

— Профурсетка она была! — выпалила она, бросив жадный от любопытства взгляд на диван, словно чувствуя, что совсем недавно лежало на нем. — Профурсетка! Хвостом крутила! Вот и докрутилась...

— Клиентов на дом, сюда, водила?

— Только солидных. Было... Так очень серьезные, женатые. Двое, кажется. Она мне за них отдельно доплачивала.

— Имена, фамилии, как выглядят!

— Дык откуда ж мне знать! — всплеснула руками хозяйка. — Имена и фамилии она мне не называла. А как выглядят... Я ж их и в глаза не видела! Она сама мне сказала, бо знала, что соседи донесут. Я порядок во всем люблю...

— И деньги тоже, — в тон ей добавил Петренко. — Двоих на дому принимала, говоришь?

— Двое, — кивнула хозяйка квартиры. — Они в первой половине дня приходили. Один с утра, второй — в обеденный перерыв.

— Кем работали?

— Я шо, знаю? Я не спрашивала.

— Ясно. Где она по вечерам работала?

— Так у Рыжей Зайки. То есть у Зои на Екатерининской. Там квартира на углу с Греческой есть. Туда ходила.

— То есть в том борделе она не жила постоянно? — уточнил Петренко.

— Нет, — замотала головой тетка. — Там есть девушки, которые постоянно живут. А эта приходящая была.

— Почему не жила?

— Так она зарабатывала хорошо, ну да и стеснялась, что узнает кто. Семья у нее в селе, ну, в деревне осталась, — вздохнула наигранно хозяйка. — Мать да отец, да малолетние сестренки и братишки... Вот она их кормила всех. Для них и справку достала, что посудомойкой работает... Хорошая она была баба, простая. Не нравилось ей такое ремесло. У нее в селе и жених был. Говорила: вот денег соберу, чтоб на хороший дом построить, вернусь домой и за Андрюху замуж пойду, он все меня зовет.

— Так, — встрепенулся Петренко. — Вот с этого момента поподробней. Про Андрюху.

— Да не знаю я ничего! — снова всплеснула руками хозяйка. — Не знаю! Только имя. А еще говорила она, что он из села тоже на заработки уехал, как и она. Под Одессой в селе где-то работает. Сарата село называется, так, что ли... Там стройка в колхозе... В строительной бригаде он.

— Андрей знал, чем она в Одессе занимается?

— Нет, конечно! Он бы ее убил, — и вдруг,образив, что только что лягнула, тетка ойкнула: — Так я это, я не то хотела сказать...

— Ясно, — кивнул головой Петренко. — Вызову тебя повесткой на допрос, подпишешь все показания. А пока можешь идти. И языком не телепай.

Тетка ушла. Петренко обернулся к Сосновскому, который, было видно, не пропустил ни единого слова.

— Видишь, как все просто? — сказал он. — Жених Андрей узнал, чем девка в Одессе занимается, и прибил из ревности. Осталось только этого Андриюху в Сарате разыскать, что вопрос одного дня, — и дело закрыто! Начальство будет в восторге.

— Андриюха признается во всем, — в тон ему продолжил Володя, — и даже показания подпишет, если вы постараетесь... Ты серьезно думаешь так? Что ее какой-то тупой деревенский Андриюха убил?

— Нет, — Петренко отвел глаза в сторону, — я так не думаю. Но дело для начальства надо закрывать. Вот я его и закрою таким образом. Андриюху этого, конечно, задержать нужно. Жалко парня. Не повезло ему...

— Раз жалко — не задерживай! — сказал Сосновский.

— Не могу. Ты наши методы знаешь. С меня шкуру спустят, если что не так.

Володя знал. На одной чаше весов была жизнь его друга, на другой — жизнь какого-то простого, никому не нужного деревенского парня. Это раньше Сосновский был поборником справедливости. Жизнь изменила его. Теперь выбор был ясен, и он не колебался.

Две недели назад

Из темноты донесся истошный собачий лай. Затем скрипнула колодезная дуга, словно кто-то поднимал

на цепи ведро. Металлический скрежет, слившись с плеском воды и собачьим лаем, создавал некую иллюзию жизни. Затем все смолкло. Впереди отчетливей, ярче стали видны два огонька.

Телега замедлила ход и наконец остановилась, тяжело вздохнув своими разбитыми колесами. Она была старой, почти разваливалась на ходу, но это был единственный транспорт, который согласился ехать в темноте в эту глушь, не рискуя застрять на разбитой дороге. Здешний возница прекрасно знал эти места, мог ехать даже в темноте, а потому не опасался, что заблудится. За это можно было простить и неудобство с телегой, тем более, по сравнению с отчаянным страхом, который буквально пронизывал эту темноту.

Заскрипев, телега остановилась. Возница обернулся к старику:

— Вот он — тот дом. Два шага пройти. Нет дальше дороги. Приехали, дедуля.

— Вон тот? — Сидящий в телеге старик, прищурившись, всматривался в темень, не выпуская ни на секунду из рук небольшой холщовый сверток, который он постоянно прижимал к груди. — Где светятся окна?

— Он самый. Бывший дом казака Чуба. А теперь — хутор. Постоялый двор. Как остался со времен империи, так и стоит до сих пор. А что ему делается?

Возница с интересом поглядывал на своего пассажира. Старик, нанявший телегу на ночь глядя для того, чтобы доехать до хутора Чубаевки и до самого известного, собственно, единственного на хуторе постоянного двора, очень отличался от всех тех, кто прятался в гостинице с наступлением ночи, стремясь подобраться поближе к морю.

Он ничем не напоминал ни контрабандиста, ни бандита, ни фальшивомонетчика, то есть всех тех темных, авантюрных и азартных людей, для которых отдаленность хутора была еще одним дополнительным риском в их и без того пестрой жизни.

Несмотря на близость к городу, этот хутор считался глухим местом. Был он не обжит и располагался вдалеке от шумных, ведущих к городу дорог. Чубаевка — именно так называлось это место — была расположена между Фонтанской и Люстдорфской дорогами. Она находилась близко к Фонтанским дачам и мысу Большой Фонтан, где были все самые знаменитые стоянки контрабандистов. Местность была унылая, застроенная одноэтажными хибарами, с чахлой зеленью редких садов. На этой земле из-за илистой и песчаной почвы все плохо росло, а потому те, кто жил в этих местах, зарабатывали на жизнь по-другому.

В частности, они давали временный приют тем, кому надо было пересидеть, спрятаться от бандитских разборок или властей, а затем беспрепятственно

добраться до моря, чтобы уже там найти настоящее укрытие.

Когда-то на этом хуторе поселились черноморские казаки, участники штурма крепости Ени-Дунья. По легенде, одним из первых свой дом построил на этих землях казак по фамилии Чуб, отсюда и пошло название Чубаевка. Местные жители верили, что сруб от дома знаменитого казака сохранился до сих пор, возвышаясь в некоем отдалении над всеми остальными домами, там, где была сейчас гостиница, больше похожая на старый постоялый двор, на котором останавливались заезжие купцы. Во всяком случае, этот дом очень уж отличался от всех остальных своим месторасположением, а потому ничто не мешало местным жителям сочинять про него яркие, красочные легенды, подогретые безудержной фантазией, которые так и сыпались на заезжих.

Возница украдкой с любопытством посматривал на старика. Кто он такой, что занесло его в эти темные края? По виду он был похож на университетского профессора. Когда-то черная, а теперь седая борода спускалась ниже груди, а выцветшие от старости глаза смотрели на окружающий мир цепко, но с плохо скрываемой тревогой.

Одет был старик бедно — потертое драповое пальто, какие носили еще при царском режиме. На голове была такая же потертая фетровая шляпа. Кроме сверт-

ка, у него был с собой небольшой саквояж. Станный пассажир поставил его на дно телеги и больше не прикасался к нему — в отличие от свертка, который не выпускал из рук. А между тем саквояж выглядел более солидным и новым, чем старая, закопченная и рваная холстина, которую старик прижимал к груди, глядя на всех с подозрением.

— Приехали, — возница прикрепил вожжи к сиденью. — Пойдем, провожу. Небезопасно тут по ночам.

Он подал руку старику, который с трудом вылез из телеги, а затем они вместе пошли в гору, к двум ярко освещенным окнам дома, которые становились все ближе и ближе.

На стук кулаком в дверь отозвался громкий собачий лай, а затем раздался женский голос:

— Кого несет в это время?

— Фекла, открывай! Постояльца тебе привез!

Калитка со скрипом распахнулась, и на пороге возникла хозяйка Фекла — полная, краснощекая женщина, которой можно было дать как пятьдесят, так и семьдесят лет. Голова ее была повязана цветастым платком, таким ярким, что краски были видны даже в темноте.

— Ой, лышенько... Кто ж це шастает у темряви... Матенька Божья...

— Доброй ночи. Это вам, — старик протянул Фекле записку. Поднеся к ней фонарь, она начала читать.

— Ага... Ага... — Женщина с трудом водила пальцем по строчкам, было видно, что читает она плохо. — Завтра на рассвете, значит? Ну, заходите, а я до Ваньки сообщу. Проходи, старенький.

Расплатившись с возницей, старик быстро подхватил свой саквояж и скрылся в калитке. Собака вдруг завyla. В этом утробном вое чувствовалась какая-то заунывная, вечная тоска. Перекрестившись, возница быстро заспешил обратно, к своей телеге.

Фекла завела старика в ярко освещенную комнату, где было нечто вроде трактира. За простыми деревянными столами сидело достаточно много людей — и мужчин, и женщин разного возраста. Они пели, ели, разговаривали, негромко смеялись. Их обслуживала довольно кривая девица лет тридцати, разнося подносы, уставленные тарелками.

— Садись. Поешь с дороги, — пригласила Фекла. — Запеканка знатная у нас. Отдохнешь трохи. Еще жаркое баранье есть. Домашнее вино. Такого тебе и в Киеве не нальют!

— Нет, спасибо, я не голоден, — старик с тревогой оглядывался по сторонам, вцепившись еще сильнее в свой свиток. — Я хотел бы пройти в комнату.

— Ну як бажаешь, — пожалла хозяйка плечами. — Пойдем, проведу.

Вслед за ней старик поднялся на второй этаж. Фекла отворила одну из дверей, и они оказались в небольшой скромно обставленной комнате, где кроме кро-

вати, стула и столика с умывальником больше не было никакой мебели. Но старик, казалось, не обратил на обстановку вообще никакого внимания.

— Вы точно сообщите проводнику? — обернулся он к хозяйке.

— Та ты не хвляйся! — улыбнулась она. — На рассвете вин тебе заберет. Не тремти, дочекаешься.

И, выхватив деньги из рук старика, Фекла ушла, успев зажечь керосиновую лампу, висящую на стенке. Как только за хозяйкой закрылась дверь, старик быстро потушил лампу, прикрутив фитиль. Теперь он оставался в полной темноте.

Быстро опустившись на колени, старик принялся молиться, беззвучно шепча губами. Он молился, раскачиваясь над свертком, ни на минуту не выпуская его из рук. В глазах его было отчаяние.

Послышался шорох, и старик замер, словно потревоженный зверь. Руки его задрожали. Поднявшись с пола, он быстро подошел к окну, выглянул в пустой, самый обычный двор, в котором не было ничего зловещего.

Но зло, между тем, уже было здесь, и старик незримо чувствовал его присутствие. Как же он клял себя за медлительность и глупость, за то, что не успел предусмотреть! Как же свойственна людям эта беспечность — спохватываться в самый последний момент, потом, только потом, когда становится слишком поздно!

Поздно было и теперь. Дверь комнаты стала медленно отворяться. Прижав сверток к груди, старик издал глухой стон... Горящие ненавистью глаза оказались совсем рядом.

— Уходи! — весь дрожа, выкрикнул старик в темноту. — Уходи! Изыди прочь!

— Отдай мне... — зашипел голос, в котором не было ничего человеческого.

— Я не отдам! Ты никогда это не возьмешь!

— Глупец... — в голосе послышался едкий смешок. — Я только исполняю его волю!

— Уходи! Я знал твоего отца! Он никогда бы не пожелал этого!

— Плохо знал... — В этот раз в голосе звучал откровенный смех, от которого волосы на голове старика едва не поднялись дыбом.

Он начал шептать заклинание, но не закончил. Сверкающие ненавистью глаза оказались совсем рядом. В них просто и ясно старик прочитал свой приговор.

В воздухе мелькнула длинная пеньковая веревка. В окне напротив блеснуло отражение расширившихся от ужаса глаз, и, словно со стороны, старик увидел свое лицо, будто парящее в воздухе. Зашуршав ледяной змеей, веревка скользнула вниз, вычерчивая окончательный приговор в темноте, став последним, что увидел старик в этом мире...

ГЛАВА 3

В пивнушке на Пушкинской.

Воспоминания следователя Петренко.

Бродяга, который ругался по-французски.

«Краски рассвета» и новая жизнь

В пивнушке на Пушкинской, в подвале, пережившем все времена, было тепло до вони. Как всегда, разношерстная публика создавала толкотню. Люди самого разного возраста и социального положения теснились за некрашеными, сучковатыми столами из простого дерева, потягивая теплое разбавленное водой пиво и болтая «за жизнь».

Здесь можно было встретить кого угодно: карманников с Привоза и актеров, иностранных моряков и студентов университета, больничных санитаров

и матерых уголовников, отматавших не один срок. Но, несмотря на такой людской хаос, атмосфера в пивнушке всегда была доброжелательной и теплой, чему немало способствовала говорливая толстая Катька, бессменная хозяйка заведения под бесхитростным и даже несколько странным названием «Сигнал». Обладая острым умом, бойким языком и бойцовским характером, Катька, родившаяся на Молдаванке, могла успокоить кого угодно и быстро навести порядок там, где не справились бы и несколько милиционеров.

В блатном мире Катьку знали и уважали. Какое-то время она была замужем за Васькой Фингалом, матерым вором, который работал под эгидой самого Тучи, но Фингал был застрелен в очередной перестрелке с милицией, что время от времени происходило в дебрях большого города, а в последние годы — все чаще.

К удивлению криминального мира, Катька больше не спуталась ни с кем... и никто из воров не заменил ей Фингала. Любовь ли была тому причиной, или Катька больше не хотела вести страшную подпольную жизнь — этого никто не знал, а она не собиралась говорить. Катька с упорством занялась пивной, в промежутках между работой одна воспитывая двоих сыновей. За такое мужество она вполне заслуживала уважения, и все знали о специальном распоряжении Тучи, который все больше и больше прибирал к рукам одесский криминальный мир: кто тронет Катьку с пивной, будет иметь дело с ним.

Шутить Туча не любил. И, хоть не ставил на ножи по пустяковым причинам, слово свое держал. У Катьки появилась серьезная защита, и любители скандалов стали обходить ее заведение стороной. А в пивнушке воцарились мир и спокойствие.

Сыщик Петренко сидел в пивной «Сигнал» вот уже полчаса и, потягивая пиво, рассматривал разношерстную публику. Он ждал своего друга — репортера Сосновского, который здесь назначил ему встречу. Впрочем, репортер предупредил, что может задержаться. Петренко это было даже на руку. Редко в его бурной жизни удавались такие спокойные минуты, когда можно было просто тихонько посидеть и выпить пива, хоть и было оно ужасного качества, в отличие от нэпманских ресторанов, куда ходить Петренко категорически не любил.

В силу своей работы он просто не выносил спекулянтов, барыг и торгашей. Ему казалось, что все они насквозь пропахли потными, вонючими червонцами, которые выдурили у простых людей. И запах этот было не убрать, несмотря на контрабандные дорогие духи.

В пивной «Сигнал» публика была попроще, и в этом окружении Петренко чувствовал себя как-то уверенней.

А между тем здесь он был знаменитостью, впрочем, как и во всем городе — после того, как с позором разгромил банду Котьки Вяленого, надувив того, как

последнего козла. Иногда работе Петренко мешала его слава и сарафанное радио, которое передавало о нем фантастические подробности, но обижаться на это не следовало. Такой уж была особенность южного города, в котором всегда знали все обо всех, особенно те, личные, подробности, в которые часто не посвящают окружающих.

А потому, едва Петренко появился в дверях пивной, публика значительно поредела. Нельзя сказать, что его приход восприняли в штыки — многие предпочли покинуть заведение, посчитав, что лишний раз встречаться с таким, как Петренко, было не с руки.

Но Петренко не был подлым, и криминальный мир это ценил, и даже уважал. Он родился и вырос на Молдаванке. Отец его работал фельдшером в Еврейской больнице, а мать была акушеркой. Она умерла от туберкулеза, когда мальчику исполнилось три года, и отец всю жизнь посвятил воспитанию сына. Помогала в этом бабушка — его мать, которая переехала жить к ним и сняла с своего сына часть морального груза и хозяйственных забот.

Маленький Вова Петренко получил хорошее образование, он учился в гимназии. Когда же решил идти по юридической, а не по медицинской линии, отец не препятствовал. Гражданская война внесла свои коррективы, и вместо университета Вовка оказался в отряде рабочей самообороны, а затем — в рядах народной милиции. После работы в уголовном

розыске Петренко все-таки поступил в университет на юридический, но на заочный факультет. Недостаток образования полностью компенсировался его опытом работы в уголовном розыске, природной смекалкой и искренней любовью к своему делу, чему другие могли только позавидовать.

Потягивая пиво и ожидая Володю Сосновского, Петренко вспоминал теплый солнечный день почти год назад, когда в этой самой пивнухе он встретил газетного репортера. Тогда Вова Петренко еще не был столь знаменит, и при его появлении не разбегались подвыпившие посетители. Однако он страшно мечтал таким стать.

В тот период времени Петренко как раз и занимался усиленно бандой Котьки Вяленого, которая учинила в городе настоящий разгром. Был ограблен и убит в своей квартире директор овощебазы, затем произошло ограбление и убийство подпольного квартирного маклера и известного валютчика. После этого — ограбление ломбарда на Спиридоновской, строительного треста на Итальянском бульваре и, наконец, налет на магазин ювелирторга на Греческой, во время которого были убиты два продавца.

Банда Вяленого наводила ужас на весь город, и, вникая в подробности кровавых дел, Петренко проникся личной ненавистью к негодю, решив изловить его во что бы то ни стало. А сделать это было не просто. Дело в том, что Вяленый находился под

особым покровительством Тучи, так как приносил в общак неплохие деньги. Он был щедр и отстегивал больше, чем другие воры. За него горой стоял криминальный мир, и все приближенные к этому миру были связаны круговой порукой молчания, преодолеть которую было совсем не просто.

Петренко повезло самым неожиданным образом. А способствовала этому свадьба Тучи, который устроил по такому поводу грандиозное торжество. На Молдаванке были накрыты богатые столы, спиртное лилось рекой, и отпраздновать приглашались все желающие.

Торжество получилось огромным! К столам мог подойти кто угодно, и никто не проверял присутствующих. Женился Туча на некоей Оксане, деревенской девице, совершенно не связанной с криминальным миром. По слухам, до свадьбы эта Оксана работала детской няней у кого-то из приближенных Тучи. Некоторые утверждали, что даже у его сестры.

Потом эта сестра вроде бы тяжело заболела, и эта самая Оксана принялась ее выхаживать — прямо в особняке Тучи на Фонтане. А в результате вышла замуж за бандитского короля.

Переодевшись в простого марвихера — сделать это было легко, так как Петренко свободно владел и повадками, и именами «своих», и жаргоном, он проник на эту свадьбу. И там познакомился с чело-

веком из банды Котьки Вяленого — подлым, хитрым узбеком, который почти за символическую плату согласился предавать своего начальника и друга, словом, стучать на него милиции.

Особой обработки и не требовалось. Петренко был неплохим психологом и с ходу разгадал подлую душонку узбека, который ненавидел Котьку Вяленого потому, что страшно ему завидовал.

В банде этого типа дразнили Чебуреком. Это страшно его обижало, потому что сам он пытался добиться того, чтобы его называли громко — Чингисханом. Однако с первого же взгляда была видна его трусость, подлость и лживость. Кличку Чингисхан бандиты подняли на смех и переименовали в Чебурека, чем вырыли себе яму.

С Чебуреком Петренко стал встречаться в пивной «Сигнал», которая, как уже упоминалось, находилась под защитой Тучи, и никому не пришло бы в голову, что в ней могут встречаться милиционер и его информатор из преступного мира.

И вот однажды, придя на встречу с Чебуреком, очередную и очень необходимую встречу, Петренко обратил внимание на молодого мужчину, который в одиночестве сидел у стены за самым дальним столиком. Милиционера удивил тот факт, что другие посетители словно избегали его. Они не хотели садиться рядом с ним, несмотря на то что народу в пивной было полно и свободных мест не было.

Мужчина был страшно пьян. В отличие от остальных, пил он не пиво, а дешевую водку. Когда Петренко только вошел в пивную, бутылка была полной, а когда встреча с Чебуреком уже подошла к концу, в ней оставалось меньше четверти.

Одежда мужчины была очень грязной и рваной, он выглядел как бродяга, забулдыга, который спал под забором. И вонь, которая долетала даже до столика Петренко, была от него такая же, как от остальных бродяг. Однако не грязь и не вонь отпугивали окружающих — многие из посетителей выглядели гораздо хуже, чем этот бродяга.

Этот человек так заинтересовал Петренко, что, внимательно слушая Чебурека, он все-таки украдкой наблюдал за ним. Что привлекало в нем? В первую очередь лицо. У него было красивое, благородное лицо, совсем не похожее на тупые рыла вконец испитых, опустившихся бродяг. Время от времени глаза его ярко загорались, словно в них проскальзывали какие-то особые мысли. И во-вторых, Петренко был потрясен, когда, случайно уронив стакан, мужчина выругался... по-французски!

Такого в пивнухе Петренко еще не встречал. Теперь он уже смотрел на странного посетителя во все глаза. Сам Петренко учил французский язык в гимназии и, хоть не мог свободно говорить, прекрасно знал французские ругательства — ту важную часть языка, которую первой усваивает любой школьник.

Когда встреча подходила к концу, Петренко спросил Чебурека, знает ли он, кто это такой. Чебурек не знал. У них было условлено, что из пивной они выходят по отдельности — первым всегда уходил Чебурек, а Петренко еще на некоторое время оставался.

После ухода Чебурека Петренко решительно направился к Катерине, хозяйке пивной. Она была единственной, кто догадывался о том, кем является Петренко на самом деле, но предпочитала молчать, не желая портить отношения с властями.

— Это князь бывший вроде, — сказала Катька, с отворачиванием глядя на бродягу, — у нас его не любят.

— Почему не любят? Что он сделал?

— А хрен его знает! — Катька равнодушно пожала плечами.

— Он бродяга, судя по виду?

— А то кто же? — Катерину удивил его вопрос.

— Но у него есть деньги, чтобы покупать водку.

— Так это Туча за него платит. Велел выдавать ему все, что тот попросит, а потом выставлять Туче счет. Так я и делаю. Только он не жрет ничего, хлещет одну водку. Причем без закуски.

— Туча за него платит? — Вот это был номер! Петренко так поразился, что даже растерял все слова. — Да кто же он такой? Он бандит?

— Да тебе шо, повылазило? Сказано ж тебе — его не любят! Никакой он не бандит!

— Но фамилию его ты хоть знаешь?

— Да вот Туча мне в тетрадке записал... Сейчас поищу... — Катерина принялась водить пальцем в замусоленной тетрадке, — вот, нашла. Владимир Сосновский.

Владимир... Петренко удивился этому странному совпадению, ведь с этим человеком они оказались тезками! Теперь он был полон решимости узнать всю его историю до конца.

— Это шоб он за голод не подох, — вдруг сказала Катька, — потому Туча за него и платит. Сказал кормить его. Туча добрый. А этот швицер только водку жрет.

— Где он живет, ты знаешь? — Любопытство Петренко было накручено до предела.

— Да нянька я ему, шо ли? — возмутилась Катька. — Халамидников всех окрестных должна знать? Да хоть под забором — мне за какое дело?

В этот самый момент мужчина, шатаясь, поднялся из-за стола и побрел прочь, к выходу из пивной. Петренко увидел, что бутылка из-под водки на столе была пуста. Закуски не было никакой. То, что он только пил, было плохим признаком. Похоже, спивался он стремительно, и такими темпами ему оставалось недолго жить.

Вернувшись на работу, Петренко выяснил об этом человеке все, что только было возможно. Оказалось, что это был газетный репортер и даже писатель. Два его романа были напечатаны в Москве. Он был арес-

тован за убийство жены, некоторое время провел в тюрьме, но потом следователь нашел доказательства его невиновности, и его выпустили.

Однако после того, как он попал под следствие, его уволили с должности главного редактора газеты «Одесские новости». Когда же оправдали и выпустили, то так и не восстановили в должности.

Потом что-то произошло. Вместо того, чтобы искать новую работу, Сосновский стал опускаться. Он начал пить. Его выгнали со съемной квартиры. Он стал ночевать по каким-то ночлежкам и помойкам. Один раз его даже задержали за бродяжничество. С репортером и писателем Сосновским было покончено. Что с ним произошло, никто не знал.

Петренко принялся копать дальше и вскоре вышел на след одного журналиста из «Одесских новостей», который больше всех остальных знал о Владимире Сосновском.

— Сосновский? Да это легендарная личность в Одессе! — разговорился он, после того как Петренко пригласил его в ресторан и как следует угостил. — Сосновский знал весь криминальный мир старой Одессы! Лично знал самого Мишку Япончика! Это такой человек...

— Что с ним произошло?

— Кто знает... Сломался, наверное. В его жизни столько всего было. Говорили даже, что все его родственники перебрались в Париж, а он остался здесь один... Сломался, точно.

— Из-за женщины? — прямо спросил Петренко.

— Ну, в его жизни была какая-то громкая любовная история. Поговаривали одно время, что он был связан с воровкой по кличке Алмазная. Черт их знает, что там произошло, но имя его с этой Алмазной связывали.

В голове Петренко что-то щелкнуло. Вот и возможная связь с Тучей! Петренко посмотрел все документы, которые нашел в архиве, по Алмазной. Она была в банде Кагула. Знаменитая налетчица. Но вот уже некоторое время лежала на дне. Информаторы поговаривали даже, что она умерла. Об Алмазной ничего не было слышно в городе.

Петренко бросился в пивную снова, но Сосновского там не было. По словам Катьки, тот не приходил уже несколько дней.

Зная все значные места возле Привоза и железнодорожного вокзала, Петренко принялся его искать. И очень скоро нашел. Возле станции железной дороги «Одесса—Малая» была целая сеть лачуг. В них ютились всякие отбросы. В одной из таких лачуг он и обнаружил Сосновского — избитого до полусмерти, да к тому же и ограбленного. У несчастного отобрали даже ботинки и его рваное пальто.

Сосновский умирал. Петренко вызвал служебную машину и отвез его в Еврейскую больницу. Там Сосновский пробыл достаточно долго, и все это время Петренко, как нянька, ухаживал за ним. Зачем он это делал, Петренко и сам не понимал. Ему очень хоте-

лось вернуть этого человека к жизни. Он чувствовал в нем что-то хорошее, чувствовал, что он не полностью потерян для общества. От природы обладая редкими дарами — состраданием и милосердием, Петренко вернул Сосновского к жизни.

Когда пациента выписали из больницы, Петренко перевез его к себе в квартиру. К тому времени ему удалось разгромить банду Котьки Вяленого, устроив ловушку. Петренко выстроил все так хитроумно, что в ловушку угодил и Чебурек. И, к огромной радости сыщика, пошел под расстрел со всеми остальными бандитами. Предателей не любят даже те, кто пользуется их услугами.

Так Петренко подружился с Сосновским. Володя оценил его операцию по поимке Котьки Вяленого и давал ему множество дельных советов насчет криминального мира, который больше не был кошмаром для него самого, а стал отдаленным, хоть и болезненным воспоминанием.

Однако несмотря на их дружбу и на то, что Вова Петренко фактически спас жизнь Володи Сосновского, журналист так и не рассказал свою историю.

— Я умру, если начну вспоминать, — говорил бывший князь.

— Но в этом виновата женщина? — не отставал Вовка.

— Не так, как ты думаешь.

— Ты это о чем? — удивился Петренко.

— У меня умерла дочь. И я не смог пережить ее смерти...

Это было единственное, что сказал Сосновский. И Петренко чувствовал, что лучше действительно не возвращаться к этому разговору.

Чтобы окончательно вернуться к жизни, за месяц, что он прожил в квартире Петренко, Володя Сосновский написал роман. Он назывался «Краски рассвета». Главный герой, бандит, опускается на самое дно, но с приходом большевиков начинает новую жизнь. Он идет в народную милицию, становится сыщиком и начинает ловить своих бывших товарищей.

Роман почти сразу приняли в издательстве и довольно быстро напечатали большим тиражом. О нем заговорили, его высоко оценило большевистское начальство. А вот писатели и бывшие коллеги Сосновского плевались, говорили, что это роман о мерзком предательстве, и нечем тут гордиться.

Вове Петренко этот роман тоже казался немного странным. Но нельзя было не признать тот факт, что Володя Сосновский угодил в самую точку: именно такие романы и требовались новой, пролетарской литературе для поднятия пролетарского духа.

Благодаря успеху романа Сосновского приняли на работу в новую, но уже достаточно популярную газету «Знамя коммунизма». Начал он репортером криминальной хроники, а вскоре и возглавил криминальный отдел, став его редактором.

Не без протекции Петренко, который замолвил нужное слово кому следует, Сосновскому выделили собственную жилплощадь — большую светлую комнату размером в целых 20 квадратных метров в коммунальной квартире на бывшей Преображенской, а ныне — улице Красной армии. Это было его личное жилье, которое не нужно было снимать, за него не нужно было платить, и никто больше не мог выгнать его на улицу.

Получение квартиры окрылило Володю больше всего остального. Он стал совершенно нормальным, полноценным человеком. Короткие месяцы пережитого ужаса ему самому казались кошмарным сном. И глядя на Сосновского, Петренко испытывал гордость — за себя, за него, в общем, за то, что он спас человека.

Володя с новыми силами включился в работу, восстановил старые связи в криминальном мире и начал писать новый роман. К водке он больше не прикасался.

И вот теперь Вова Петренко ждал своего друга в той же самой пивной «Сигнал» для того, чтобы узнать все о камне и о том, какие подробности Сосновский раскопал об убийстве проститутки.

ГЛАВА 4

Арест жениха.

Начало — убийство в Чубаевке.

Просьба мадам Зои. Еще один лунный камень

Глотнув остатки мерзкого, теплого пива, Петренко поневоле подумал, что воспоминания слишком уж затянулись — ждал он уже больше часа. Посетители пивной стали значительно редеть. Но не успел он почувствовать настоящее раздражение, как на входе показался оживленный Володя Сосновский.

— Вовка, прости! — плюхнулся он за стол. — Лариса совещание устроила. Еле отбил, да и то в последний момент.

Лариса Бреус, редактор «Знамени коммунизма», относилась к числу таких же деятельных партийных

дам, какой была и Софья Соколовская, первоначально возглавлявшая партию большевиков в Одессе, которая при этом никому на свете не позволила бы именовать себя дамой.

Уже перешагнув 40-летний рубеж, Лариса Бреус сохранила в себе юношеский задор, живость, подвижность, умение быстро реагировать на ситуацию и все схватывать на лету. Сосновскому она чем-то напоминала его самого в юношеские годы. Хоть Володя и был намного моложе, теперь он чувствовал себя столетним стариком, полностью потерявшим вкус и интерес к жизни.

А потому поначалу он был твердо уверен, что не сработается с деятельной редакторшей. И действительно, в первое время между ними происходили бурные стычки, которые живо напомнили Володе годы работы со знаменитым и страшным редактором Хейфецем. Было абсолютно понятно, почему появление такого сотрудника, как бывший редактор «Одесских новостей», Бреус встретила в штывы. Однако очень скоро они стали, как говорится, чувствовать друг друга. А обнаружив не единожды, что мыслят в одном направлении, перестали ссориться — причины для ссор исчезли.

Впрочем, Володю, хоть он и молчал, все еще продолжала утомлять и немного напрягать бурная, неумная энергия Ларисы Бреус, к которой часто, по его мнению, примешивалась огромная доза юно-

шеского идиотизма, как он, опять же про себя, определил.

— Читал твое творение сегодня утром, — начал Петренко, — скупое, но по существу. Красиво описал про отрезанную голову, но почему-то полностью упустил упоминание о камне.

— Разве о таких вещах пишут? — Сосновский пожал плечами. — Тем более, когда расследование еще не закончено.

— Боюсь, что уже закончено, — вздохнул Петренко, — собственно, это я и собирался тебе сказать.

— Понятно, — нахмурился Сосновский, — значит, взяли парня. Быстро, оперативно работаете. Где?

— В Измаиле. Собирался отправиться вниз по Дунаю.

— Бежал?

— Бежал. Когда узнал про убийство этой Иванько.

— Из газет? — фыркнул Володя. И сам себе ответил: — Из газет, ясно! Об этом убийстве все газеты трубят вот уже два дня подряд!

— Ну да. Так он и сказал. Что прочитал в газете.

— Он грамотный? — удивился Сосновский.

— В том-то и дело, что нет. Сказал, что ему прочитал прораб на их стройке, тот грамотный. Начал вслух читать про убийство... А там и фотография девицы.

— Это «Одесский Маяк» постарался, — снова фыркнул Сосновский. — Дебилы!

— И не говори! — подхватил Петренко. — Редактору «Маяка» уже влетело от моего начальства за такую самодеятельность. Чуть не спугнули.

— Но все-таки вы успели его поймать, — хмыкнул Сосновский. — Ты его уже допрашивал? Что он показал?

— Допрашивал. Сказал, что не видел Светлану больше месяца. И в последнее время у них отношения были так себе. Он подозревал, что в Одессе она с кем-то познакомилась, более серьезным, чем он.

— Познакомилась! — снова хмыкнул Володя.

— Кстати, он был твердо уверен, что Иванько работает посудомойкой в заводской столовой. Думал, нашла себе кого-то из рабочих, одесситов.

— Он был в ее квартире?

— Нет, даже не знал ее одесского адреса. Иванько врал, что живет в общежитии завода в комнате на шесть человек и пригласить его к себе не может. Встречались они в парках, чайных.

— Ты проверял? — взгляд Володи стал острым.

— Да, — кивнул Петренко. — Проверял, конечно. И вот это самый плохой момент во всей истории. Отпечатков пальцев этого парня в квартире Иванько действительно обнаружено не было. Вообще ни одного! А это абсолютно невозможно, если он ее убил. Ты же сам знаешь.

— Потому что это не он, — пожал плечами Сосновский. — Я ведь тебе с самого начала сказал.

— Тогда чего он собирался бежать?

— А ты бы не побежал, если б тебя обложили, как зверя, со всех сторон? — воскликнул Володя. — Он ведь не совсем конченный дурак, он понимал, что рано или поздно на него выйдут и припишут ему это убийство. Бегство — абсолютно нормальная реакция.

— Ну, как знать... — Петренко печально покачал головой и вздохнул: — Начальство давит со всех сторон. Требуется закрывать дело скорей.

— А ты потяни. Ты же умеешь это делать, — вскинулся Сосновский.

— Сложно тянуть, когда арестован главный подозреваемый...

— ...который точно не убивал жертву, — в тон ему закончил фразу Володя.

— Ладно, — махнул рукой Петренко. — Ты теперь рассказывай.

— Для этого я и пришел. Только, боюсь, тебе эта история очень не понравится, — предупредил сразу Сосновский.

— Это уж мне решать, что понравится, а что нет, — нахмурился Петренко.

— Ну, сам попросился! — Володя улыбнулся. — Только потом не жалуйся. Тогда я начну с самого начала.

— Начинай, чего уж тут... — продолжал хмуриться Петренко, понимая, что такое вступление не означает для него ничего хорошего.

— Начало — это убийство в Чубаевке, — продолжил Сосновский.

— Подожди! — остановил его следователь. — Ты что, хочешь сказать, что убийство в Чубаевке связано с убийством девицы легкого поведения на Молдаванке?

— Именно, — кивнул Володя.

— Но это невозможно! — воскликнул Петренко. — Старик был задушен. Там не было ничего общего, ни одной детали!

Убийство, о котором говорил Володя Сосновский, произошло недели две назад. Случилось все на хуторе Чубаевка, в доме, где сдавались внаем комнаты, это было нечто вроде постоянного двора.

В одной из комнат на втором этаже был найден труп старика, который приехал и поселился накануне, поздним вечером. Он был задушен — но не голыми руками, а шарфом или пеньковой веревкой, которую, судя по следам, в несколько слоев обмотали вокруг шеи. Однако ни веревки, ни шарфа, ни какого-нибудь подходящего куска ткани, с помощью которого можно было совершить убийство, на месте преступления не нашли.

Комната, в которой остановился старик, была перерыта вверх дном, словно в ней или происходила жестокая борьба, или что-то тщательно искали, что, в общем, было больше похоже на правду...

По словам хозяйки этой самодельной гостиницы, личные вещи старика исчезли. Он приехал с саквояжем

и с каким-то холщовым свертком, который все время держал в руках, прижимая к груди. Ничего подобного в комнате найдено не было.

Не было и документов старика. Хозяйка показала, что о приезде постояльца ее заранее предупредил местный житель, периодически становившийся проводником к контрабандистам: он сводил с ними тех, кто тайно хотел покинуть город. Это были люди из криминала, как правило, способные платить за такие услуги немалые деньги. По словам проводника, было похоже, что старик тоже собирался бежать. Но куда и зачем?

Следствие принялось устанавливать личность убитого. Вскоре в милицию обратился секретарь раввина центральной синагоги, которая находилась в Водяной Балке. Он подал заявление об исчезновении сотрудника библиотеки при синагоге. Приметы исчезнувшего сотрудника полностью совпадали с приметами убитого.

Раввин приехал и опознал труп. Убитого звали Аарон Нудельман, он работал при синагоге, занимался редкими рукописями и книгами. Когда-то преподавал в гимназии историю и латынь. Но работать в советскую школу не пошел, так как, по его словам, история там была совершенно другая, а латынь не преподавалась, поэтому он устроился работать при синагоге.

Нудельман был одинок. Жил на Молдаванке в ужасной хибаре на Виноградской, под самым скло-

ном, спускающимся к синагоге. Родственников у него не было — большинство членов его когда-то большой семьи были убиты во время еврейского погрома, который был устроен атаманом Григорьевым, как только его банды вошли в Одессу. Сам старик уцелел лишь потому, что его спрятали соседи.

Жена его умерла много лет назад, еще до погрома. Он остался с сыном Наумом. Но тот был убит уже взрослым — вечером возвращался с работы домой, на Виноградную, и в районе Балковской ямы на него напали бандиты, пырнули ножом. От полученных ран Наум скончался на месте. Убийцу так и не нашли, да, впрочем, и не искали.

Позже Аарон узнал, что в кошельке сына, который бандиты так и не забрали, было лишь несколько мелких монет, да еще старенькие наручные часы, которые не представляли никакой ценности...

Так что после смерти сына Аарон Нудельман жил в полном одиночестве и сторонился людей. Все время проводил в библиотеке при синагоге, занимался только своими редкими книгами и старыми рукописями, перебирая их и сортируя по алфавиту. Собственно, это было все, что выяснили о старике.

К моменту смерти Аарону Нудельману исполнилось 74 года. Следствие выдвинуло версию, что в общей комнате постоялого двора, представлявшей что-то среднее между дешевым рестораном и захудалым трактиром, сидели какие-то уголовники, внимание которых при-

влек дорогой саквояж в руках старика. Подниматься на второй этаж нужно было именно через эту общую комнату, поэтому видеть приезжего мог кто угодно.

Уголовники поднялись на второй этаж и ворвались в комнату. Старик принялся сопротивляться. Чтобы избежать шума, они его задушили. А после этого, полностью ограбив, сбежали.

Это была единственная версия, которую удалось выдвинуть следствию. Но бандитов, уголовников, которые могли совершить подобное, так и не нашли.

Петренко замолчал. Он сказал все, что знал.

— Все это я узнал сразу, — бросил Володя, — и тогда я задал себе главный вопрос: почему старик собирался бежать? И, главное, почему его могли преследовать?

Поэтому, уже зная, что в истории старика Нудельмана не все так просто, Сосновский отправился в си-нагогу. Но увидеться с раввином ему так и не удалось. Его принял секретарь раввина, который долго и путано пытался объяснить, что раввин уехал куда-то в область.

Однако Володя подозревал, что это неправда, что раввин просто не хочет видеться с ним. А потому спросил прямо секретаря: что ценного исчезло из си-нагоги? Что это за предмет, информация о котором скрывается так тщательно?

— Стоп! — Петренко поднял руку, прерывая рассказ друга. — А вот с этого момента поподробней. Что за предмет, как ты узнал?

— Я просто предположил, что старик выкрал из синагоги нечто очень важное и ценное, то, что ему удалось найти с помощью этих своих рукописей, — пояснил Володя. — Поэтому он и хотел бежать из Одессы тайком. Вышел на проводника, думал вообще покинуть страну. И причиной всему был этот предмет. Очевидно, за ним охотился не только старик, но и кто-то еще. И вот они-то и напали на старика, убили и отобрали его.

— Это была твоя догадка или у тебя были конкретные основания так думать? — нахмурился Петренко.

— Ты слушай дальше! — улыбнулся Сосновский. — Ты бы видел, что сделалось с секретарем раввина, когда я спросил об этом! Радуга бы позавидовала краскам, которые выступали на его лице! Он вспылил и буквально выставил меня из синагоги. Разговор, конечно, ничем не закончился, но я получил главное подтверждение тому, что мои подозрения верны. Речь действительно идет о ценной вещи. А старик был просто жертвой — вернее, принесен в жертву некоему культовому предмету, который был так важен, что ради него можно и убить.

— Что это такое, ты узнал?

— А вот это как раз и переносит нас в самое начало моей истории! Ты слушай дальше.

И, наслаждаясь удивлением, которое явно проступало на лице его друга, Володя начал свой рассказ.

В тот самый обычный день, когда ничто не предвещало неожиданных поворотов и невероятных историй, Сосновский сидел в редакции газеты и отсутствовал на машинке очередную статью. Работал он уже несколько месяцев и полностью влился в привычный мир редакции.

Писал он исключительно на криминальные темы, поэтому очень скоро у него стали восстанавливаться старые связи. Неожиданно в его жизни начали появляться люди, которых он считал давно потерянными. И это касалось не только старых знакомых.

Совершенно неожиданно в разных местах он вдруг стал встречать старых одесских воров, членов различных уличных банд, которые воспринимали его как своего друга. Объяснялось это тем, что не все прежние воры и налетчики нашли свое место в новой криминальной жизни. Старые законы ушли в прошлое. Власть захватили новые люди, принуждая бандитов выживать по новым, совершенно диким правилам. И на этом печальном фоне им приятно было видеть человека из старого мира, человека из прошлого, который знал в лучшие времена, воспоминания о чем они тщательно хранили в своих очерстевших сердцах.

Потом заработало сарафанное радио, и весть о Сосновском быстро разнеслась по городу. Иногда это облегчало работу, а иногда — полностью парализовало ее.

Итак, это был самый обычный день в редакции — день, который ничем не напоминал работу газетного репортера. Атмосфера «Знамени коммунизма» очень отличалась от «Одесских новостей».

Когда Володю уволили с должности главного редактора, то после его выхода из тюрьмы ему разрешили вернуться на работу, но только в качестве газетного репортера. Это было страшное, дикое время — оно-то и ввергло Сосновского в пучину отчаяния и тоски.

Репортеры в «Одесских новостях» гоняли по городу с утра до вечера, накатывая тысячи столбцов хроники для ежедневного выпуска. Эта нагрузка была колоссальной. Володя сломался буквально в первую неделю, отвыкнув работать так, словно он был студентом без опыта или полуграмотным подростком, которого только ноги, ушлость и наглость могут привести в штат редакции, но отнюдь не талант.

В «Знамени коммунизма» все было по-другому. Газета не освещала городские новости, отдавая предпочтение аналитическим и пропагандистским материалам. Обстановка в ней была более спокойная, и Сосновскому это очень нравилось.

А потому он в совершенно спокойном расположении духа снял трубку зазвонившего телефона. Каково же было его удивление, когда старческий, дребезжащий женский голос попросил пригласить журналиста Владимира Сосновского.

— Ох, вы все равно за то не поверите... — вздохнул голос, когда Володя представился. — А шо вы помните за Гришку Клюва?

— Я помню за Гришку Клюва, — осторожно ответил Сосновский, готовый ко всему.

— А до его подружки Рыжей Зайки?

— Рыжая Зайка? — Володя напряг память. — Да, припоминаю. Марвихерша, порт, работала с Сонькой Кривой.

— Я таки-да, говорила за всем, шо голова у фрера такого, как ты, за плечи еще как варит! — с восторгом отозвался голос. — Это я и есть, я, Рыжая с порта. Только я давно уже не Зайка. Я теперь стопудовая мадам.

— Рад за вас! — поневоле хихикнул Сосновский.

— Тут такое... Картина маслом. Хипиш больной за мою голову... — затараторила бывшая Зайка, которая теперь мадам. Из долгих объяснений Володя понял, что с ней произошло нечто необычное, о чем ей не с кем посоветоваться, кроме как с ним, ведь он слыл за человека порядочного, да и мир ее знает не понаслышке. Заинтригованный Сосновский согласился встретиться с мадам Зоей, которая успела ему поведать и о том, что держит на Екатерининской шикарный бордель, который так любят все большевики.

В назначенный час Володя уже сидел за столиком небольшой кофейни в районе Таможенной площади, рядом с портом. Мадам он узнал сразу, несмотря на

то что время отнеслось к ней довольно беспощадно, и Зайкой ее больше никто бы не назвал.

Мадам Зоя сильно постарела и остепенилась. Незменными остались только ярко-рыжий цвет волос да зазорные глаза.

После долгих охов и вздохов о районе порта, где прошла ее боевая молодость, мадам Зоя все-таки приступила к делу. В ее заведении на Екатерининской произошла ситуация, которая выбила ее из привычной колеи. Что думать о ней, мадам Зоя не знала. А потому решила посоветоваться с Володей Сосновским.

Два дня назад, как раз в обед, в ее заведении появился старик. Это было нормально и привычно — старики все время посещали бордель. Ничего необычного в том, что старик попросил позвать к нему девицу по имени Светулик, тоже не было.

Мадам Зоя, как и большинство сотрудниц ее заведения, не любила Светулика, между собой они называли ее деревенской Светкой. По словам мадам Зои, Светка была жадная и злобная. Она не умела культурно есть — хватала еду, чавкала, не меняла нижнее белье, а еще не мыла ноги, и многие клиенты жаловались.

— Никакого представления, как брать ванны! — мадам Зоя закатила глаза.

Именно поэтому Светулик была приходящей — мадам Зоя не позволила ей постоянно проживать в роскошной квартире на Екатерининской из-за не-

ряшливости в быту. Она знала, что девица снимала квартиру где-то на Молдаванке, но ее совершенно не интересовали подробности.

В тот день Светка не работала, у нее был «красный флаг», и мадам Зоя предложила старику позвать любую другую девицу на выбор. Но вот тут он разнервничался.

Старик сказал, что ищет девицу исключительно по серьезному делу. Он думает, что она могла быть причастна к краже, в которую ее втянули. Украден очень серьезный культовый предмет, который тем, кто его украл, принесет массу неприятностей. И он хочет уговорить девицу образумиться и таким образом ее спасти.

Мадам Зоя опешила, и не только потому, что от кражи всегда плохо пахло. Мадам, всю свою жизнь проведенную на криминальном дне, поразила культурная, грамотная и серьезная речь старика. По мнению мадам Зои, а она разбиралась в людях, старик был похож на ученого или на школьного учителя. Он почти сразу внушил ей какое-то благоговение, и она перепугалась.

Мадам Зоя действительно не знала, где живет Светка. А если бы знала, то сказала бы — такое впечатление произвел на нее старик. Он достал из кармана камень и показал ей, сказал, что этот камень был на украденной вещи, но отвалился. Не видела ли мадам его раньше?

Мадам Зоя разобралась в камнях и сразу поняла, что это полудрагоценный лунный камень. К тому же она знала, что такие вещи часто используют в какой-то религиозной утвари. Это еще больше усилило ее ужас. Во что ввязалась деревенская дуреха, и как все это теперь отольется ей, Зое? Мадам было страшно.

Старик расстроился, что девицы в заведении нет. Уходя, он обронил камень из дрожащей руки. Наверное, хотел засунуть в карман, но промахнулся. Этот камень лежащим на полу обнаружила мадам Зоя уже после ухода старика. Она сразу отдала его Володе, сказав, что не хочет его у себя держать. Сосновский камень взял с удовольствием, потому что уже предвкушал интересную историю — если не для газеты, так для романа.

Но это было еще не все. Заинтригованная Зоя решила выяснить, кто такой этот старик. Зная его личность, можно было хоть как-то обезопасить себя от будущих неприятностей.

Мадам быстро вызвала Семена — довольно толкового парня, который служил вышибалой в заведении, и послала его проследить за стариком. Тот двигался медленно, шел по улице шаркающей, тяжелой походкой, не глядя по сторонам, погруженный в свои мысли, и Семен быстро прилепился к нему, как тень.

Через полтора часа Семен вернулся к Зое с подробным докладом. Он провел старика до центральной синагоги в Водяной Балке, по Балковской улице.

По словам вышибалы, старик спускался вниз, к Балковской яме, по Градоначальницкой, которая была переименована на улицу Перекопской победы. Это произошло еще в 1923 году, но никто ее так не называл. Семен видел, как на Градоначальницкой старик долго стоял перед одним обычным жилым домом, неказистым на вид. Он словно говорил сам с собой, размахивая руками. Что это за дом, Семен не знал. Потом старик снова пошел вниз и вошел прямо в синагогу. Вышибала был не дурак и сумел разговорить какого-то парня, который как раз оттуда выходил.

Парень с легкостью рассказал, что этот старик — ученый, которого боится сам цадик — раввин. Его зовут Аарон Нудельман и он работает в библиотеке при синагоге. Он занимается книгами, разбирает старинные рукописи и вообще жутко ученый. Живет один, ни с кем не общается, и молодежь считает его чем-то вроде городского сумасшедшего, забавного чудака. А вот люди более старшего поколения его побаиваются.

Всю эту информацию Семен принес мадам. Зоя пошла дальше. По своим криминальным каналам она бросила клич, что пытается выяснить, кто обворовал синагогу и что оттуда украли. Очень скоро получила ответ: кражи в синагоге не было, никто ничего не воровал. Воры избегали работать в таких культовых местах, как церкви, синагоги. Еще по старым понятиям, это было плохо.

Володя пообещал мадам Зое заняться этой историей, записал все, что он от нее узнал, забрал камень. История так заинтересовала его, что он принялся размышлять.

Конечно, Светулик не сама совершила кражу, для этого она была слишком глупа. Кто-то ее втянул в эту историю, по-видимому, какой-то мужчина. Возможно, она прячет украденный предмет у себя. Нужно найти эту девицу!

На следующий день Сосновский узнал об убийстве старика Нудельмана в Чубаевке. Володя так разнервничался, что пытался поговорить с раввином. Но тот или ничего не знал, или не захотел говорить. По словам раввина, никакой кражи не было. Из синагоги не пропадали ни рукописи, ни ценные предметы. А старик Нудельман часто страдал какими-то странными фантазиями, которые никто не мог объяснить.

Тогда Сосновский договорился с мадам, что как только Светка появится в борделе, она тут же вызовет его. А вышибала Семен тем временем постарается задержать девицу. Однако Светка больше там не появлялась. Ее не было целых две недели, и это было очень похоже на то, что она затаилась после убийства старика Нудельмана.

А через две недели Володя от своего информатора в уголковке узнал про страшное убийство какой-то девицы на Молдаванке. Не сомневаясь, что его друг

обязательно будет находиться там, он захватил камень и поехал по указанному адресу.

С камнем Сосновский блефовал. Он не был уверен, что у девицы был точно такой же. Но решил попробовать. И все получилось! О том же, что убита Светулик, Володя тоже догадался интуитивно — сказывался опыт расследования историй.

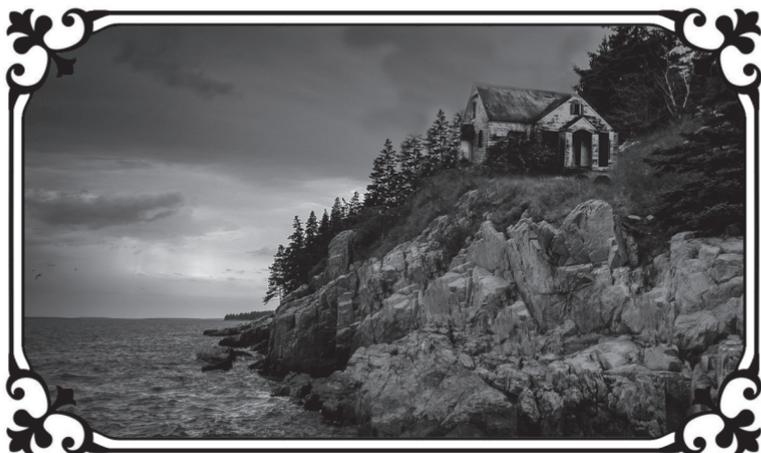
— Итак, убийство Светки связано с убийством Аарона Нудельмана, — подытожил Сосновский, обращаясь к погрузившемуся Петренко.

— Да уж... Старик, работающий при синагоге, идет в бордель мадам Зои... — тяжело вздохнул тот, — и ищет проститутку по имени Светулик!

— Точно, — усмехнулся Володя.

— Точно... — перекинул его Петренко и вдруг, не сдержавшись, воскликнул, воздев очи горé:

— Что это за дикая хрень такая?!

ГЛАВА 5

Дом на Французском бульваре. Нэнман и Кира.

Налет. Странный посетитель

Дом продувался со всех сторон, и даже при закрытых окнах в нем гуляли вечные сквозняки — может быть, потому, что рядом не было никаких строений, способных сдерживать безудержные воздушные потоки. Он стоял над обрывом, над самым морем. Когда-то давно это была одна из тех роскошных дач, которые украшали Французский бульвар, сделав этот аристократический район настоящей жемчужиной Одессы, но мятежное, кровавое время не пощадило красоты архитектуры. Оно вихрем пронеслось над изящными особняками, уничтожая их, стирая с лица земли. Большинство хозяев этих особняков давно по-

кинули Одессу, добрались до Парижа и теперь служили вахтерами, таксистами, чернорабочими, официантками и горничными на абсолютно чужой земле. Изящные рамы и двери вывернул, искорежил ветер, от французского стиля остались только почерневшие, разбитые камни, превратившие этот французский стиль в руины.

Правду сказать, какую-то часть строений, пригодных для жилья, не сильно пострадавших в результате кровавой войны, поправили на сколько могли и разбили на отдельные дома и квартиры. В некоторых виллах даже открыли санатории, особенно разрушенные снесли. А в остальных сделали множество вариантов для сдачи жилья — начиная от коммунальных квартир и заканчивая в целом неплохими домиками, в которых можно было поселиться, правда, за небольшую цену.

Дом, о котором идет речь, уцелел после всех боев и даже во времена обстрелов с моря, когда корабли союзников деникинского десанта в попытках взять Одессу обстреливали склоны Французского бульвара. Уцелел он и среди строений, предназначенных новой, большевистской властью на снос. Может быть, потому, что находился не на самом Французском бульваре. Чтобы его найти, нужно было свернуть с бульвара в совсем узкий, глухой переулок и пойти по направлению к морю. Можно сказать, что дом этот прятался от чужих — был он закрыт не толь-

ко холмистой местностью, но и разросшимися деревьями, закрывавшими большую часть переулка.

Когда-то это была часть роскошной виллы, находящейся на Французском бульваре, — гостевой дом. Может, именно поэтому большая часть комнат первого этажа сохранились в целостности и сохранности, имея вполне жилой, пригодный вид. Правда, этого нельзя было сказать о втором этаже, подвергшемся разрушению. Окна там были без стекол, часть крыши и стены — повреждены. Поэтому второй этаж заперли наглухо, а внаем стали сдавать только первый этаж. Да и то до того времени, пока власть не решит, что делать с этим унылым домом — сносить, восстанавливать, переоборудовать или отдавать под пролетарский санаторий, разрастающийся по соседству.

Желающих снять дом не нашлось. Сначала, как только было объявлено, что в доме можно поселиться за определенную плату, появилось довольно-таки много любопытствующих. Все это были нэпманы — люди, располагающие деньгами, а потому способные платить немалую арендную плату, назначенную новой властью. Но... постепенно поток желающих иссяк — люди ходили по дому, смотрели и уходили вояси, не решаясь его снять. Все, как один, говорили, что особняк выглядит уныло, навеивает мрачные мысли... В нем наверняка живут призраки. А отдаленность не способствует безопасности тех, кто рискнет поселиться в нем.

Дом показывал местный сторож, дедок, который по совместительству работал в соседнем санатории. Он любил поговорить, а потому сразу же вываливал все: и легенду о проклятии старинного рода, которому принадлежал особняк, и то, как восставшие моряки высадились на берег и перебили всех обитателей дома, и так же вполне откровенно отвечал на вопрос, куда делись предыдущие жильцы все-таки жившие здесь уже во время большевистской власти. Откровенность состояла в подробном рассказе о том, что предыдущие жильцы все, как один, умерли от тифа, и трупы долго лежали в доме — в связи с его удаленностью.

После этого все желающие снять особняк разворачивались и уходили. А старик-сторож искренне не понимал, почему его такие интересные рассказы не вызывают у людей никакого желания погрузиться в такую необычную историю.

Но однажды все изменилось — появился невысокий полноватый мужчина с хитрым и нагловатым выражением глаз и, не слушая рассказней старика, вернее, никак на них не реагируя, моментально снял дом.

По вызывающей одежде мужчины, по массивному золотому перстню с неприлично крупным, просто вульгарным бриллиантом на указательном пальце левой руки в нем можно было угадать одного из тех наглых и предприимчивых нэпманов, которые, бросаясь из одного дела в другое, сколачивали быстрые, но незаконные деньги.

И это была правда. Мужчина был известным валютчиком, работой которого было надувать своих деловых партнеров рассказами о лживых инвестициях, а затем, получив инвестиции настоящие, быстро исчезать в неизвестном направлении. Так он добрался до Одессы, где закрутил фальшивую аферу с поставками в городские санатории несуществующих медикаментов. Вложив полученные таким путем деньги в швейный бизнес, он сколотил удачливую артель. А затем надул с поставками муки сеть пекарен, в которые якобы планировал инвестировать значительную сумму. И при этом он не забывал заниматься валютными операциями, настоящим своим делом, которое и принесло ему славу в известных кругах.

Его еще не искали, но обстановка уже накалялась. Поэтому приближенные к нему недоумевали, зачем, вместо того, чтобы с прибылью рвать когти из Одессы, он решил здесь осесть и снял странный дом на Французском бульваре.

Предприимчивый делец никому ничего не объяснял. Поздним вечером того же дня, как был снят дом, он переехал, перевезя минимальное количество вещей и абсолютно ничего из мебели, и заперся. Так он провел целых три дня. Еду из магазина раз в сутки ему приносил его заместитель по валютным делам, совсем уж приближенное лицо, единственный, кто знал местонахождение своего хитрого начальника.

На четвертые сутки нэпман вышел из дома с округлившимся, каким-то неестественным лицом. И, сев в трамвай, который уже курсировал по Французскому бульвару, отправился в центр города. Там он зашел в небольшую ресторацию «Бристоль», причем со служебного входа. И, легко ориентируясь в переплетении узких вонючих коридоров, каких не видят посетители, постучал в деревянную выщербленную дверь, больше уместную для сарая, чем для ночного клуба, хоть и второразрядного.

Там, за дверью, была гримерная некой певички по имени Кира, с которой нэпман крутил в последнее время.

Кира, худощавая брюнетка со злым выражением бледного истощенного лица, лежала на старом диване и куталась в рваную шаль. Она думала о том, где взять деньги на оплату квартиры. Денег не было даже на то, чтобы оплатить этот месяц.

Дела на певческом поприще шли из рук вон плохо. Кире уже исполнилось сорок, хотя это не мешало ей безбоязненно врать всем, что ей 31. Голосок у нее был слабенький, внешность — тоже не очень. В Одессе она оказалась, сбежав из Москвы с неким графом, который обещал увезти ее в Париж. Но граф убыл в Париж один, а Кира осталась в Одессе, потому что возвращаться в родную Москву было бессмысленно — некуда и не к кому.

Как ни странно, когда к власти пришли большевики, Кира приняла их на ура — после графа она воз-

ненавидела всех аристократов. Кира научилась петь революционные песни, и в первое время ей сопутствовал успех.

Большевистский комиссар, с которым она закрутила, устроил ее в театр, и дела ее пошли в гору. Но комиссара убили, и из театра Киру немедленно выгнали за склочный характер. Тут пришел НЭП, став для нее настоящим спасением — Кира принялась петь по разным кабаре и ресторанам, впрочем, не задерживаясь там надолго. Постепенно судьба занесла ее во второй-разрядный ресторан «Бристоль», где молоденькие, действительно молоденькие конкурентки как могли наступали ей на пятки. А оттого дела Киры с каждым днем шли все хуже и хуже — до тех пор, пока не стало совсем плохо.

Услышав стук и открыв дверь, Кира нахмурилась. С этим нэпманом она крутила одно время, но он оказался жадным, экономил на ней изо всех сил. А ведь ничто не раздражает женщину больше, будь то певичка из ресторации или почтенная дама, чем желание мужчины на ней сэкономить! Поэтому, разорвав отношения, Кира перестала воспринимать нэпмана всерьез, напоследок послав его — тоже всерьез. И вот после этого он явился вновь!

— Какого черта ты... — начала было Кира, но нэпман ее перебил:

— Я нашел! Теперь у меня будет куча денег! Вернее у нас! И мы сможем жить вместе! Вот! Это тебе!

Он всунул в ладонь Киры небольшую коробочку. Открыв ее, она ахнула — это был золотой браслет с алмазами и рубинами, по виду старинный. Кира разбилась в камнях и сразу же прикинула, что если браслет заложить в ломбард, то за квартиру можно будет уплатить сразу за несколько месяцев. Всю ее неприязнь как рукой сняло. Она растаяла и бросилась нэпману на шею.

— Что же ты нашел? — она не могла сдержать любопытства.

— Клад! Настоящий клад, который владельцы особняка замуровали в стене и не успели взять с собою в Париж! — воскликнул нэпман.

— Ух ты! Как здорово! Покажешь? — лукаво посмотрела на него Кира.

— Ну конечно! Собирайся, поедем. Особняк, кстати, я снял. Так что мы вместе можем там жить.

Расщедрившись, нэпман даже заказал персональный автомобиль. Кутаясь в облезлое манто из котика, Кира внимательно слушала. Нэпман был воодушевлен.

— Ну, часть камушков придется продать, — сказал он как бы между прочим, — запишем на тебя и скажем, что они твои. Так будет проще.

«Конечно проще, дурень старый, — думала при этом Кира, — так я тебе и отдала деньги! Камушки продам, а деньги возьму себе. Давно уже пора начать новую жизнь!»

«Конечно проще, кошелка тупая, — думал при этом нэпман. — Если ЧК сядет на хвост — камушки твои, я тут ни при чем. А когда тебя зацапают с частью клада, я с оставшимся благополучно сделаю ноги».

Так они и ехали в полном согласии, обнимаясь всю дорогу. Они остановились на Французском бульваре. Расплатившись с водителем, нэпман помог Кире выйти.

— Холодно, — поморщилась она. — Долго еще?

— Тут придется пройтись, — нэпман пошел вперед, указывая Кире путь. — Ветер с моря, потому и холодно.

— Какой страшный дом... — Она застыла перед особняком, не решаясь в него войти. — Какое-то место ужасов... Как ты умудрился в нем переночевать хоть одну ночь?

— На самом деле четыре ночи, — ответил нэпман. — Я заперся и все время искал клад. Простукивал все стены, особенно на втором этаже. И наконец нашел — в стене за камином.

— А как ты узнал про клад? — Кире действительно было интересно.

— Да так, встретился с одним... — нехотя начал нэпман, но потом воодушевился. — Было это в Харькове. Выпили, разговорились. Он мне и рассказал, что в этом доме служил, когда хозяева в Париж решили рвануть. Да не все успели. Кто-то смог, а кого-то перебил отряд, ворвавшийся в дом. Бои тогда были

страшные в городе. А перед отъездом они часть денег и драгоценностей в стене спрятали. Думали, что скоро вернутся, что революция ненадолго. Многие так тогда делали. В общем, клад этот в стене. Так и лежал до сих пор.

— Как страшно... Почему же он сам не забрал клад, ну, тот, кто тебе рассказал? — поехала Кира.

— Попал под поезд, — покосившись на нее, коротко ответил нэпман.

— В этом доме наверняка умерло много людей. Он такой зловещий... — Кира разглядывала все вокруг.

— Да уж... Умирали, как во всех старых домах. Время такое.

Они вошли внутрь. Истлевшие половицы застонали под их весом. Нэпман провел Киру в одну из комнат первого этажа. Он тщательно занавесил окна и зажег керосиновую лампу — электричества в особняке не было.

На столе стояла небольшая дамская шкатулка из резного красного дерева.

— Открой, — скомандовал нэпман.

Киру просто ослепило сияние драгоценных камней! Они были прекрасны — жемчуг, золото, камни... Ярko блестели золотые перстни и браслеты... Только нэпман знал, что это была только часть клада — основные богатства он припрятал, не собираясь открывать все свои карты.

— Ну, что, — улыбнулся он, обращаясь к Кире, — теперь ты будешь со мной?

— Ну конечно! Я уже давно люблю тебя! Ты мой любимый! — она бросилась ему на шею, сжала в жарком объятии. Кира была выше его на полголовы. И раньше этот факт был для нее отвратительным. Но теперь, казалось, этого она вообще не заметила.

— Подожди, — отстранил ее нэпман. — Я хочу тебе сказать... признаться, вернее... Я женат. В Нижнем Новгороде живет моя жена и трое детей...

— Это ничего, — прошептала Кира. — Разве может это быть помехой истинной любви? Мне все равно! Я ведь люблю тебя.

При этом она подумала: «лживый старый козел!» «Шкура», — подумал нэпман.

Они вместе накрыли на стол. Нэпман достал припасы, оставшиеся со вчерашнего дня. На столе появилась копченая колбаса, балык, хорошее вино. Когда сели ужинать, Кира не могла себя сдержать: она ела с жадностью, буквально заглатывая огромные куски, и по-простонародному облизывала пальцы. Пили за настоящее и за будущее. Планы обоих были красочны, как радуга. И в этих планах у обоих точно не было друг друга.

Внезапно раздался резкий треск, как будто что-то стукнуло в раму окна. Кира вздрогнула, едва не уронив бокал с вином.

— Ветер, — попытался успокоить ее нэпман, — ветер бьет в старые рамы на втором этаже. Я уже слышал такое.

Но Кира уже чувствовала, что дом полон таинственных шорохов и звуков. Вслед за рамой раздался скрип половиц. Камин не горел, но вдруг ветер завыл в трубе. Казалось, сквозь стены можно было слышать, как бушует и свирепствует буйное море.

Ей стало не по себе. Все пугало ее в этом доме — от шорохов, скрипов и звуков, до глаз нэпмана, в которых она вдруг прочитала что-то очень неприятное. А что именно — сама себе не могла объяснить.

И тут раздался резкий стук — распахнулось окно. Ворвавшийся ветер едва не потушил лампу. К счастью, чадающий фитиль прикрывал стеклянный колпак. Нэпман поднялся, чтобы прикрыть окно. Задудло холодом, и в этот момент с настоящим грохотом распахнулась дверь, и в комнату ворвались вооруженные люди. Их было пятеро — четверо мужчин и молодая женщина, державшаяся позади остальных.

Мужчины моментально схватили нэпмана. Двое из них скрутили ему ноги и руки толстой пеньковой веревкой, бросили на стул. Омертвев от ужаса, Кира словно приросла к месту. Один из мужчин покрутил перед ее лицом пистолетом и почему-то прокричал:

— Сидеть!

Предупреждение было излишним — она и так сидела, никакая сила на свете не подняла бы Киру с места. Ей казалось, что от ужаса она теряет сознание.

Женщина, выдвинувшись из-за мужчин, неспешно пошла к столу, открыла шкатулку, ухмыльнулась при виде содержимого. И, резко захлопнув, бросила шкатулку в большую холщовую сумку, висевшую у нее на боку. Затем так же неспешно она повернулась к нэпману:

— Где остальное?

— Что?.. Ничего больше нет... Это все... — Язык нэпмана заплетался от страха, и вместо слов из его рта вырывалось противное блеянье. Бандиты заржали.

— Ты нас за фраеров держишь, шкурник? — ухмыльнулась женщина. — Повторяю второй раз и последний: где остальное?

— Христом Богом... вот как на ладони... больше и не было ничего! — застонал нэпман.

При всей трагичности ситуации Кира тем не менее присматривалась к женщине. Она была молода, черноволоса, с короткой стрижкой, с тонкими, какими-то благородными чертами лица. Можно сказать, что она была очень красива, даже несмотря на неестественную бледность, покрывавшую ее кожу как гипсовая маска. Глаза женщины были грустны, но время от времени в них вспыхивало пламя, напоминая алые отблески. Одета она была по-мужски — в кожанку и штаны, заправленные в кирзовые сапоги.

— Алмазная, что мы с ним панькаемся? — вдруг произнес кто-то из бандитов.

Алмазная! Кира вздрогнула. Проведя по кабакам полжизни, она не могла не знать о ней. Так звали знаменитую бандитку-налетчицу, чье имя гремело когда-то вместе с именем бандита Кагула. Но Кагула убили. Говорили, что и Алмазная умерла. Выходит, нет, жива.

— Подвесьте его, — в глазах женщины снова заплясал огонь.

Двое бандитов быстро сняли с крюка над столом керосиновую лампу, сдернули со стула нэпмана и, вывернув его руки назад, подвесили их на крюк. При этом нэпман вопил как резаный, не столько от боли, сколько от страха при виде этой импровизированной дыбы.

— Это кто написал? — Женщина швырнула ему в лицо какую-то записку. — Донос в ЧК на сожительницу, которая скрыла найденный клад от советского государства? Датированный завтрашним днем?

Нэпман вопил нечто нечленораздельное. Женщина обернулась к Кире:

— Дура ты. Подставить он тебя хотел с этими финтифлюшками. Опить и бросить здесь. И снотворное наверняка припас. Завтра, когда сюда чекисты нагрянули бы, сам был бы уже далеко... А тебя в тюрьму. Дура ты, дура... Растягивайте, ребята!

Бандиты стали растягивать нэпмана на дыбе. Он кричал так, что эти крики могли поднять на ноги всю округу. Но дом стоял на отшибе. Наконец нэпман

не выдержал, все сказал. Один из бандитов из трубы в старом, неработающем камине достал вторую часть клада — большой металлический сундук.

Женщина сожгла донос, а пепел бросила на пол.

— Уходи, — повернулась она к Кире, — никто тебя не тронет, если не будешь языком болтать. Слово Алмазной.

Кира рванула с места и побежала так, что у нее начало болеть в груди. Но, открывая трясущимися руками двери, она вдруг отчетливо и ясно услышала выстрел. И поняла, кто стрелял... Женщина... У нее был револьвер... Нэпмана больше не было... Но Кира не собиралась по нему плакать — все-таки она осталась в выигрыше. У нее был браслет, и она могла заложить его в ломбард.

Туча деловито вошел в гостиную и вдруг замер. Гостя, который ранним утром появился в его доме, о котором его предупредили, он ожидал увидеть меньше всего. Из роскошного кресла в не менее роскошной гостиной Тучи поднялся цадик — раввин центральной синагоги Одессы, в которой Туча не появлялся много, очень много лет.

Раввин был уже стар, но Туча все-таки узнал привычные черты лица, знакомые ему еще с детства. Лоб раввина прорезали глубокие морщины, длинная борода стала белоснежной, а спина — сутулой, но в глазах его по-прежнему светилась глубокая мудрость и понимание.

Туча замер, не в силах сдвинуться с места. На него тут же нахлынули воспоминания детства, и он снова увидел родное, но такое далекое лицо мамы... Услышал голос отца. В детстве, с отцом, — именно тогда он был в синагоге последний раз. Было это еще до поступления в гимназию, где Туча бросил всю свою религиозность, которую пытались привить ему родители.

Как и большинство предприимчивых молодых людей, он счел религию ненужным грузом, противным балластом, который при первой возможности нужно будет выбросить за борт. А потом... Потом Богу больше не было места в той жизни, в которой Туча оказался помимо собственной воли.

Он не вспоминал о синагоге долгие, долгие годы. И вот теперь строгое лицо правды посмотрело на него, подавив своей жестокой суровостью.

Родители Тучи давно умерли. В последние годы жизни они ничего не хотели знать о сыне, который вдруг стал одним из самых известных бандитов Одессы, правой рукой Мишки Япончика. Они ведь всегда были порядочны и честны... Для них Мишка Япончик был чем-то вроде многоголового дьявола, который мог прийти в каком-то кошмарном сне.

В последний путь Туча провожал родителей тайком. Да и был на их могиле всего два раза...

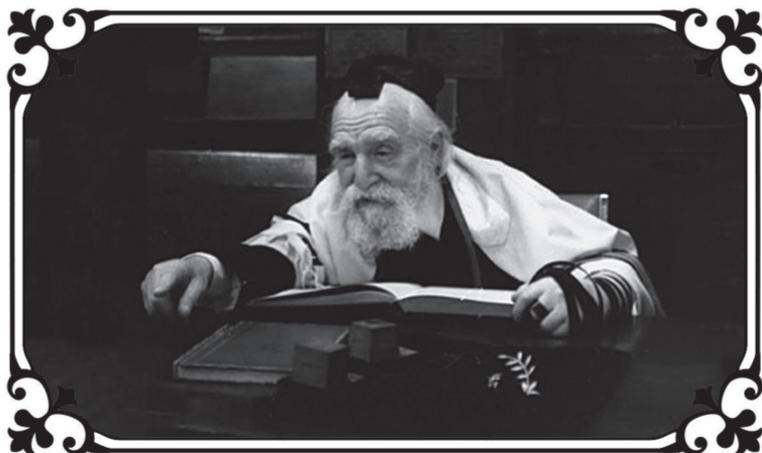
И вот теперь старый раввин, единственный свидетель его давно ушедшего детства, зачем-то пришел к нему.

— Ребе... — начал Туча дрожащим голосом и за-
пнулся.

— Мир тебе, сын мой, — поклонился ребе, — ты
уж прости за столь неожиданный визит.

— Это вы простите меня, ребе, что не ходил в си-
нагогу, — вдруг выпалил Туча, чувствуя, как краска
расплывается по его лицу, — простите меня, ребе...
Я денег пожертвую. Все, что нужно. Вы скажите толь-
ко. Вы уж простите меня, — разнервничавшись, он
забыл даже про привычный одесский язык, заговорил
нормально.

— Не нужны мне твои деньги, — ребе печально по-
качал головой. — Разве сделали кого-то деньги счаст-
ливым? Нет, Изя, не за ними я к тебе пришел. А пришел
я к тебе за помощью. В очень серьезном деле.

ГЛАВА 6

Разговор с раввином. Сестра Тучи. Выздоровление Тани. Изольда Франц

Туча неловко переминался с ноги на ногу, чувствуя себя неуютно под пристальным, чуть печальным взглядом раввина. Как и все настороженные, хитроумные, но достаточно организованные люди, он очень не любил сюрпризов, таких вот неожиданных появлений, от которых он не знал, чего ждать.

К тому же Туча давно порвал со средой, представитель которой так неожиданно вошел в его жизнь этим пасмурным утром, породив кучу странных мыслей и сомнений, к которым он не был готов.

Как человек действия, Туча любил думать только о своих планах. Как человек жадный, он любил, чтобы

его планы приносили доход. Как человек алчный, он хотел, чтобы доход его был намного больше, чем у всех остальных. Как человек хитроумный и практически лишенный моральных устоев, он пытался обвести всех окружающих вокруг пальца. Как человек осторожный, он думал, как остаться в безопасности, сохранить свои капиталы и не пострадать. Таков был его жизненный план. Раввин не вписывался никуда — ни в одну из этих категорий.

Туча не знал, что делать со всем этим, как вести себя с человеком, который так сильно отличался от него самого, который для него, Тучи, был пришельцем из совершенно другого мира. Мира, в котором он ничего не понимал. Оттого, растерявшись, не зная, как вести себя в подобной ситуации, он вдруг почувствовал нечто, сильно напоминающее раздражение.

Как нашкодивший школьник, Туча переминался с ноги на ногу. Вся кровь прилила к лицу. Он краснел стремительно, как и все полнокровные люди.

Зачем он явился, этот раввин? К нему, к бандиту? Пристыдить его хотел? Так это поздно. Как большинство людей, привыкших преступать закон и живущих с азартом в крови, Туча ненавидел «воспитателей», читающих скучные, нудные нотации. Ведь они ничего, абсолютно ничего не знали о криминальном мире и при этом брались судить о нем.

Раввин с ходу заявил, что ему не нужны деньги. Туча этого не любил и не понимал. Он не верил лю-

дям, которым не нужны деньги, потому что понимал по собственному богатому жизненному опыту — это не может быть правдой. Такие люди лгут, а ложь страшна во всех своих проявлениях. Туча не встречал человека, которому не были бы нужны деньги.

Деньги двигали этим миром, и будь ты хоть за белых, хоть за красных, хоть за фиолетовых, каждый ради денег был готов абсолютно на все. Хоть душу дьяволу заложить. Так считал Туча. И был твердо уверен, что не ошибается в этом.

Была, правда, крошечная категория очень страшных людей — таких он тоже видел. Эти люди действительно не кривили душой, когда говорили, что им не нужны деньги. Но... Плату они брали другим, и это было гораздо страшнее и значительнее, чем деньги.

Они заставляли расплатиться честью, свободой, доверием, здоровьем, иногда — жизнью. Это было действительно страшно. Так что Туча навсегда усвоил, что лучше расплачиваться деньгами.

Но раввин — священнослужитель. Может быть, у него действительно была своя плата? Может быть, у тех, кому было открыто немного больше, чем всем остальным людям, было какое-то свое, особенное отношение к деньгам?

В еврейской общине этот раввин заслужил славу цадика. Цадик — значит святой, благочестивый, светлый человек. Что было святого в старике, который смотрел на Тучу такими усталыми и печальными глазами?

На нем был поношенный, но аккуратный костюм. Стоптаные, но чистые ботинки. Снедала ли его страсть к деньгам, свойственная почти всем остальным людям?

Туча не знал. А потому краснел, как школьник, стоя в своей собственной гостиной, окна которой выходили на море — темное и бушующее, как его душа.

— Вы обращаетесь за помощью ко мне? — Он наконец сдвинулся с места, прошел через комнату и грузно опустился в кресло, которое закрипело под его весом. — Чем я могу вам помочь? Я бандит. Чем я могу помочь святому человеку?

— Никого не стоит считать святым, — печально улыбнулся раввин. — Я такой же человек, как и ты, сын мой. Какое право мы с тобой имеем судить о святости, если нам обоим присуще столько грехов? А настоящая святость — разве ее кто-то видел в жизни?

— Какие же грехи свойственны вам, ребе? Чем так серьезно вы могли нагрешить?

— У каждого свои грехи. И каждый оценивает их по мере своей собственной совести. К примеру, гнев, который охватывает меня каждый раз, когда я думаю, сколько страданий перенес мой и твой народ и сколько еще перенесет.

— Вы о погромах? — Туча скривился. — Тут надо не гневаться, а действовать. Японец с отрядами самообороны останавливал погромы. С оружием, кстати, в руках. Но вы ведь пришли не из-за этого. Большевики не

занимаются погромами, а даже останавливают их. Кстати, тоже с оружием. Так что погромы нам не грозят.

— Достаточно одного повода, чтобы вызвать ненависть тупой и злобной толпы, склонной винить в собственных бедах всех окружающих.

— Опять-таки, тут свойство человеческой природы. Тут уж я со всеми моими бандитами бессилен.

— Но мы говорили о поводе — достаточно дать один повод, и вековая ненависть вспыхнет с новой силой.

— Все это верно, но при чем тут я? — снова спросил Туча.

— Я пришел потому, что мне необходимо убрать, уничтожить этот повод для ненависти. И своими силами я это сделать не могу. — Цадик склонил голову.

— Ребе, давайте отделим мухи от котлет и малость поговорим за наш хипиш, который вот уже битый час треплет за наши холодные уши, — усмехнулся Туча. — Вам, ребе, не понравятся мои методы решения проблем. Вы плохо представляете себе, кого вы просите о помощи. Для нас замочить, как об локоть высморкаться. Мокруха да разборки — вот так мы решаем проблемы. Вы такого решения хотите, ребе?

— Я вынужден пойти на такой риск. Если я это не сделаю, погибнет больше, — смиренно ответил цадик.

— Вы меня за шкуру пугаете, ребе! — воскликнул Туча. — Слушайте, шо за жуткий хипиш на постном масле?

— Исаак... — заговорил цадик. — Изя, я знаю тебя с детства. К сожалению, мы с тобой редко виделись в последние годы. Но такова жизнь. Судьбы людей в наше время расходятся в разные стороны. Их и не собрать. Но я обращаюсь к тебе не только как к... бандиту. Я обращаюсь к тебе как к человеку, который должен пожалеть свой народ.

— Э, ребе... Потише, — поднял руку Туча. — В последние годы всех так зашмалило да зашкворчило, шо и черт не разберет, хто есть хто! Кого только нет среди моих людей! И евреев предостаточно. И всех остальных тоже. Один у меня народ, ребе, — это те люди, которые мне доверились, вот за них я буду горой.

— Хорошо, я понял тебя. Я заплачу, сколько ты скажешь, — цадик снова склонил голову.

— Вы меня обидеть хотите? — воскликнул Туча. — Совсем за ссученого держите, да? Шоб я у вас денег взял? Кто я буду после этого? Знаю, шо вы меня ни в жисть не уважаете, так не скворчите-то по глазам так явно!

— Нет, Изя, ты не так меня понял, — замотал головой цадик. — Я не хотел тебя обидеть. Просто я говорю по справедливости: почему ты должен тратить на меня время и оказывать помощь просто так? Но если действительно ты поможешь мне по старой памяти, я буду очень благодарен.

— Э, да вы расскажите для начала, что произошло! Может, это дело и яйца выеденного не стоит. Может, я его порешаю на ша, вот защелкну пальцем...

— Нет, Изя, — лицо раввина стало совсем грустным, — боюсь, что нет.

— Ну, да не тяните вже кота за хвост! У бедного щас мордебэйцелы за гланды вылупятся! Не на Привозе с вами встретились, шоб за так торговаться.

— Хорошо, Изя, я просто не знаю, с чего начать.

— Да начните вже с начала, вэйз мир! — хлопнул руками по коленям Туча.

В этот момент дверь в комнату открылась, и вошла женщина. Она была молода и очень бледна. Ее лицо выглядело осунувшимся, в нем абсолютно не было красок. А ведь женщина была красива — чего стоили только коротко стриженные черные волосы и выразительные глаза, хотя на лице не было ни грамма косметики.

На ней было черное платье ниже колен, в руках она держала темное пальто.

— Я только приехала... — Женщина нерешительно стала на пороге, не закрывая за собой дверь. — Извини, не знала, что ты занят. Я зайду попозже, погуляю пока.

— Танюш... Ты приехала! Вот здорово! — Туча вскочил с дивана, радостно заулыбался. — Подожди немного, скоро освобожусь.

Старик раввин смотрел на женщину с таким вниманием, так пристально, что она даже поежилась под этим пронизательным колючим взглядом. Туча нахмурился и как бы в пику гостю едко произнес:

— Ребе, разрешите представить. Это моя сестра, Татьяна.

— Сестра? — Раввин удивленно вскинул брови. — Но, насколько я помню, ты единственный ребенок в семье!

— Сестра не по крови. По духу! — с вызовом сказал Туча.

— Вы Алмазная, не так ли? — вдруг прямо спросил раввин.

Таня (а это была именно она) всегда ценила прямомоту в людях. А потому так же прямо ответила:

— Да, это я.

— Сочувствую вашей утрате, — осторожно произнес раввин, — я буду молиться о вас.

— Благодарю... — Таня нахмурилась, — но как вы...

— Слухами земля полнится. Видите, я тоже умею собирать информацию. И я слышал о том, что вы пережили. А потому я очень попрошу вас остаться здесь, с нами, и принять участие в нашем разговоре.

— Зачем? — одновременно вырвалось у Тучи и у Тани.

— Я много слышал об Алмазной, — раввин посмотрел на Тучу, — наводил справок. И знаю, что вы, мадам, умеете разгадывать логических загадок. Моя загадка очень тяжела, и я был бы рад, если бы вы смогли помочь моему другу Исааку. И это отвлечет

вас от мрачных мыслей, поможет пережить вашу трагическую утрату.

— Мою утрату ничто не поможет пережить, — глухо ответила Таня, — но я с радостью помогу моему другу Туче... то есть Исааку. Конечно, если он не будет против.

— Только за! — Туча поднял глаза вверх. — Пусть этот гембель рухнет и на ее голову! Ей такой кирпич привычнее будет. А меня обойдет стороной. Садись, Танюш.

Таня осторожно присела на край кресла, чувствуя некое напряжение — слишком нестандартной была эта ситуация. Она не поверила словам раввина — уж слишком острыми и пронизательными были его глаза! Он оставил ее — но зачем? Таня готова была поклясться, что не просто так. Любопытство ее уже было разбужено. А пока, приготовившись слушать, она небрежно скользила глазами по гостиной Тучи, которую знала как свои пять пальцев.

Сколько времени она провела здесь? Тогда Таня потеряла счет дням, находясь между жизнью и смертью.

После смерти Наташи она не помнила абсолютно ничего. Мозг ее балансировал на грани безумия, в которое она погружалась все глубже и глубже. Иногда ей казалось, что ее засасывает черная бездна, в которой нельзя издать ни звука, нельзя раскрыть глаза.

Позже Туча рассказал Тане, что сразу после смерти Наташи перевез ее к себе на виллу, нанял сиделок

и врачей, доставал из-под полы самые лучшие медикаменты. Но разве могут существовать медикаменты, которые лечат такую боль?

Таня перестала узнавать окружающих. Временами теряла сознание, и это было похоже на кому. Мозг ее не вынес напряжения. У нее началась мозговая горячка, которая, как оказалось позже, и спасла ее рассудок.

Лихорадочное состояние с очень высокой температурой было очень опасным. Таня почти не приходила в сознание, и врачи были уверены, что ей осталось всего несколько дней.

Но молодой организм начал брать свое. К удивлению всех, Таня постепенно стала поправляться. Вскоре спал жар, исчезли мучающие ее приступы лихорадки. Потом перестали выпадать волосы, возвращалось сознание. И Таня начала задавать вопросы.

За то время, что она лежала в беспомощности, Оксана избавилась от всех вещей Наташи, чтобы ничто больше не могло вызвать приступ. Она тоже переехала на виллу Тучи и преданно ухаживала за Таней. Может быть, благодаря ее самоотверженному уходу Таня и стала поправляться.

Когда сознание ее окрепло, наблюдавший ее психиатр сказал, что тянуть больше нельзя. Необходим удар. Следует рассказать все.

Будет одно из двух — либо сознание окончательно сломается, либо исцелится полностью. Горе надо пережить и оплакать. Непонимание и лживая надежда

убивают верней ножа. Поэтому нужно дать возможность организму самостоятельно справиться с потрясением. Таня должна услышать всю правду и осознать, что произошло. Другого пути нет.

И Туча рассказал — скупое, по-мужски, без излишних эмоциональных подробностей, называя только сухие, жесткие факты. Таня снова потеряла сознание. Потом очнулась. С ней случилась истерика. Несколько часов она страшно плакала, заходясь в таких рыданиях, от которых у всех, кто находился на вилле, разрывалось сердце. Но потом она стала стремительно выздоравливать. Здоровый рассудок вернулся к ней. Таня стала учиться самому тяжелому жизненному умению из всех — умению жить со своей утратой.

У нее это получилось. Сильная воля давала о себе знать. Таня поднялась с постели, начала двигаться, снова стала красиво одеваться. Она осталась жить.

Единственное, о чем не сказал ей Туча, из какой-то странной, совсем не свойственной ему стыдливости, — это о Володе Сосновском. Туча много видел, знал и пережил в своей жизни. Но слов, которые Сосновский бросил в лицо убитой горем матери, он не мог понять.

Перед Тучей раскрылся какой-то страшный момент, осознать который он был просто не в состоянии. А потому об этом предпочел промолчать.

Не рассказывал Туча также о том, как стремительно стал гибнуть Володя Сосновский. На самом деле Туча внимательно следил за его судьбой все это время. Но Таня

не вспоминала о Володе. За все это время — ни слова. И Туча не знал, радоваться этому или печалиться.

А потом у Тани появилось развлечение, и даже некая цель, которая еще скорее заставила ее вернуться к жизни. Она стала замечать, что Туча и Оксана явно неравнодушны друг к другу.

То, что Туче нравится Оксана, Таня увидела давно. Но очень скоро и Оксана влюбилась в Тучу, безбожно его идеализируя — по романтичности и неопытности своей натуры. Таня не стала ее разочаровывать. Ей вдруг страшно захотелось их поженить.

Но ее мучила жуткая мысль — мысль о том, что всем, кто окружает ее, она приносит только беды и отчаяние. Возможно, это было следствием ее жутких грехов, в которых она не всегда отдавала себе отчет. Тане вдруг стало казаться, что если она устроит благое дело, сделает счастливым своего друга, то судьба будет более благосклонна и милостива к ней, избавит ее от бед. Глупая, конечно, мысль, но Таня принялась интриговать изо всех сил. И вскоре усилия ее увенчались полным успехом — Туча и Оксана поженились.

На свадьбу Таня не пошла — не могла из-за своего траура. Но сразу после свадьбы Тучи она упросила друга разрешить ей жить отдельно. Таня хотела этого очень давно. Она чувствовала, что готова вернуться в нормальную жизнь, и очень хотела попробовать.

Туча сначала долго не решался. Консультировался с психиатром и доктором Петровским, который при-

нимал самое активное участие в судьбе Тани. Оксана даже плакала, говорила, что будет скучать. Но Таня убедила ее, что видеться они будут очень часто, приезжать друг к другу в гости.

За это время Туча стал большим человеком в городе. Он создал тесные деловые отношения с руководством большевиков, которые так же любили деньги, как и все остальные люди. К тому же НЭП быстро приучил чиновников к взяткам. А потому дела Тучи стремительно пошли в гору.

Заплатив кому следует, он добился настоящего ордера на жилье. Таня получила первое и единственное в жизни *свое* жилье — комнату в 23 квадратных метра в большой коммунальной квартире, в доме на углу Торговой улицы и улицы Пастера. Она была большой и светлой, с окнами, выходящими на солнечную сторону. Это было первое в жизни Тани жилье, откуда ее уже никто не мог выгнать. А в ордере на получение жилплощади стояли ее имя и фамилия — Татьяна Ракитина.

Таня была в восторге! Она тут же окунулась в водоворот новой жизни — принялась покупать мебель, какие-то безделушки для дома. Вдруг выяснилось, что у нее есть деньги — Туча сохранил их еще со времен Кагула. Без зазрения совести Таня вскрыла и два принадлежащих Кагулу тайника, о которых знала только она, в твердой уверенности, что имеет полное право на эти деньги.

Эта комната стала тем самым исцеляющим фактором, который полностью вернул ее к нормальной жизни.

В квартире, кроме Тани, проживало еще пять семей. Четыре из них были простыми семьями рабочих, выходцев из сельской местности, которые обустроились в городе. Нагловатые, хамовитые, но не сильно агрессивные. Таня быстро наладила с ними терпимые отношения.

А вот пятой в квартире жила бывшая учительница французского языка в женской гимназии Изольда Франц. Это была дама весьма почтенного возраста, настоящая француженка — до мозга костей! Каким же удовольствием для Тани стала дружба и общение с этой женщиной! Таня восхищалась ее манерами, ее безупречным изяществом и благородством. А главное, каким же удовольствием было пусть и коряво говорить с ней на давно забытом французском!

Эта дама стала воспоминанием из другого мира, воспоминанием о прошлой жизни, которые Таня хранила в глубинах сердца. От Изольды Франц веяло тем миром, который мог бы стать миром Тани, но не станет им — уже никогда.

Между ними моментально вспыхнула дружба. И множество вечеров Таня провела в гостях у своей замечательной соседки, которая, добродушно лопоча на ломаном русском и потчuya Таню скверным чаем, даже не подозревала, что залечивает ее душевные раны.

Впрочем, Изольда догадывалась, что Таня пережила какое-то страшное горе, а потому проявляла к ней особенное участие и теплоту. Горе было привычным

в мире. Разве существовала в те дни хоть одна семья, в которую не пришло горе, где никто из родных, любимых людей не умер от кровавых ран, от голода или от тифа, не был растерзан яростно рвущейся в бой толпой или не пал жертвой клопочущей ненависти и злобы, которые всегда заканчиваются смертью?

Не было таких. Кровоточащие раны утрат приходили в каждый дом. И чуткая француженка боялась задавать Тане вопросы, чтобы не вскрыть едва засохший рубец на ее душе.

Сама Изольда никогда не была замужем, и детей у нее не было. Она мирно и счастливо жила в окружении двух старших сестер, пока не грянул гром разрушения империи, а любимый город не погрузился в кровавый хаос. Потомственные дворянки, сестры не могли принять власть большевиков. Они начали собираться в Париж.

И вот тут-то Изольда совершила поступок, проявила характер, чего никто не ожидал от этой тихой, серенькой мышки. Она отказалась ехать с сестрами в Париж. Те были сначала в недоумении, а затем пришли в ярость.

Но Изольда была непреклонна. Не поедет — и все. Ни за что не покинет Одессу, которая стала ей родной. Родители ее приехали в Одессу из Франции, когда ей исполнился всего год, она не помнила Франции, а язык знала потому, что на нем говорили в ее семье. Изольда не хотела уезжать. Она и не уехала.

Ей пришлось навсегда попрощаться с сестрами, которые все-таки сели на один из бежавших из Одессы кораблей. Изольда продолжала работать в гимназии. Когда гимназии исчезли, начала давать уроки французского языка.

Большевики назначили ей небольшую пенсию. Даже иногда ее приглашали для переводов в официальные учреждения. В общем, пожилая дама тихо жила в этой квартире, пока не появилась Таня. Изольда очень радовалась дружбе с ней: это помогало ей переносить одиночество, которое становилось особенно мучительным по вечерам.

ГЛАВА 7

«Менора колдунов», или «заблудившихся душ».

Библиотека при синагоге.

История Аарона Нудельмана.

Просьба раввина

Но несмотря на то что жизнь ее стала налаживаться к лучшему, Таня очень часто приезжала к Туче, прекрасно понимая, что этот человек спас ей жизнь.

И вот судьба снова привела ее в гостиную Тучи, где очередная логическая загадка моментально завладела ее разумом и сердцем. А почему, Таня и сама не смогла бы объяснить.

Раввин тяжело вздохнул, обвел пристальным, уставшим взглядом всех присутствующих и сказал немного изменившимся голосом:

— То, что вы сейчас услышите, должно остаться исключительно между нами и никогда не выйти за пределы этой комнаты. Моя тайна опасна.

— Зуб даю! — фыркнул Туча, а Таня насторожилась — вступление ей не понравилось.

— Из синагоги исчезла одна очень сильная вещь, — сказал раввин, — а мой друг из-за нее умер страшной смертью.

— Как это — исчезла? — Таня предпочла уточнить.

— Была украдена, — прямо сказал раввин.

— Как умер ваш друг? — Таня не сводила с раввина внимательных глаз.

— Он был убит. Задушен.

— Убийцу нашли?

— Нет.

— Где находилась эта вещь?

— В синагоге.

— Опаньки... — вмешался Туча, — да шо то за гембель такой? Ни в какие уха не слышал, шо швицеры синагогу брали. Как за то я не знал?!

— Синагогу не обворовали, — вздохнул раввин, — никто не взламывал дверь, не влезал в окна. Просто эти люди проникли в пристройку рядом с библиотекой, где стоял шкаф. Я и сам узнал об этом не сразу. Аарон молчал. Ничего больше не пропало. Но эта вещь пропала. Я никому не говорил, что кто-то грабил синагогу. Ее не грабили. Но лучше бы это были обыкновенные воры.

— Что это за предмет? — нахмурилась Таня.

— Мне сложно об этом говорить. Это культовый предмет. Но он не совсем связан с нашей религией.

— Если вы не скажете, что это такое, нам будет сложно вам помочь, — вся эта история нравилась Тане все меньше и меньше.

— Это заколдованная менора — так называемая «менора колдунов», или «менора заблудившихся душ», — прямо сказал раввин. — Она используется в каббалистических ритуалах и, по легенде, корни ее уходят еще к войне с Римской империей. Я даже не знал, что она может находиться у нас. Описание ее нашел мой друг Аарон Нудельман.

— Менора? — удивилась Таня. — Что это?

— Простите, я забыл, что вы не иудейка. Менора — это ритуальный светильник. Подсвечник с семью свечами. Но в той меноре, о которой я говорю, было шесть свечей.

— Каким же свойством обладает этот предмет, если им так интересуются колдуны? — Таня вдруг почувствовала жгучий интерес, все ее раздражение как рукой сняло.

— По легенде, эта менора обладает свойством воскрешать мертвых, — сказал раввин.

— Воскрешать мертвых?.. — Таня подалась вперед. — Но это невозможно! Или... возможно?

— Я не знаю. Я говорю о легенде, которая описана в каббалистических книгах. Все это относится к еврей-

ской мифологии и не имеет отношения к нашей религии. Я имею в виду веру в подобные сверхъестественные свойства. Но много людей верят в это.

Таня вдруг обернулась и с удивлением поймала на себе взгляд Тучи, который буквально не сводил с нее глаз. В них ярким пламенем горела тревога. Она поняла, что Туча очень сильно беспокоится за ее рассудок, тревожится о том, какое страшное влияние слова «воскрешать мертвых» могли оказать на нее. Таня грустно улыбнулась и покачала головой. С ней все было в порядке. Она давно не верила в детские сказки, напрямую связанные с человеческой душой. А потому так и сказала, больше для того, чтобы успокоить Тучу:

— Я не верю в это. Это просто легенды, не больше. Никто не способен воскрешать мертвых.

— И я не верю! — с живостью отозвался раввин. — Но это предмет старинного культа, о нем много говорится в древних рукописях. И люди, которые занимаются мистикой, а таких немало, мечтали бы им завладеть.

— Как он вообще к вам попал, если вы даже не знали, что он находится у вас? И, по-видимому, долгое время? — уточнила Таня.

— Мы всегда собирали библиотеку из записей имущества еврейских семей, которые умерли либо пострадали от погромов, — с горечью сказал раввин. — Мы делаем это, чтобы сохранить нашу историю, традиции нашего народа. Под подобные вещи

выделена отдельная комната в здании рядом с синагогой. Этим и занимался Аарон Нудельман — разбил, что имеет ценность, а что нет.

— А сколько денег это стоит? — вмешался в разговор Туча. — Может, кто забрал, як за цацку? Просто продать?

— Да, это дорогой предмет, — вздохнул раввин. — Сама менора сделана из редкого белого золота и украшена лунными камнями по количеству свечей. К подсвечникам прикреплены шесть ограненных лунных камней. Сами камни стоят дорого. А вот золото...

— Вот це шухер! — присвистнул Туча. — Белое золото! Да за такую цацку кто хочешь башку зашибет! Це ж такой кусок, шо поперек горла не встанет! Тут кто угодно всем тухесом зашкрябается, шоб до такой цацки добратся! Зуб даю!

— Стоимость белого золота не главное, — возразил раввин, — к тому же, надо разобраться еще, что это золото. Менора была покрыта слоем серой краски и выглядела так, словно сделана из простого металла. Обычный вор никогда не разглядел бы в ней драгоценность.

— Зачем ее замазали? — удивилась Таня. — И кто это сделал?

— Я не знаю, — пожал плечами раввин, — уже в таком виде менора попала к нам. Очевидно, тот, кто так поступил, не хотел, чтобы в ней увидели кусок

золота и просто расплавили. Так часто поступают с предметами, которые стоят дороже денег.

— Ой, не кажите... — начал было Туча, но под строгим взглядом раввина осекся и замолчал. Таня лишь улыбнулась.

— Кто это — Аарон Нудельман, кем был ваш друг? — спросила она.

— Его история связана с нашей синагогой, которой он всегда уделял много времени долгие, долгие годы... — начал рассказ раввин. А Таня задумалась, пытаясь представить то место, о котором шла речь, — не самое лучшее место в Одессе.

Водяная Балка раньше была крупным одесским оврагом, впадавшим в море у Пересыпи. В 1792 году там построили самую крупную синагогу в городе. Со временем она стала самой старой. Здание синагоги действительно было очень большим. К нему вплотную прилегал еще один дом. Там находилась библиотека, нечто вроде духовной школы, помещения для служителей и жилье раввина, который жил при синагоге.

Синагога располагалась на склонах внизу, ближе к Балковской улице. Место было выбрано не случайно: поблизости находился крупный еврейский поселок с самым большим количеством евреев во всем городе.

Балка же называлась Водяной потому, что здесь было два десятка колодцев, настолько глубоких и больших, что они могли снабжать водой весь город, в кото-

ром всегда были проблемы с водой. А потому реку запрудили и сделали нечто вроде резервуаров.

Самый крупный пруд оказался в Дюковском парке, на бывшей даче Ришелье — его даже называли «городской ставок». А Водяная Балка стала центром снабжения водой Одессы, особенно после гражданской войны, когда с водой в городе стало совсем плохо. Ее в огромных бочках возили в разные районы. Подводы направлялись к центру по Градоначальницкой улице, бывшей Градоначальничьей, где была самая удобная дорога для подъема в город.

Раввин обо всем этом вкратце упомянул, прежде чем перейти к рассказу про Аарона Нудельмана. По его словам, в жизни Нудельману повезло больше многих евреев, но тот этого не понимал. Аарон был ученым человеком, преподавал историю и латынь. Было у него и хобби — изучение древних рукописей на идиш, которым он занимался в свободное время.

Почему повезло? Потому, что никто из его родных не погиб в погромах 1905 года и в тот год, когда в Одессу вошли банды атамана Григорьева. От погромов его семье удалось спастись потому, что Нудельманы жили на Виноградной улице, которая шла вниз от Балковской на Молдаванке, почти рядом с Бугаевкой. А в 1919 году погромы, устроенные Григорьевым, прокатились по Градоначальницкой, спустились к Балковской, но не пошли вниз. В районе Балковской их удалось остановить силами людей Мишки Япончика и отрядами во-

оруженной еврейской самообороны. А потому евреи, которые жили ниже, оказались спасены.

Да, жена Нудельмана умерла — но умерла в своей постели от болезни, а совсем не так, как множество еврейских женщин, которые подверглись бесчестию, а потом были забиты до смерти.

Раввин пытался сказать это Нудельману, но тот не понимал. Он всегда был достаточно жестоким, злопамятным и завистливым человеком и плохо относился ко многим людям.

Когда в городе установилась советская власть, гимназии были закрыты и Аарон Нудельман остался на улице, раввин предложил ему работу в синагоге. Он должен был заведовать библиотекой и разбирать вещи, которые остались от еврейских семей. Нудельман согласился, но раввин подозревал, что согласился вынужденно, скрепя сердце.

Сын его Наум к тому времени работал механиком в автомастерской, он с детства неплохо разбирался в технике. Так и жили они вдвоем, пока в жизни Аарона Нудельмана не произошла трагедия — Наума убили бандиты. Старик остался один. Характер его совсем испортился. Он перестал общаться с людьми, все время проводил в библиотеке. Раввин не раз пытался говорить с ним, но это было совершенно бесполезно.

Однажды один из служителей сказал раввину, что в здании рядом с синагогой по ночам все время горит свет. Это продолжается довольно долго. Ночные огни

в синагоге начали уже пугать местных жителей, которые распускали слухи о том, что там завелись призраки — мол, души убитых в погромах евреев приходят по ночам молиться.

Раввин знал, как опасно появление таких слухов: слишком тонок был лед, покрывший почву раскаленной ненависти в обществе, ведь с 1919 года прошло не так много времени. Раввин всегда видел дальше всех остальных, а потому понял, что с этим странным явлением надо что-то делать.

Он решил подкараулить в одну из ночей того, кто ходит по пустому зданию. Чтобы избежать слухов, раввин решил отправиться один. Злых духов он не боялся, прекрасно зная, что намного опаснее злых духов и призраков живые люди.

Раввин занял место для засады напротив здания, скрывшись в тени забора. И действительно, ровно в полночь в одном из окон вспыхнул свет. Был он похож на свет керосиновой лампы. Спустя минут сорок этот свет начал перемещаться по разным комнатам и даже этажам.

Тут раввин не выдержал. Отперев своим ключом входную дверь дома, которая оказалась заперта, он вошел внутрь и поднялся на второй этаж — туда, где чаще всего мелькал этот неприятный огонек пламени.

Какого же было удивление раввина, когда в помещении библиотеки он застал... Аарона Нудельмана. С керосиновой лампой в руке тот расхаживал по биб-

лиотеке, по разным комнатам, словно искал какие-то тайные, только ему одному известные предметы.

При виде раввина Нудельман смутился. Раввин был зол, он потребовал объяснений. Аарон пытался уйти от ответа. Разговаривая, они оказались в комнате, где стоял рабочий стол Нудельмана.

И вот тут-то, на столе, раввин увидел совсем старую менору серого цвета. Она показалась ему странной. Не только тем, что в ней было не семь, а шесть свечей, как быть не должно, но и тем, с какими предосторожностями, с какой аккуратностью Нудельман разложил этот предмет на своем столе.

Раввин потребовал сказать, что это такое. Нудельман отказывался. Раввин пригрозил, что выгонит его с работы. Тогда, очень нехотя, Аарон рассказал историю этой меноры.

Раввин пришел в ужас и потребовал, чтобы Нудельман избавился от страшного предмета. Но тот снова был непреклонен. Он сказал, что ищет в документах условия и подробности древнего ритуала, чтобы воскресить своего сына Наума. И что если раввин будет препятствовать ему в этом, то он, Нудельман, его убьет.

В этот момент раввин увидел перед собой одержимого. Этот человек либо сошел с ума, либо в него вселился злой дух из еврейской мифологии — диббук. По крайней мере Нудельман так и выглядел. Спорить или угрожать было бессмысленно.

Поэтому раввин сделал единственное, что мог сделать: разрешил свихнувшемуся старику продолжать свои исследования и искать ритуал, но не делать это по ночам, так как ночные огни, блуждающие по синагоге, могут стать причиной волнений и принести вред очень многим людям. Нудельман согласился с доводами раввина. А потому решил приходить в библиотеку на рассвете, когда уже не нужен будет искусственный свет.

Так и договорились. Тайком от Нудельмана раввин попросил одного из своих доверенных учеников собрать все документы по «меноре колдунов», которые удастся найти. Ученик выполнил задание. Документов оказалось очень мало. Но то, что прочитал раввин, повергло его в шок.

За менорой всегда охотились служители различных культов, не останавливаясь перед убийством. Путь смертей и крови — такая судьба ждала человека, душой которого завладевала проклятая реликвия.

Раввин потерял сон. Он чувствовал, что эта страшная находка способна причинить его народу только зло. Поэтому он принял ужасное решение: выкрасть менору у старика Нудельмана и ее уничтожить.

Но через три дня Аарон сам пришел к нему. Был он блее снега и выглядел так плохо, что раввин перепугался, не заболел ли он. Нудельман попросил раввина подняться вместе с ним в комнату при библиотеке. Встревоженный раввин поднялся. Дальше

его глазам открылось одно из самых страшных зрелищ, которые он только видел в своей жизни.

Комната была полностью разгромлена. Этот страшный разгром коснулся всего, что находилось внутри. Книги были вывалены из шкафов и разорваны, стол Нудельмана перевернут и выволочен на середину комнаты, окно разбито. Из пола вывернули доски. Но самое страшное было не это.

Самым страшным были следы крови — на полу и на стене возле окна. Дрожащим голосом Нудельман сказал, что менора исчезла. Он хранил ее в запертом ящике своего стола. И, судя по всему, в этой комнате убили человека.

Преодолевая тошноту, раввин принялся осматривать все подробно. И очень скоро его насторожило количество крови на полу и на стене. Ее было слишком много. На первый взгляд, намного больше, чем было в человеческом теле.

Раввин запер комнату, велел Нудельману никому не говорить ни слова и бросился в Еврейскую больницу, где работал его знакомый врач. В небольшую банку раввин собрал образцы крови. К счастью, его знакомый был на месте. Раввин попросил провести анализ и определить, чья эта кровь. Врач пообещал сделать анализ быстро. Два часа раввин мучился в приемном покое больницы, испытывая невыносимые страдания. Ведь если анализ покажет, что кровь человеческая, придется обращаться к властям. А слухи

о том, что в синагоге убили человека... Кто знает, какое горе они принесут?

Через два часа врач появился с хорошим известием. Кровь не принадлежала человеку, она была свиной, и, очевидно, ее взяли на бойне. Судя по количеству, о котором рассказал раввин, несколько ведер. На бойне всегда есть свежая кровь, так как ее продают для изготовления кровяной колбасы.

С чувством невероятного облегчения раввин вернулся обратно. Нудельман все это время провел внутри синагоги, и раввин подумал, что тот молился. Однако услышав, что кровь не человеческая, а свиная, и значит, убийства не произошло, Нудельман неожиданно развеселился.

Он вдруг заявил раввину, что знает, кто это сделал, и постарается вернуть пропажу в ближайшие дни. Ничего страшного не произошло. Просто некие авантюристы вышли на его след. Он вернет артефакт, и после этого раввин сможет сделать с ним все, что захочет. Он, Нудельман, уже понял, что с помощью меноры воскресить мертвого человека нельзя, это глупые сказки. И, значит, ее лучше уничтожить.

Больше Аарон Нудельман в синагоге не появлялся. Прошла неделя. Не выдержав, раввин пошел к Нудельману домой, на Виноградную. Дом был заперт. По словам соседей, старик уехал куда-то дней шесть назад. Раввин не знал, что и думать.

Он отправился в милицию и подал заявление о пропаже Аарона Нудельмана, 74 лет, сотрудника библиотеки при центральной синагоге. Результат последовал через два дня. В синагоге появился сотрудник уголовного розыска и попросил опознать найденный труп. По его словам, труп идеально подходил под описание пропавшего старика. Раввин поехал в морг. И там опознал Аарона Нудельмана. Его задушили...

Дрожащим голосом раввин поведал подробности убийства в Чубаевке. Туча и Таня слушали, затаив дыхание. Подобного финала истории никто не ожидал.

— Что он делал в Чубаевке? — нахмурилась Таня.

— Не имею ни малейшего представления!

— А больше никто из служителей синагоги не пропадал? — допытывалась она.

— Никто. Все по-прежнему. Мы даже вычистили комнату, вставила стекла в окна и скрыли все следы происшедшего, — сказал раввин.

— Есть подозрения, кто его убил? — прямо спросил Туча, которому очень не понравился рассказ раввина.

— Нет. Даже не представляю, — сказал раввин.

— Плохо. Очень плохо пахнет... Воняет за версту, — вздохнул Туча.

— Потому я сюда и пришел, Изя, — ответил раввин, — ты моя последняя надежда. Если этих людей не остановить, прольется много крови. Нужно уничтожить эту менору. В ней зло. Я прошу тебя найти менору и тех, кто убил моего друга.

— Хорош друг! — фыркнул Туч. — С такими друзьями и враги не нужны!

— Несмотря на все, он был мне другом. Его разум помутился от страданий. Он не был виноват в своем грехе. Страдания искажают душу, тяжело жить с ними. Вы ведь знаете это, — раввин посмотрел на Таню, и она отвела глаза.

— Ладно уж... — вздохнул Туча, — найду я вашу цацку и тех выродков, шо старика замочили. По своим каналам найду. А шо с ними делать потом?

— Делай с ними сам, что хочешь, — сурово ответил раввин, — мне они не нужны. Я просто хочу понять, кто и зачем. И за что. А менору отдай мне. Ее нужно уничтожить. Это золото никому не принесет добра. Оно проклято. Тот, кто прикоснется к нему, погибнет страшной и мучительной смертью.

Старик встал. Туча и Таня поднялись тоже. Наклонив голову, он медленно пошел к выходу из гостиной. Туче вдруг показалась будто в сгорбленной спине этого старого человека сосредоточилась вся мировая скорбь.

ГЛАВА 8

Строительство Селекционного института.

Находка строителей.

Опознание личности убитой.

Налет на семью Шиловских

О стройке прямо посреди полей в начале 1928 года трубили все газеты. Это было делом серьезной пропаганды: рассказывать о грандиозном проекте, которым занимается советская власть.

Энтузиазм вызывал некое недоумение: вокруг строительной площадки были сплошные поля, не было даже приличных дорог. Что за странность, разве мало более развитых мест, к которым есть приличные подъездные пути? Но когда сначала строители провели приличную дорогу, а затем стре-

нительно начали подниматься корпуса, скептики поутихли.

Именно здесь в начале 1928 года неподалеку от Ивановского переезда стали строить комплекс селекционно-генетического института. Корпуса стояли посреди опытных полей. И поблизости от стройки не было никакого жилья.

Нужные стройматериалы доставляли с Ивановского переезда по железной дороге. Ивановский переезд представлял собой небольшой транспортный узел, включавший в себя автомобильную магистраль, которая связывала город с областью, и железнодорожную ветку, вернее небольшое ответвление от основных путей для перевозки товарных вагонов с грузами. На крошечном железнодорожном узле обслуживались товарняки.

Получив в 1920 году окончательную власть в городе, в первую очередь большевики занялись тем, что начали восстанавливать железную дорогу, серьезно поврежденную в результате множества боев. Новая власть прекрасно понимала, насколько ценна железная дорога — связь с другими районами, перевозка грузов, транспортно-товарный поток. Рельсы были артериями, по которым в разные стороны тек необходимый для жизнедеятельности «кровоток» — путь снабжения и перевозки. А потому Ивановский переезд разросся и превратился в небольшую железнодорожную станцию, важный узел, по которому шел поток

грузов в город и из города, позволяя нормально функционировать огромному телу морского порта.

С селекционным институтом у большевиков были связаны далеко идущие планы. Предполагалось, что новый институт будет заниматься исключительно сельским хозяйством — урожаем, животноводством, выводить новые породы домашних животных и сорта растений, зерновых культур. В стране тотального голода, где никак не могли наладить достаточные поставки продовольствия и развить сельское хозяйство, обеспечение едой было проблемой номер один.

А потому на строительство нового института беспрерывным потоком выделялись деньги. Работы не прекращались и в 1929 году. НЭП позволил их даже немного ускорить.

Появились многочисленные строительные артели, которые работали очень качественно и быстро и брали совсем не большие деньги за свою работу. Поэтому на такие государственные работы было разрешено нанимать частные бригады. Качество строительства только улучшилось, а бюджет не пострадал.

На строительстве селекционно-генетического института работали несколько таких артелей. Родом рабочие были из близлежащих сел. Некоторые и ночевали на стройке. Для них рядом с корпусами института был построен небольшой деревянный барак. Он был утеплен, в нем стояли двухэтажные кровати, туда подвели электричество. А воду привозили цистернами из

Одессы. Еду готовили на месте. Благодаря тому, что рабочие не тратили время на дорогу и многочисленные переезды, работать они могли дольше. А значит, рабочий день был более длинным, и за него можно было выполнить большой объем работ.

Ранним туманным утром бригада штукатуров покинула барак и направилась на стройку, в уже почти готовый корпус, в котором оставалось провести только отделочные работы. Рабочие шли медленно, лениво переговариваясь между собой.

Моросил мелкий дождь. Пасмурное небо низко нависало над землей тяжелыми ключьями. Голые ветви деревьев качались на промозглом ветру. Безрадостную картину усиливала довольно унылая панорама обширных полей, ничем не засеянных, словно хранивших в себе зимнюю стужу. Изредка ветер гонял пожухлые, прелые листья, оставшиеся с прошедшей зимы.

— Иваныч, аванс бы надо, — догнал бригадира один из рабочих, — да на выходные в село валить.

— Я тебе свалю, ты... — ругнулся бригадир, который точно так же, как и все остальные, пребывал в мрачном расположении духа из-за унылой картины бескрайних полей. — Вот объект сдадим, и тогда.

— Сдадим! — фыркнул рабочий. — Да тут работы до хрена! Минимум две недели сроку! Хоть аванс бы...

— Аванс ты все равно пропьешь, — бросил бригадир.

— Тут пропьешь, в этом захолустье... Окромья полей ничего нет! Вот же задумали стройку в поле, на краю света... — зло отозвался рабочий.

— Ты потрынди мне тут! — цыкнул на него бригадир.

— Жинка у меня там, в селе... — снова попытался рабочий.

— У всех жинки! Ты мне этой своей сельской жинкой в голову не тюкай! — выверился на него бригадир. — И смотри мне, Петрович, свалишь без спросу — вышибу на дух с артели! Да так тебя распишу, шо больше никто на работу не возьмет! Ты меня знаешь! Я трындеть по ветру не буду! Подрядился работать — так работай, твою мать, а не по жинкам скакай! А то я тебе таку покажу жинку, шо мало за жисть не покажется!

Бригадир, явный одессит, очень не любил сельский контингент своей бригады — почти всегда ленивый и безответственный, но был вынужден с ним мириться, потому что жителям сел за работу можно было платить меньше, и получалась неплохая экономия. Но держать рабочих приходилось в строгости, в постоянных ежовых рукавицах, ведь при малейшем попустительстве все они пытались либо сбежать, либо напиться. А часто — и то, и другое сразу.

Подходя к почти сданному корпусу, бригадир заметил грузовой автомобиль, который уже катил по грунтовой дороге по направлению от стройки к Ива-

новскому поезду. Очевидно, на стройку привезли какие-то необходимые материалы или продукты. Только вот почему в такую рань?

Рассвет едва занялся, воздух все еще был ледяным от ночной сырости, и казалось, что над камнями корпуса стоит пар. Внутри здания было тепло — работая, рабочие разжигали самодельные печки. Иначе было никак нельзя — в таком холоде штукатурка и все строительные растворы просто моментально замерзали.

Бригадир отпер ключом закрытую входную дверь, и рабочие вошли внутрь. В холле, возле лестницы, лежало несколько больших холщовых мешков со строительными материалами.

Расставив рабочих по местам и каждому объяснив объем работ, бригадир подошел к мешкам.

— Иваныч! Там цемент закончился. Надо бы подсыпать, — подошел один из рабочих.

— Ну, развязывай. Давай-ка вдвоем! — Бригадир вместе с рабочим взялись за огромный мешок, поставили его и принялись развязывать веревку.

Кто-то из рабочих принес тару — жестяной таз огромных размеров, в который нужно было пересыпать цемент. Когда веревка была развязана, бригадир с рабочим перевернули мешок и стали насыпать туда цемент.

Вначале все шло хорошо. Цемент сыпался большим потоком. Потом поток превратился в небольшой ручеек, затем — в крошечную струйку, а после этого и совсем прекратился.

— Что за... — выругался бригадир, тряся мешок.

— Там застряло что-то, — сказал рабочий, прощупывая мешковину, — тяжелое вроде. Большое, твердое. Камней, видать, понапихали.

— Вот ворье! И глазом не моргни, как норовят своровать! — в сердцах проговорил бригадир. — Давай-ка ножом разрежем, посмотрим, что да как.

— Так цемент посыпется! — вытаращил глаза рабочий.

— Посыпется — ну и хрен с ним!

Сказано — сделано. Мешок повалили на пол, и бригадир начал резать мешковину острым ножом, который мигом появился в его руке. Сначала цемент действительно посыпался — впрочем, небольшой струйкой. А затем... Затем на пол вывалился человеческий труп.

Грузное, большое тело все было обмазано серой пылью. Но самым страшным было не это. У трупа не было головы...

Кабинет Петренко находился на третьем этаже серого здания с башенкой, на углу Пантелеймоновской и Ришельевской, там, где раньше располагался Александровский полицейский участок. Это была клетушка не больше девяти метров, с единственным узким окном.

Кабинет был таким тесным, что в нем едва помещались письменный стол, несгораемый металлический шкаф в стене и два стула перед столом. Окно было за-

крыто наглухо, и сюда совсем не проникали уличный шум, а его было предостаточно — на Пантелеймоновской находился Привоз, самое шумное место в городе.

Петренко сидел за столом. Напротив него, на одном из стульев, расположился Володя Сосновский. Оба были уставшими. Оба были покрыты строительной пылью — буквально час назад они вернулись со стройки селекционного института, где рабочие обнаружили обезглавленный труп.

Володя вспоминал тот жуткий момент, когда рабочие притащили шланг и принялись обмывать тело. Смыв цемент, они обнаружили, что это труп пожилой женщины. На ней было старое ситцевое платье и валенки. Так одеваться могла только жительница села. Позже, осматривая тело, эксперт сказал, что, судя по первичным признакам, убитой женщине было от 55 до 60 лет.

Милиционеры, приехавшие на стройку под руководством Петренко, тщательно осмотрели каждый сантиметр. Как и в случае с убитой проституткой, головы трупа не обнаружили.

На столе Петренко дымился только что снятый с керосинки чайник, стояли две жестяные кружки. Они пили крутой кипяток — чая не было, — закусывая его ломтями ржаного хлеба, посыпанными сахаром. В окно давно смотрела ночь.

Несмотря на поздний час, в здании оставалось довольно много людей. Другьям многое надо было об-

судить, но трудно было делать это на пустой желудок. К сожалению, был конец месяца, и до зарплаты оставалось еще больше недели. Поэтому оба сидели без денег. Приходилось довольствоваться тем, что есть.

— Как тело попало на стройку? — любопытствовал Володя Сосновский.

— Его привез грузовой фургон, когда выгружал мешки. Станный фургон, кстати.

— А что в нем странного?

— Да судя по словам начальника отдела снабжения, никаких поставок в это утро не предполагалось! А такой грузовик на стройке вообще появился впервые. Вот и подумай! — глубокомысленно заявил Петренко. — Хорошо хоть, бригадир его видел. Описал подробно. Только вот номер не успел разглядеть.

— Что же это за убийца такой, который может достать грузовую машину? — удивился Сосновский. — Разве это так просто — достать грузовой фургон?

— Для нэпмана какого-то просто, — пожал плечами Петренко, — у спекулянтов можно. Да и бандиты за деньги готовы раздобыть что угодно.

— Убита, конечно, она была не на стройке, — продолжал Володя.

— Конечно! — фыркнул Петренко. — В мешке никаких следов крови не было. В него засунули уже обескровленный, остывший труп.

— Интересно, зачем его привезли именно на стройку?

— Однозначно, чтобы запутать следы, — сказал Петренко, — запутать нас. Да и позлить.

— Что сказал эксперт?

— Идентично со смертью девицы. Один в один. Кстати, тут результат вскрытия пришел на днях, — Петренко порылся на заваленном бумагами столе, пытаясь что-то найти, но, конечно, не нашел. — Девицу ту, проститутку, одурманили снотворным, которое дали ей с бокалом вина. Когда убийца отрезал девице голову, она была в полной отключке и не могла сопротивляться.

— Так мы и думали, собственно, — пожал плечами Володя, — увидишь, здесь будет то же самое!

— Не сомневаюсь даже! Женщина умерла от ножевых ран в горло. Проще говоря, от того, что ей отрезали голову. А была она грузная, сильная, не чета той проститутке. Значит, одурманена.

— Известно что-то об убитой?

— Проверяем.

В этот момент в дверь постучали, на пороге появился один из сотрудников в форме и молча протянул Петренко какую-то бумажку. Тот поблагодарил кивком и тут же принялся ее внимательно читать.

Ожидая, пока его друг освободится, Володя с наслаждением жевал свежий хлеб, запивая кипятком. Хлеб был куплен у спекулянтов. Друзья им разжились на обратном пути, проезжая какое-то небольшое село: остановились возле лавки местного нэпмана и там ку-

пили свежий, ароматный, душистый, ржаной хлеб — правда, втридорога. На больше денег не хватило.

— Ну вот, так я и думал, — наконец проговорил Петренко, положив документ на стол. — Это список пропавших по городу. Для экономии времени я попросил принести данные только на женщин. И вот результат. Одна дамочка подходит очень хорошо. Глафира Чернова, 56 лет, уроженка деревни Беляевка. Проживала в Одессе по Южной. Это Молдаванка. Убирала в зажиточных домах, мебелированных комнатах и занималась поденной стиркой. Очень даже подходит!

— Кто обратился в милицию?

— Странно... Соседка по Южной. Но указано, что у нее есть сын, 36 лет, проживающий вместе с ней. Похоже, это она.

— Глафира Чернова, уборщица и прачка?

— Скорей прислуга. Убирала наверняка у нэпманов. Кто еще может платить за уборку? Только нэпманы. И Южная совсем недалеко от того места, где убили девицу.

— Возможно, она знала проститутку. И услышала, либо увидела что-то, связанное с ее убийством, — размышлял вслух Сосновский, — другой причины ее убийства я пока не вижу. Она узнала что-то опасное для убийцы. Может, даже пыталась его шантажировать.

— Похоже на то, — кивнул Петренко. — Помнишь, что нам доктор сказал? Следов насилия как над женщиной на трупе нет. Да и проститутка не была изнасилова-

на перед смертью. Значит, причина этих убийств в другом. Ты правильно рассудил — она могла что-то узнать.

— Раз так, значит, убийца наш ошивается на Молдаванке, — сказал Володя.

— Завтра наведаемся на эту Южную. Привезем сына на опознание.

— А ты думал о том, что парня, жениха проститутки, придется отпустить? — ехидно улыбнулся Сосновский.

— Ну подожди! Ничего же еще не известно, — с неким раздражением картинно развел руками Петренко.

В гостиной владельца пекарни «Одесские баранки» Всеволода Шиловского пили чай. Все семейство собралось под ярким светом хрустальной лампы, освещающей роскошный стол. Чего только на нем не было!

Белый хлеб и копченая осетрина, грибы в густой крестьянской сметане и запеченный в тесте бараний бок, красная икра и тонкий сливочный сыр, поблескивающий в электрическом свете, как сплав драгоценного металла... Сахарные плюшки, мед и сливовое варенье... Ну и, конечно, собственно чай — ароматный, черный, настоящий чай. Во всяком случае на середине стола стоял большой самовар.

От такого изобилия у обыкновенного человека, выстоявшего многочасовую очередь, чтобы по хлебным карточкам получить глинистый, с опилками хлеб, безвкусный либо воняющий дрожжами, случился бы обморок. Это и было время НЭПа, когда одни умирали

от голода на недостаточном хлебном пайке, а другие обжирались продуктами, о которых и не слышал никогда обыкновенный рабочий или служащий.

Большинство работающих на государство и получающих продуктовые пайки не могли покупать продукты в нэпманских лавках, где были заоблачные цены. Одна часть горожан умирала с голоду, мучительно наблюдая, как голодают и их дети, другие же проматывали деньги в дорогих ресторанах и выбрасывали на помойку еду, которая могла бы спасти чью-то жизнь.

Таким был НЭП, и острое социальное неравенство только обострило те язвы, которые всегда есть в человеческом обществе — жадность, тупую алчность и злость, когда богатые не могли нажраться, а бедные захлебывались черной ненавистью, от которой до ярости и насильственной смерти один шаг.

Но семейство Шиловских не думало о социальных язвах. За столом сидела маман Шиловская, сам нэпман Шиловский — ее великовозрастный сынок — и две сестры нэпмана — одна старше, другая младше, злобные старые девы, кривящиеся даже от такого изобилия и язвительно критикующие все.

Несмотря на то что Шиловскому уже исполнилось сорок, он никогда не был женат. Он был крайним эгоистом, не способным заботиться ни о ком, кроме себя. Все бытовые нужды взяла на себя его мамочка, старательно оберегавшая своего сыночка от «жадных и корыстных стерв».

Шиловские были поляками. И где-то в Польше у них были родственники. Но уезжать из Одессы они не хотели. Природная хитрость, лживость и тот же эгоизм помогли Шиловскому добиться успеха в торговле. Открыв во времена НЭПа свою пекарню и разбогатев на выпечке из гнилой муки с мышиным пометом и грязным сахаром, он получал весьма неплохие деньги.

Розоватый, пухленький, с небольшой плешью, при первом взгляде Шиловский казался добрым и мягким человеком. Но только на первый взгляд. Патологический лжец по натуре, он быстро выдавал себя хитрым выражением глаз, которые никогда не смотрели на собеседника.

Уминая булку, сверху жирно намазанную черной икрой, Шиловский сербал крепкий чай и ощущал себя на вершине блаженства. Именно в такой патетический момент с грохотом распахнулась дверь в гостиную, и на пороге возникли пятеро — четверо мужчин и молодая темноволосая женщина в мужской одежде. В руках у всех было оружие.

Шиловский чуть не подавился булкой. Как большинство эгоистов, он был очень труслив. Краска схлынула с его лица, ставшего вмиг похожим на мятую белую бумагу.

— Деньги, ценности, открыть сейф! — скомандовала женщина, наставив револьвер на Шиловского. — Встать из-за стола!

Мадам Шиловская заголосила, схватилась за сердце. Женщина выстрелила в люстру, и на сидящих за столом посыпался хрустальный дождь.

— Следующая — в твою башку, старая курица, — спокойно сказала женщина. — Всем заткнуться. Открыть сейф.

Шиловский поднялся из-за стола и на подгибающихся ногах поплелся к сейфу в углу гостиной. Тело его было похоже на дрожащий студень. Щелкнул замок. Двое мужчин тут же принялись засовывать холщовые торбы деньги, золотые слитки, драгоценности — все те, чем был набит сейф. Еще один бандит обошел сидящих за столом женщин и забрал у них часы и золотые украшения. К добыче из сейфа бандиты добавили серебряную посуду.

— Хорошо жируешь, сволочь, — женщина уставилась тяжелым взглядом в лицо полумертвого от страха Шиловского.

— Наследство получил... честное слово... — залепетал тот.

Дальше произошло невообразимое. Женщина вдруг выстрелила два раза — и обе сестры Шиловские упали мертвыми на стол. Затем она хладнокровно выстрелила в грудь Шиловского. Тот, завыв, покатился по полу, но вскоре затих.

— Это тебе на память от Алмазной, сволочь, — сказала женщина и, спрятав за пояс пистолет, командовала: — Уходим, ребята!

ГЛАВА 9

В библиотеке синагоги.

Исчезновение уборщицы.

Что такое менора. Изгнание злых духов

Таня спустилась по Градоначальницкой вниз и вышла на Балковскую, которая, как всегда, была запружена людьми и транспортом. Это был промышленный, рабочий район. Балковская плавно перетекала в Пересыпь, где было открыто просто невероятное количество предприятий. Почти все они работали, а потому район был оживленный и шумный.

Таня пошла в сторону, противоположную от Пересыпи, — к Водяной Балке, туда, где находилась главная синагога. Ей было странно, что столь боль-

шая синагога стоит в таком месте. Но, наверное, когда ее строили, здесь все было по-другому.

С приходом к власти большевиков, которые были ярко выраженными атеистами, все религиозные, культовые сооружения моментально перешли к государству. Вокруг всего, связанного с религией, стали сжиматься тиски. И это не предвещало ничего хорошего. А потому в отдаленности синагоги от центра города теперь появился некий плюс. Хотя для жесткого контроля и давления большевиков отдаленность района не была помехой.

Думая обо всем этом, Таня быстро шагала по Балковской, вспоминая своих любимых подруг — Иду и Цию. Ни они, ни их мама Софа никогда не ходили в синагогу. Как и большинство бедняков, ведущих полукриминальную жизнь, они не были религиозны и не верили ни в какого Бога — ни в еврейского, ни в русского, ни в одесского, если б он был. Они очень редко вспоминали о своей национальности, потому что их жизнь была заполнена проблемами, в первую очередь, выживанием.

Но, несмотря на это, погром сыграл роковую роль в их судьбе, оборвав жизнь Софы — веселой, острой на язык тети Софы, никому в своей жизни не сделавшей никакого зла. Таня вспоминала, как спасала от погрома свою Цию, вспоминали дикую, разъяренную толпу, пьяное быдло, несущее разрушение и смерть. И то отчаянное чувство несправедливости и ужаса, которое

поднялось тогда, закипело в ее душе, несмотря на то что Таня не была еврейкой. Циля и Ида были для нее почти как сестры — их боль была ее болью. И она прекрасно понимала, что никогда уже не сможет забыть того, что тогда видела. С этим ей жить до конца дней.

Такие мысли вызвали в ее душе целый вихрь воспоминаний. Как же тосковала она по Циле и Иде, как же не хватало ей их улыбок, смеха, огонька в глазах, приземленной жизненной смекалки и, несмотря ни на что, умения верить в мечту. Как же горько было Тане вспоминать эти потери! Жизнь словно отрезала от нее всех самых дорогих, близких и любимых людей, ввергая в жестокий вакуум, где была только она одна — и ее боль.

Впрочем, жизнь вознаграждала ее и приобретениями, не только потерями. Среди этих приобретений была дружба с Тучей, который, не задумываясь, бросился спасать ее. Туча был прав, называя ее сестрой. Их дружба уже переросла в родственную связь, и Таня видела в нем брата, которого у нее никогда не было.

Туча, точно так же, как Циля и Ида, не был религиозен. Впрочем, это было свойство всех одесских бандитов. Для них не существовало Бога — наверное, потому, что они видели слишком много зла, в отличие от всех остальных людей. И не просто видели, но и были проявлением этого зла.

А между тем по просьбе Тани Туча позвонил раввину и договорился о том, что она придет в синагогу — почитать литературу в библиотеке и посмотреть

на те самые места, где старик Нудельман сделал свое роковое открытие. Когда Таня только начинала заниматься какой-то историей, пытаюсь раскрутить ее до конца, в ней сразу включалась какая-то особая интуиция, которая подсказывала верные ответы.

Как это происходит, Таня не могла объяснить. Но когда у нее появлялось предчувствие, оно всегда оказывалось верным. И вот теперь она чувствовала, что обязательно должна появиться в синагоге — это было очень важно.

К тому же Таня хотела понять, в первую очередь для себя, что такое менора. Она была очень далека от любой религии, и, конечно же, от иудаизма. Но у нее был свой метод расследования. Когда Таня что-то искала, она всегда хотела узнать об этом подробнее. Почитать информацию, почерпнуть что-то из книг. И, как правило, это всегда срабатывало.

А потому ей без труда удалось убедить Тучу, что она обязательно должна узнать, что такое менора. Туча тут же заявил, что она абсолютно права, позвонил раввину и все устроил.

По лицу друга Таня видела, что он далеко не в восторге от того, что ввязался в это дело.

— Дохлый номер... — тяжело вздыхал Туча, — во-няет, как сдохшая мышь в шляпе! Психи эти задрипаные, дурики об религиозные — ну разве можно большой гембель прицепить за свою разбитую голову? По ушам нашкрябают — только ша!

— Отчего же ты согласился? — усмехалась Таня. —
Надо было не соглашаться!

— Попросил за помощь — ну как не согласиться? Шо я, дурак без палочки, или хто? Нельзя не согласиться — за как иначе?

Таня прекрасно понимала, что поступок раввина — то, что он обратился к Туче за помощью, — очень льстил самолюбию ее друга. Однако разгадывать логические загадки Туча не особенно умел. Он был хорош там, где надо было повернуть финансовую аферу, напутать с документами, замести следы, применить силу в конце концов. А вот разгадывать убийства... Здесь Туча со всем своим хитроумием вступал в темный лес. Поэтому и страшно обрадовался, что Таня оказалась рядом, и снимет такую тяжесть с его шеи.

А Таня была рада, что сможет помочь своему другу, освободит его хотя бы от части забот. А потому решила всерьез заняться этой историей. Вот и шла она в синагогу, вспоминая свое прошлое. Таня почему-то подумала о том, что если бы Циля была жива, она бы взяла сейчас ее с собой...

Раввин встретил Таню приветливо и провел небольшую экскурсию по самой синагоге. Затем они прошли в соседнее здание — в библиотеку.

Когда раввин отпер ключом тяжелый висячий замок и они вошли, в нос сразу ударил затхлый, тяжелый запах давно не проветриваемого помещения. А на полу, на столах был огромный слой пыли.

— Простите, — раввин поймал взгляд Тани, — сюда давно никто не заходил. Как только Аарон исчез, библиотека стояла закрытой. А пыль...

— Да, действительно, — Таня провела пальцем по столу, — почему здесь так грязно?

— Уборщица давно не приходила. Пропала куда-то. Я собирался сразу ее попросить убрать в библиотеке, как только она появится. Но она не пришла.

— Как давно ее не было? — Таня вдруг почувствовала смутное чувство тревоги, как будто в голове загорелся красный огонек, некий сигнал повышенного внимания.

— Да вот как Аарон исчез... — Раввин вдруг запнулся и уставился на Таню. — Да, действительно! Она не появлялась с тех пор, как Аарона нашли убитым... Вы думаете, это важно?

— Важным может быть всё! А раньше уборщица исчезала так надолго? Кстати, как давно она у вас убирает?

— Второй год. И... нет, раньше никогда ничего подобного не было. Все было в порядке.

— Что за уборщица? Как ее зовут? — наступала Таня.

— Глафира Чернова. Живет на Молдаванке. 56 лет. Пожилая женщина, ворчливая. Но к своей работе относилась добросовестно.

— Она не еврейка?

— Нет. Мне просто порекомендовали ее. Сказали, что у нее сложные жизненные обстоятельства. Я хо-

тел помочь. Вы думаете, имеет значение то, что она не еврейка?

— Да. Ей плевать на все ваши реликвии, — сразу сообразила Таня, — то, что важно и свято для вас, для нее пустой звук.

— Я как-то не думал об этом... — побледнел раввин, — я думал, что делаю доброе дело, помогаю несчастной женщине.

— Какие тяжелые обстоятельства, чем несчастна? — Таня прекрасно знала жителей Молдаванки и то, как умеют они притворяться ради нужной цели, особенно ради выгоды.

— У нее сын пьет... В тюрьме сидел. Мать не обеспечивает. Как напьется, выгоняет из дома. А она пожилая женщина, больная...

— Все понятно, — Тане действительно все было понятно — знакомый типаж. — Значит, она убирала здесь. Все было хорошо?

— Вроде да... — раввин запнулся.

— А с Нудельманом она ладила? Или вот как раз это и было не так?

— Да, — раввин вздохнул, — вы правы. Они вечно ссорились, прямо как кошка с собакой! Аарон постоянно приходил на нее жаловаться — то бумаги на столе передвинула, то пол залила. Но я не обращал внимания — Аарон жаловался на всех. Он был неуживчивым человеком, с плохим характером, со всеми ссорился. Ему было сложно угодить.

— У вас есть ее адрес?

— Сейчас попрошу помощника найти — должен быть записан в конторской книге.

Раввин вышел и почти сразу вернулся. После разговора с Таней он выглядел встревоженным. Пока раввин отсутствовал, Таня заглянула за один из шкафов и убедилась, что уборщица совсем не добросовестно относилась к своим обязанностям — за шкафом явно никогда не убирали. Слой пыли, мусора и грязи там был многолетний.

— Вы меня озадачили... — честно сказал раввин.

— Она пила? — спросила Таня.

— Нет. Пьяной я ее никогда не видел.

— Скажите, вы не боялись допускать ее к синагоге, зная, что ее сын сидел в тюрьме? Там же ценности есть, золотые светильники, к примеру.

— Она не убирала в синагоге, — раввин был совсем не так прост, — только в этом здании. В библиотеке и других помещениях. В синагоге убирают мои помощники. Нельзя было ее туда допускать.

— Вот это правильно, — сказала Таня.

Раздался стук в дверь, на пороге появился помощник раввина, протянул листок бумаги и вышел.

— Вот, пожалуйста, — раввин отдал листочек Тане, — улица Южная, 6, квартира 2. Глафира Чернова.

Таня спрятала листок в сумку, твердо решив завтрашним же утром наведаться на Южную улицу,

к пропавшей уборщице. Исчезновение этой женщины означало хоть какой-то след.

— Что вы хотите вычитать в наших книгах? — спросил раввин.

— Все о меноре — что это за символ, историю, с чем связан, — ответила Таня.

— Понимаю. Вот на этой полке книги, в которых вы можете найти все, что вас интересует. Оставляю вас в одиночестве.

Таня попрощалась с раввином и, когда он ушел, тщательно осмотрела рабочий стол Аарона Нудельмана, но не нашла на нем ничего интересного. Ее удивило то, что на этом столе не было ничего личного — ни записей, ни фотографий, ни каких-то бумаг... Казалось, у Аарона Нудельмана совсем не было своей, личной жизни — ничего, кроме картотеки и документов, связанных исключительно с библиотекой. Это отсутствие личной информации тоже было весьма характерной чертой, которая заставляла задуматься. Аарон Нудельман был не так прост.

Еще некоторое время Таня потратила на поиск нужных книг, из которых можно было почерпнуть интересующую ее информацию. Затем села к столу и принялась читать.

Менора являлась одним из наиболее древних символов иудаизма. Это металлический подсвечник с семью глиняными или стеклянными лампадами. Форма ее восходила к описанному в Библии семисвечнику,

олицетворяющему семь церквей Малой Азии и символизирующему семь планет и семь дней Творения.

Иудейский философ Филон считал, что менора символизирует семь планет, являющихся наивысшими предметами, доступными человеческому восприятию.

Он же утверждал, что золото, из которого сделана менора, и ее свет символизируют Божественный свет, или логос. Кроме того, менора идентифицируется с храмом Соломона.

После разрушения Второго Храма императором Титом менора стала символом выживания и преемственности традиций еврейской нации. Менору часто сравнивают с перевернутым деревом жизни, укоренившимся на небесах. Каббалисты считают ее символом дерева сефирот — совокупности десяти божественных эманаций мира, где семь рожков представляют семь нижних сефирот, ствол — Сефиру Тиферет (в переводе «красота»), а масло — неистощимый источник благодати (Айн Соф), изливающейся в нижние миры.

Интересно то, что сила меноры признается не только в иудаизме. В практической каббале она служила мощным орудием против демонов. Ни одно изгнание демона нельзя провести без меноры.

Если ветви меноры изогнуть, то сверху она будет выглядеть как звезда Давида. Хасиды сравнивают менору с шестикрылым серафимом, чье имя про-

изошло от еврейского слова, обозначающего огонь. Господь якобы продемонстрировал Моисею образ серафима и повелел воссоздать его земными средствами.

Правила изготовления и применения меноры подробно описаны в 29-й главе Исхода. Легендарная менора, дарованная Богом Моисею в годы странствий в пустыне, имела треножное основание. Но Талмуд запретил ее копирование во всех подробностях. После разрушения Иерусалимского храма она исчезла, и с тех пор в ритуале используются ее приблизительные копии, стоящие на круглых или шестиугольных подставках.

Ботаники полагают, что форма меноры похожа на растение, которое называется мория. Оно растет в Израиле в пустыне Синай и, высушенное на плоской поверхности, действительно напоминает менору.

Как утверждает более поздняя традиция, в храме Соломона менору зажигал первосвященник, а десять остальных стояли рядом, выполняя декоративную функцию.

Когда вавилоняне разрушили Первый Храм, все золотые меноры были сломаны — кроме одной. Именно это и была легендарная первая менора. Чтобы уберечь от врагов, ее покрыли краской.

По легенде, эту менору сумели спрятать и хранили в изгнании. После разрушения Второго Храма менора была увезена в Рим и установлена в построенном

Веспасианом Храме мира. Позднее ее привезли в Константинополь или в Иерусалим, где она исчезла при невыясненных обстоятельствах.

В античные времена менора часто изображалась на мозаиках и фресках синагог, на могилах, печатях, перстнях, амулетах, сосудах, лампах. В Средние века ее начали использовать даже для книжных иллюстраций.

Ханукальная менора с девятью рожками внешне напоминает храмовую, но имеет другое происхождение. Восемь рожков подсвечника символизируют чудо, произошедшее во времена Иуды Маккавея, когда дневного запаса священного масла, найденного в оскверненном храме, хватило на восемь дней непрерывного горения. Девятый огонек служит для зажигания восьми остальных. В старину ханукальная менора висела слева от входной двери как знак публичного свидетельства о чуде. Когда же такие свидетельства стали небезопасными, иудейский закон предписал зажигать менору только внутри помещения.

В Средние века в синагогах появились копии семирожковой меноры, которую зажигали для блага бедняков и странников, не имеющих возможностей зажечь собственную лампу в день Хануки. Именно эти стоячие меноры, дополненные двумя рожками, стали моделью для домашних менор. Сохранилось строго соблюдаемое требование — чтобы восемь бо-

ковых рожков находились на одной линии, но их огни не сливались.

Прочитав все это, Таня задумалась. Смысл был ясен. Менора являлась очень сильным культовым предметом. Но Таню очень заинтересовала одна фраза, которая появилась в самом начале — о том, что каббалисты с помощью меноры изгоняют демонов.

Каббала. Таня уже слышала это слово, но что оно означает и от кого слышала, не могла вспомнить. Это было что-то загадочное, мистическое, связанное с какими-то ритуалами и злыми духами. Те люди, которые украли менору, найденную стариком Нудельманом, явно занимались каббалой, иначе зачем же им такой предмет?

Что же это такое? Таня стала рыться дальше. Наконец на полке нашла одну небольшую книгу, которая стояла в некоем отдалении от остальных — словно пряталась за ними. Таня подумала, что это неспроста. Она достала книгу, углубилась в чтение и сразу поняла, что нашла то, что ей нужно.

В 2448 году от Сотворения мира на горе Синай произошло великое Откровение, во время которого Творец даровал народу Израиля свое учение — Тору. Сразу после Откровения Моисей записал пять книг Торы, известных в еврейской традиции как письменная Тора.

Другая часть Торы, «устная Тора», передавалась из поколения в поколение. В дальнейшем устная часть

была записана — но только отчасти. Так появился Талмуд и другие книги еврейских мудрецов, подробно поясняющих заповеди письменной Торы.

Но, помимо открытой части устного учения, традиция включает в себя также тайны Торы. Их называли «маасе берешит» и «маасе меркова». Тайное учение передавалось только избранным.

Как было сказано в Мишне: «не толкую о «маасе берешит» двум ученикам одновременно, и о «маасе меркова» даже одному ученику, если он не мудрый и не способен постигать».

В дальнейшем тайное учение Торы получило общее название каббала, что в переводе означает «полученное по традиции». С древних времен известны книги, в которых излагались тайны Торы — такие, как «Шиур Кума» («Размер высоты»), «Гейхалот» (Дворцы мироздания) и другие. Эти книги проливали свет на духовное строение миров, жизни души после смерти, странствия души в загробном мире и нахождения грешной души между двух миров, жизнью и смертью, не попадая ни в один из них.

Каббала стала религиозно-мистическим, оккультным течением в иудаизме. Появилось оно в XII веке и получило широкое распространение в XVI веке. Каббала — это тайное знание содержащегося в Торе божественного откровения.

Каббала связана с осмыслением роли Творца и творения, роли и целей Творца, природы человека

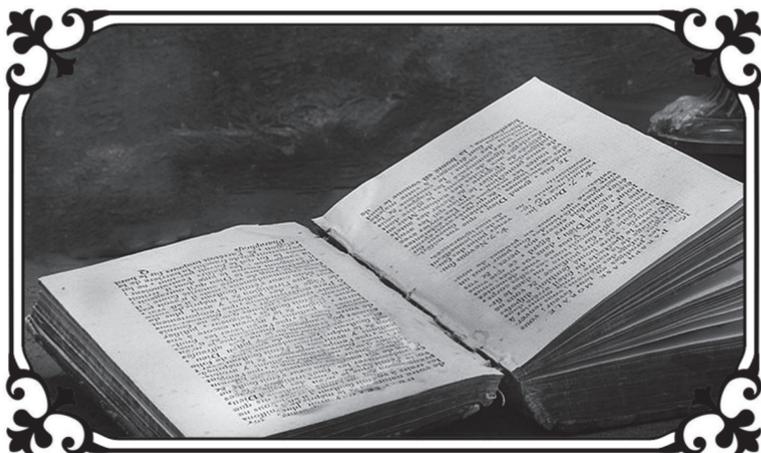
и смысла существования. Основу каббалы, сформированную в Средние века, составляют древние сочинения «Йецира», «Багир», «Зоар».

В каббале Тора рассматривается в качестве глубокого мистического кода. С точки зрения изучающих каббалу, причиной всех проблем людей является несоответствие законам мироздания. Целью изучения каббалы является духовное совершенствование личности, которое позволит человеку понять свое предназначение в материальном и духовном мирах.

Согласно каббале, душа воплощается в материальном мире до тех пор, пока не выучит свой урок и не выполнит той функции, для которой была создана. Считается, что каждая душа имеет какую-то свою, только ей присущую особенность, которую она и должна осознать. Когда, посредством обучения каббале, эта цель достигается, душа перестает воплощаться.

Состояние, в котором достигается цель каждой души, называется «Гмар Тикун» — конечное исправление, или окончание я. Достижение этого состояния и есть цель каббалы.

Таня прочитала все очень внимательно. Но подумала, что постигнуть это могут только очень глубокие мудрецы, которых нет на земле.

ГЛАВА 10

Каббала. Предположение Тани.

Роль меноры в каббале. Странная легенда.

Колдун с Градоначальницкой

Отложив в сторону книгу, Таня задумалась. Все эти вещи были слишком сложны для ее понимания. Тут необходима была определенная духовная практика, чтобы разобраться в такой тонкой структуре, как слияние религии и мистики. Были нужны глубокие знания, а не несколько общих, обрывистых фраз.

Может, Таня и не была глубоко духовным человеком и, уж конечно, не была достаточно образованна для того, чтобы разбираться в таких сложных истинах, но одну вещь она поняла очень хорошо. Понимание это пришло к ней между строк, когда она читала

научную, историческую книгу. И Таня даже не сомневалась, что поняла важную вещь: Менору выкрали не из-за того, что она была сделана из редкого золота, не из-за материальной ценности. Ее выкрали потому, что она была очень важна для духовной практики того человека, который, судя по всему, потратил на изучение каббалы не один год своей жизни. Менора была связана с каббалой.

А для того, кто ее забрал, изучение каббалы, изучение скрытых тайн, было смыслом жизни. Не результат — к примеру, проведение какого-нибудь ритуала или даже воскрешение мертвых. А именно *обладание* предметом, который нес в себе такой глубокий духовный смысл.

Что из этого следует? Только то, что необходимо снова серьезно поговорить с раввином. Он наверняка знает тех, кто занимается каббалой, — по крайней мере, о таком человеке, как минимум, ходят слухи, что он может быть связан с оккультными практиками. Ей нужны имена хотя бы нескольких человек, хоть приблизительный их список.

Таня предполагала, что человек, который всерьез заинтересовался менорой — настолько сильно, что ради нее даже пошел на убийство, — не молодой, а достаточно пожилой. Почему? Потому, что на расшифровку Торы, на изучение этих тайных знаний, необходимо потратить не один год жизни. А может, и не один десяток лет. Так что это точно пожилой

человек. И конечно мужчина — вряд ли у женщины был бы доступ к подобным знаниям. Таня не знала еврейских законов, их традиций, но она слышала о том, что отношение в иудаизме к женщине очень похоже на отношение в исламе. Женщины допускаются в синагогу только один определенный день в неделю, они не могут молиться вместе с мужчинами. В голове Тани кружился смутный рассказ Софы, матери Цили и Иды, о том времени, когда она была еще совсем молодой. Что-то она упоминала о том, что у евреев женщины не сидят за одним столом с мужчинами — как это принято и у мусульман. За достоверность этого Таня не ручалась, но что-то подобное слышала. Кроме того, в духовном училище, хедере, учатся только мальчики.

Из всего этого следует, что женщина вряд ли могла быть настолько грамотной и ученой, чтобы заниматься расшифровкой Торы и получить доступ к таким знаниям. Значит, за похищением стоит пожилой мужчина, к тому же очень ученый мужчина — не простой плотник или грузчик.

Таня вдруг испытала смутное чувство. Ей стало казаться, что Аарон Нудельман знал этого человека. Во всяком случае, это было похоже на правду. Библиотекарь сам был пожилым и очень ученым — настолько, чтобы сразу определить не материальную ценность похищенной меноры, а духовную, намного превосходящую все остальное.

Да, Аарон Нудельман мог знать этого человека. Может, поэтому он и бежал? Ведь из Чубаевки он на верняк хотел добраться до Фонтана, а побережье Фонтана всегда было прибежищем контрабандистов. Оттуда его могли переправить морем в Констанцу или в Константинополь. Не было для этого никаких преград. Так почему же Нудельман хотел сбежать?

Таня чувствовала, что ответ на этот вопрос будет указанием на то, кто именно является убийцей. Стоит узнать причину отъезда библиотекаря из города, и тогда станет понятно, кто убийца.

Но тут возникает другой вопрос. Таня помнила подробный рассказ раввина о том, как был убит Аарон Нудельман — его задушили веревкой. Мог ли это сделать пожилой человек? Да еще так называемый «книжный червь», привыкший проводить все свое время за книгами, а не в физической активности? Нет. У людей интеллектуального труда, как правило, слабые руки, не такие, как к примеру, как у кузнеца или биндюжника с Молдаванки. А для того, чтобы намотать на шею веревку взрослому человеку и задушить его, требуется сила, и немалая.

Значит, убийца — человек молодой и физически сильный. А раз так, выходит, что у организатора кабалиста есть преданные молодые помощники, может, ученики. Но как же надо боготворить своего наставника или учителя, чтобы ради него пойти на убийство! Значит, власть этого человека над исполнителем очень

сильна. А это делает его неизмеримо опасным. Похоже, раввин прав в том, что от похитителя можно ожидать очень много зла, он способен на все, а кроме того — обладает достаточной властью. На его счету не только похищение, но и убийство. А это уже не шутки.

Вздохнув, Таня открыла следующую книгу, где была описана роль меноры в каббале.

В каббалистических представлениях менора являлась символом структуры дерева сефирот. Первым каббалистическим комментатором, истолковавшим менору в символической терминологии, был Ашер бен Давид. Он написал трактат «Перуш Шем ха Мефораш». Центральная идея этого толкования выглядела следующим образом. Хотя менора состоит из ветвей, бутонов, чашек, украшений — камней и прочего, она является не комбинацией частей, но одним целым, созданным из одного слитка золота. Для проведения любого ритуала необходимо собрать все ее части и составить единое целое, потому что в каббале менора символизирует единство.

Точно так же и мир сефирот, хотя и множественен, состоит из разных слоев, в глубинной сути является единым.

Семь ветвей меноры символизируют семь нижних сефирот. Особенно выделяется центральный ствол, соответствующий человеческому телу, из которого выходят конечности, отождествляется он со Сефира Тиферет.

Сефира Тиферет так же символизирует божественную благодать, истекающую из верхнего мира вниз. На это указывает масло, используемое для зажигания меноры. Оно заливается в светильники на ветвях, которые и дают меноре свет, — Айн Соф.

Центральный ствол также служит символом души, которая действует в каждом человеческом теле.

Каббалисты считают, что в Торе нижние сефирот — нижние ветви именуется огнями и отождествляются с днями творения. В большинстве каббалистических исследований лампы меноры масло и свет отождествляются с тремя высшими сефирот.

Каббалист Реканати цитировал пророчество Захарии (Зах. 4:9), «...на одном камне семь огней как семь глаз Божьих». То есть Бог управляет видимым миром с помощью семи сефирот, символизируемых семью ветвями меноры. В одной из самых главных книг о каббале, Книге Зоар, нет отдельных суждений о символическом значении меноры. Однако во введении Тикун-Зогар появляется истолкование, которое очень отличается от предыдущего.

В одном месте описано, что менора символизирует ангельскую силу вне сефирот. В одной из каббалистических рукописей XVI века Псалом 67 интерпретируется как обозначение меноры. Причем широкое распространение получило воспроизведение этого текста именно как описание меноры. Поэтому мено-

ру стали воспринимать не только как синагогальный, но и как домашний амулет.

Интересна была легенда, которая описывалась в одной из каббалистических книг. Чтобы запомнить, Таня перечитала ее несколько раз, а затем записала основные положения в тетрадку, которую специально захватила с собой.

Это была легенда о золотой меноре — из белого золота, которую часто именовали «менорой заблудившихся душ». Таня не сомневалась, что речь идет о той самой меноре, которую они ищут.

По легенде, настоящая, первоначальная золотая менора была уничтожена. Однако при Иуде Маккавее ее отковали заново, используя сплав из лезвий мечей, ножей, наконечников стрел и редкого белого золота. А лампы припаяли к железу оловом. Эта менора долго служила в Храме, символизируя Святые Дары.

После покорения Иерусалима Гнеем Помпеем в 63 году до нашей эры знаменитый полководец вошел в Храм и увидел все помещения, в том числе запретные, и золотой алтарь тоже. Однако на золотом алтаре стояла простая железная менора из какого-то явно не драгоценного сплава. Менора была серого цвета и выглядела старой. Полководец решил, что она не представляет собой никакой ценности, и не прикоснулся к ней. А ведь это была та самая менора, которая при виде врага поменяла свой цвет, чтобы обмануть того, кто не считался с благочестием.

Это, кстати, было единственное свидетельство того, что Помпей видел эту менору. В 54 году до нашей эры Храм был разграблен Марком Лицинием Крассом. Но священная утварь снова осталась нетронутой. В этот раз потому, что откуда-то Красс узнал страшное предсказание, связанное с этой менорой. Возможно, оно где-то было записано, а владеющий местным языком Красс его прочитал. Предсказание это гласило следующее: кто тронет золотую менору, навсегда прервет связь со своим родом и получит проклятие предков. А также полностью освободится от власти рода над собой.

И это было очень страшное проклятие, так как род дает сильную родовую защиту.

Для суеверного римлянина такое предсказание было ужасно потому, что это означало лишиться поддержки всех поколений своих предков великой Римской империи, а также отвергнуть защиту богов. Ведь известно, что римляне чтили своих предков, даже устраивали в домах специальные алтари, где поклонялись умершим членам своего рода и приносили специальные жертвы. Они верили в то, что за плечами каждого человека стоят поколения его предков, которые как посланники приносят ему волю богов и даруют защиту.

Так что прервать связь со своим родом было невымыслимо, и поэтому Красс не тронул менору.

Известно, что менора оставалась на своем месте вплоть до полного разрушения Храма римлянами

в 70 году нашей эры. Слава Иерусалимского храма до Иудейской войны была столь велика, что дары шли от всех представителей тогдашнего мира, включая императора Октавиана Августа.

После разрушения Храма реликвии были рассеяны по всему миру. Тане было интересно прочесть приписку, сделанную к этой легенде. В ней речь шла о том, что непонятно, о какой меноре идет речь — то ли о самой первой, священной, из золота, меноре Моисея, то ли о «меноре заблудившихся душ», которая имеет совсем другое значение. Путаница эта была связана с потерей многих рукописей и со сложностями перевода.

Несмотря на это пояснение, Таня все же была склонна верить, что речь идет именно о «меноре колдунов», а не о меноре Моисея. Уж слишком странно выглядело то, что два прославленных полководца, захвативших Иерусалимский храм, так и не прикоснулись к этой реликвии. Конечно, покрыть серой краской менору могли сами жрецы храма. Но вряд ли это остановило бы захватчиков — ведь они даже отказались взять ее в руки и просто рассмотреть!

Тут Таня задумалась. Эта легенда шла в полный разрез с тем, что им с Тучей рассказал раввин. О воскрешении мертвых не было и речи — об этой особенности меноры вообще не упоминалось ни слова. Почему же раввин рассказал именно это, а об этой

легенде даже не упомянул? А ведь разрыв с родом — совершенно другое дело!

Неужели он не знал? Или по какой-то причине не захотел говорить об этом? Нет, он не мог не знать. Тогда почему?

В этот момент дверь скрипнула, и на пороге появился раввин.

— Хотел узнать, как ваши дела, — сдержанно проговорил он. — Надеюсь, вы нашли то, что хотели посмотреть?

— Да, благодарю вас, — Таня захлопнула книгу. Глаза раввина впились в обложку книги, и она заметила, что он несколько побледнел.

— Вы, — он кашлянул, — вы... читали книги по каббале?

— Да, — Таня прямо встретила его взгляд. — И я вычитала очень интересную легенду о «меноре заблудившихся душ». Почему вы ничего не упоминали о ней?

— Это... очень спорная легенда, — нахмурился раввин, — нет никакого подтверждения, что речь идет именно об этой меноре. Скорей, о самой первой, золотой меноре Моисея.

— Которая прерывает связь со своим родом? — подхватила Таня. — Очень странная легенда для священного культового предмета, который по традиции присутствует в каждом храме, вам не кажется?

— Это всего лишь легенда, — раввин почему-то занервничал, — беллетристика, если перевести на современный язык. Нет никаких оснований принимать ее к сведению и считать достоверной.

— Жаль, — вздохнула наигранно Таня. — А мне она показалась интересной. Хотя бы как версия.

— Версия... чего? — насторожился раввин.

— Ну, скажем, особенностей меноры. Да просто легенды... конечно же.

— Не думаю, что это как-то поможет вам в поисках! — Таня видела, что раввин чем-то очень сильно раздражен, но не могла понять чем.

— Может быть, — предпочла согласиться она, с удовлетворением отметив про себя, что очень правильно сделала, уделив такое внимание этой странной легенде. — Тогда у меня к вам другой вопрос...

— Какой? — Раввин повертел ключи в руке, показывая, что хочет закончить разговор. — Простите, мне пора закрывать... Я очень занят.

Таня поняла, что прийти еще раз в библиотеку он ей не предложит. Это показалось ей странным, ведь он сам обратился за помощью!

— Это не займет много времени, — она старательно делала вид, что не замечает его нервозность. — Скажите, вы знаете людей, которые занимаются каббалой?

— Чем? — Лицо у раввина стало таким, будто его ужалила пчела.

— Каббалой, — спокойно повторила Таня. — Понимаю, что не должна задавать этот вопрос священнослужителю, но все же ... Вы знаете многих своих прихожан. Может, вы слышали о ком-то, кто является каббалистом? Пожилой мужчина, который читает каббалистические книги. Может, даже проводит ритуалы. Какие-то слухи...

— Пожилой мужчина? — повторил раввин, глядя на Таню с нескрываемым ужасом.

— Да. — Она уже всюду наслаждалась этой непонятной ей самой игрой. — Пожилой мужчина, каббалист, из ваших прихожан...

— Станный вопрос, — нахмурился раввин. Было видно, что он разнервничался, но быстро взял себя в руки. — К сожалению, я ничем не смогу вам помочь. Я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Неужели? — удивилась Таня. — А ведь к вам приходит много людей. Советуются, рассказывают о своих проблемах или о ком-то из знакомых...

— Да, — кивнул головой раввин. — Но не о таком. Эти люди глубоко религиозны. Они чтут наши законы и наши традиции. Уважают их. А каббала... Это же совсем за гранью наших представлений о мире! Как вы не понимаете! Нет, среди моих прихожан такого человека нет и быть не может.

После этого он выпроводил Таню с такой скоростью, что она просто поразились тому, как лихо он все

это проделал. Похоже, что-то вызвало его сильное раздражение. Неужели она напала на след?

Туча ждал Таню, сидя в своей роскошной гостиной. После разговора с раввином она поехала прямо к нему.

— Ну, шо скажешь за наш гембель? Заскворчало в ушах, или как?

— Еще как заскворчало! — рассмеялась Таня. — Извини, не хочу тебя обидеть, но раввин врет.

— Тю! И без тебя знаю! Тоже мне, химины куры! А шо врет?

Таня подробно пересказала весь разговор.

— Ну ты и попала! Кулаком в глаз, как за то говорится! Какой же раввин тебе скажет за такой? — засмеялся Туча.

— Почему? — не унималась Таня.

— Каббалисты в среде религиозных евреев, особенно ортодоксов, пользуются плохой славой, — ответил он серьезно. — Да и простой народ их не любит.

— Объясни! — пыталась понять Таня.

— Знахарями считают, колдунами. А простые люди говорят, шо у них дурной глаз.

— Это так?

— Тю! Та конечно! Я с детства за то слышался! — И Туча принялся рассказывать.

Семья его была довольно состоятельной — родители были грамотные и обеспеченные люди, един-

ственной бедой которых было то, что кроме Тучи у них не было других детей. Они старались дать сыну прекрасное воспитание и никогда не разговаривали с ним ни на какие потусторонние темы. Но в доме была прислуга. И вот как раз от прислуги Туча узнавал все. В нем как-то сразу, с детства, начали проявляться дурные наклонности, о которых родители даже не подозревали. По словам Тучи, ему было скучно жить.

Он слышал, что среди простых евреев были люди, о которых говорили, что они колдуны. Посмотрят — и смерть нагнать могут. Таких людей боялись как огня. Туча помнил несколько таких человек, но самой дурной славой пользовался аптекарь с Градоначальницей (Туча не помнил, как его звали). Про него говорили, что он колдун. Все служанки города — и еврейки, и украинки, и гречанки, и польки, девушки любой национальности, если попадали в беду, бегали к нему за abortивными средствами, Туча знал, что это такое, так как с 12 лет он уже спал с одной из служанок.

А однажды он услышал такой рассказ. Какого-то мелкого торговца обворовал компаньон — выставил на большую сумму денег и отнял лавку. Торговец-еврей пошел жаловаться к городовому. Но тот только посмеялся над ним. Пытался подать жалобу в суд, но ее не приняли.

Тогда торговец сказал, что отомстит по-своему. Он собрал все золото, которое у него оставалось, и пошел к аптекарю. Тот пообещал помочь. Испугав-

шись, торговец спросил, что он собирается делать. Аптекарь ответил, что будет читать Тору три дня и ничего больше. А на четвертый торговец увидит, что произойдет.

И на четвертый день тело его врага стало покрываться страшными гнойными струпьями. А в доме заболевшего вдруг разом лопнули, вылетели все зеркала. Несчастливого отвезли в больницу, но врачи не знали лекарств от такой странной болезни. Враг торговца гнил заживо, разлагался, испытывая страшные муки. А на десятый день умер в больнице. Торговец же забрал обратно свою лавку.

— Говорили за то, что аптекарь был каббалистом и провел страшный ритуал Удар огня, — пояснил Туча. — Если проводится такой ритуал, то человек обречен. Это проклятие на смерть. Но не каждый может такое делать. Вот аптекарь тот мог.

— И что с ним стало? — заинтересовалась Таня.

— Умер, когда мне исполнилось... Я уже и не помню, сколько лет, — развеял ее надежды Туча.

ГЛАВА 11

Разговор в магазине. Возле дома по Южной улице.

Рассказ Тучи. Покушение

Идти до Южной был не ближний свет, поэтому Таня вышла из дома пораньше. Улицы еще спали. Только возле редких лавчонок передвигались сонные продавцы, подметая крошечные кусочки улицы — строго рядом с порогом.

Таня быстро прошла Торговую, повернула на Старопортофранковскую. Вдалеке прозвенел трамвай. Где-то в районе Пересыпи прогудел заводской гудок. Город просыпался. Таня шла очень быстро, не глядя по сторонам. Улицы были знакомы ей с детства, здесь, на Старопортофранковской, она жила с бабушкой, здесь прошло ее детство. Но Тане не хотелось думать об этом.

Она очень старалась, чтобы душа ее теперь болела как можно меньше. И там, где Таня сознательно надавливала на нее, чтобы пресечь на корню воспоминания, уничтожить их, оставалась только омертвевшая плоть, словно броня мертвой ткани, неспособной испытывать вообще никаких эмоций.

Но даже несмотря на это прогулка доставляла Тане большое удовольствие. Она наслаждалась утренним воздухом, и — неожиданно для себя — хмурыми лицами людей, и мрачными пятнами скользивших вдоль облупившихся фасадов старых домов...

Внезапно Таня споткнулась, потеряв равновесие и едва не полетела в какую-то лужу, а лужами была покрыта вся брусчатка — дорога здесь была очень плохой. Остановившись, она обнаружила, что на ботинке лопнул шнурок. Таня чертыхнулась про себя, оглянулась по сторонам и — о счастье! — тут же заметила грошовую лавчонку, где продавали различные мелочи. Наверняка там могли быть и шнурки, потому как идти дальше в таком ботинке было невозможно.

Лавчонка уже была открыта. Таня, припрыгивая на одной ноге, вошла внутрь темноватого и узкого помещения, в котором, она сразу почувствовала, стоял неприятный запах горелой резины.

Товары в коробках были разложены вдоль стен. Таня так же, боком, вошла в глубь магазинчика и присмотрелась.

За прилавком, не видя посетительницу, которая зашла за полку с обувью, разговаривали две женщины: продавщица — она была в халате — и, очевидно, ее приятельница, заскочившая к ней поболтать.

— А голову-то, голову так и не нашли! — с ажиотажем произнесла приятельница.

Продавщица, объемная дама после пятидесяти, картинно ухватила за сердце:

— Матушка Божья! Во страсти! Как в иллюзии... А порешил, порешил-то кто?

— Народ языком лопотал, шо жоних ейный... — затрещала приятельница. — Да то брехня! Вот слушай сюда, за шо скажу... То зло, оно завсегда идет от этой... от синагоги.

— Та ну! — продавщица с опаской покосилась на дверь. Таню она не заметила.

— А то! С тех пор, как стоит зараза в Водяной Балке, сладу с Молдаванкой нет! Говорят, они в своих синагогах младенцев мертвых в жертву приносят! Так пошто им башку девке не отрезать? Это патлатые, точно тебе говорю! Вся нечисть от них!

— Так девка-то, слышала, та еще была прошмандовка! Халамидница деревенская, приехала до сюда, собой торговать! Такую за хто угодно порешить мог, оно как мусор! До куда тут те, из синагоги? Не до нее им! — засомневалась продавщица.

— Э, не скажи, замотала головой приятельница. — Пару годков назад помнишь? С чего погром

на Привозе начался? Тогда в лавке жида одного мертвого младенца нашли! Народ и не выдержал, пошел с вилами — бей, мол, жидов! Жаль, до этой синагоги не дошли, бандюки остановили. А дыма без огня не бывает.

— Так давно то было, уже былъем поросло, — удивилась продавщица. — А про мертвого младенца — брешут собаки, языком брешут! Да и у хабалки-то сельской никаких младенцев не было. Так шо до каких гланд тут младенцы?

— А вся чертовщина от них, нехристей этих проклятых! — аж завелась подруга продавщицы. — Как за шо злое происходит, ткни пальцем и не ошибешься — точно они!

Забыв про шнурки, Таня внимательно прислушивалась к разговору. Как же прав был раввин! Достаточно было попасть одной искре, чтобы огонь вековой ненависти и невежества разгорелся с новой силой. Почему так, за что?

Таня почувствовала, как по спине ее потек ледяной ручеек пота от ужаса, вдруг охватившего ее до боли, до ломоты в костях. Ей стало страшно. Перед ней стояли две тупые и злые бабы, без ума, без образования, без элементарной доброты и культуры, и какие же страшные вещи горели в их душах, источая невыносимый смрад! От их душ, полных ненависти и клеветы, несло гнилью, и Таня словно физически ощущала этот ужасающий запах. А ведь достаточно

какой-то из них брякнуть языком в подходящий момент, к примеру, посреди пьяной толпы... Прав был раввин, прав! Эта мысль билась, пульсировала в Тане. Только теперь она осознала ее как никогда.

Человеческая психика устроена ужасающим образом — человек никогда не винит в грехах себя самого. И бабы не могли обвинить себя в том, что это они были пустословны, злы, глупы, жестоки... Нет, в их бедах всегда были виноваты другие! Как же просто — указать виноватого пальцем и обвинить во всех *собственных* грехах! Нет ничего проще. И ничего нет страшней.

Тут бабы, присмотревшись, увидели Таню и заинтересовались ее присутствием в лавке. На глаза ее попала коробка, со шнурками, она схватила первые попавшиеся и пошла к прилавку:

— Вот, порвались, — Таня отсчитала нужную сумму. — А кого убили-то?

Бабы переглянулись и затараторили обе разом, явно обрадовавшись появлению новой слушательницы. Из их рассказа выходило, что где-то на Молдаванке, в одном из доходных домов, убили девушку легкого поведения — проститутку. Ей отрезали голову. И не нашли. Все в округе говорили, что это убийство было ритуальным.

Жители Молдаванки, обитавшие в полукриминальной среде, привыкли к совершенно другим убийствам и прекрасно знали, как убивают в их мире. Убийство

с отрезанной головой совершил явно не представитель криминала, у них так не убивали. И это убийство, в котором проступало что-то мрачное, таинственное и очень жестокое, жутко напугало их всех.

Моментально появились слухи о том, что во всем виноваты евреи. Кто их распускал, было непонятно, но бабы с удовольствием пересказывали их друг другу. Однако при этом чесали языком с опаской — большевики не жаловали таких разговоров, а за подстрекательство к погромам могли и посадить.

Перешнуровывая ботинки, Таня как бы между прочим выпытывала подробности. Странное убийство заинтересовало ее.

И тут одна из теток ляпнула такое, что Таня буквально потеряла дар речи!

— Говорят, у девки камушки какие-то нашли... — сказала продавщица, — контрабанду.

— Та не, то брехня! — тут же возразила ее подруга, — то камень с луны был!

— Шо? Шо за камень с луны? — похоже, продавщица слышала об этом впервые.

— Ну, лунный, — развела руками подруга. — Ко-реш моего племянника, он в милиции служит, там в оцеплении был, так он до всех рассказал, шо там камушек был дешевый, его следователь сразу забрал... А этот следователь — тот, кто погромил банду Котьки Вяленого! Значит, не пустое фуфло та шалава, если такой человек приехал!

— Та он до отрезанной башки приехал, а не до шалавы! — махнула рукой продавщица. — Як бы ее в бошку не таянули, стал бы он по там валандаться!

— А откуда камень был? — встряла Таня. — Большой?

— Вроде большой, — повернулась к ней приятельница продавщицы. — А там хрен его знает! Может, подобрала где-то. Та этим шалавам тащат всякую пакость. А они ж тупые, думают, шо ценность...

Надежно зашнуровав ботинки, Таня вышла из лавчонки с невероятным подарком судьбы — который, на самом деле, запутан был теперь как клубок, заигранный кошкой.

К ее удивлению Тани, дом № 6 по Южной улице оказался зажиточным каменным особняком в два этажа, никак не вязавшимся со словом «нужда». Это было странно, ведь Таня представляла себе совсем другое.

Добротный, из прочного камня, с высоким бельэтажем и мезонином, до революции дом явно принадлежал какому-то богатому купцу. Судя по табличке, прибитой рядом с воротами под номером дома, квартира № 2 находилась на первом этаже как раз этого особняка, а не в глубине двора.

Таня нахмурилась. Хорошо зная Молдаванку, она знала и то, что жилью в доме, где все стены были каменными, стоило гораздо дороже остального жилья. В хибарах Молдаванки часто каменной была только одна стена, а все остальные возводились из ящичков,

фанеры, трухлявых досок и занавешивались тряпками. И, уж конечно, находились такие хибары не в фасадном доме, а где-то на задворках проходных дворов. Именно в таких жили бедняки.

Здесь же все было не так. И стоимость жилья в таком доме наверняка была немалой. Почему же эта Чернова создавала вокруг себя иллюзию бедности? Выходит, та еще шкура. Думая так, Таня остановилась напротив ворот, через дорогу рассматривая дом.

Вот улицы здесь действительно были плохие. Немощные тротуары, голая земля, размокающая под снегом или дождем. Или еще хуже — деревянные бруски, колдобины, рытвины, ямы. Не ровен час сломаешь ногу в темноте. А темнота была здесь крошечной. Молдаванка никогда не освещалась — ни в царские времена, ни при большевиках.

Что ж, остается попробовать пойти в квартиру и узнать, что случилось с уборщицей. Наверняка там есть кто-нибудь, способный внятно отвечать на вопросы. Час ведь ранний, так что если там пьют, а там наверняка пьют, то еще с утра не успели надраться.

Таня уже собралась перейти дорогу, как вдруг... С угла на достаточно большой скорости завернул черный автомобиль. И не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы сразу понять, что принадлежит этот автомобиль чекистам. Такие машины не спутать было ни с чем.

Таня насторожилась. От Тучи она уже знала, что ее больше не ищут. А преследовавший ее следователь

в награду за деяния в банде Кагула вернулся в Киев и забыл о ее существовании. Так что для чекистов она вроде как умерла. Но все равно — в таких делах никогда не можешь знать наверняка. А потому лучше подождать, не высовываться и посмотреть, что будет дальше.

Автомобиль остановился как раз возле шестого номера. Таня почувствовала холодок в груди. Неспроста это, ох неспроста... А дальше... Дверцы автомобиля открылись. И первым, кто вышел оттуда, был Володя Сосновский.

Таня замерла. Ей вдруг показалось, что ее ударили под дых. Она быстро метнулась в ближайшую подворотню и затаилась там, жадно прильнув глазами к узкой щели в заборе.

Володя... Почти такой, как всегда. Нет, не совсем. Он изменился. Похудел, осунулся. На лице появились новые морщины. Но такой же подтянутый и предстательный, как и раньше. Красивый. Худоба ему шла. А бледность только подчеркивала выразительную аристократичность его лица. Ту внешнюю утонченность, которая была выжжена в сердце Тани каленым железом.

Ей вдруг захотелось плакать. Она даже не представляла себе, что Володя мог вызвать в ней такую гамму чувств. И ей стало страшно.

Что-то внутри нарастало, как снежный ком, заставляя кровь холодеть. И еще это обжигающе мучи-

тельное чувство тревоги, чего она не могла ни понять, ни объяснить.

Тане вдруг померещилось, что когда умирала Наташа, Володя был там, в палате инфекционной больницы. Она не помнила тот момент, он стерся из ее памяти, а Туча не говорил. Но Тане всегда казалось, что Володя был там... А может, она все время думала о нем, потому и ощущала его присутствие. А если он там был, то почему ушел? Почему оставил ее одну?..

Почему его не было в доме Тучи, когда она умирала и никто не давал и ломаного гроша за ее жизнь? А между тем Таня была готова поклясться, что Володя любит ее по-прежнему. Она чувствовала это подсознательно — так, как чувствовала всегда. Так почему же его не было с ней?!

Затаившись, наблюдая за Володей Сосновским, Таня буквально впилась в него взглядом, слышала, как бьется ее измученное сердце.

Вслед за ним из машины вышел еще один мужчина в штатском, молодой, с казенным нагловатым лицом. В нем сразу можно было признать чекиста, Таня умела различать такие лица. И еще появился молодой милиционер в форме с винтовкой. Все трое двинулись к дому.

Время пошло. Таня собиралась стоять до последнего — наблюдать, когда они выйдут. Шофер автомобиля заглушил двигатель.

Но ждать пришлось недолго. Прошло минут десять, когда вдруг вся процессия появилась в подъезде, но уже в обратном порядке: впереди выступал милиционер с винтовкой, за ним — Володя и чекист. А вот между ними шел мужчина средних лет, в котором сразу можно было разглядеть горького пьяницу и коренного жителя Молдаванки.

Волосы его были вслокочены, лицо — багровым, одежда — бедная и грязная. Возраст — между 30-ю и 40-ка. Однако этот человек не был арестован — руки его были свободны, и шел он свободно, о чем-то вполголоса беседуя с чекистом.

Все уселись в машину: милиционер впереди, мужчина — между Володей и чекистом на заднем сиденье. Взревел двигатель, и автомобиль, урча, покатил вниз по Южной, к Колонтаевской.

Что это — Володя работает в милиции? Таня не понимала, но в это ей верилось с трудом. Он ведь мечтал стать писателем. Зачем ему возвращаться в милицию? Что-то здесь не то. Нужно выяснить. С легкостью перебежав дорогу, она вошла в подъезд.

Звонок дребезжал громко, но на него никто не ответил. За обитой потертым дерматином дверью не слышалось ни звуков, ни шагов, ничего, что могло бы свидетельствовать о присутствии людей в этой квартире. Таня снова нажала звонок. И вновь — никакой реакции. В квартире никого не было.

Сзади скрипнула, приотворяясь, дверь. Так всегда бывало в одесских домах — на шум появлялись соседи. И в этот раз из-за двери выглянуло румяное, молодое, пышущее здоровьем лицо. На руках женщины спал толстый младенец, укутанный в плотное одеяло.

— Вы к кому? — Она с интересом посмотрела на Таню.

— Я ищу Глафиру Чернову, — Таня повернулась к ней.

— Так нет ее! А сына забрали! Да за то и кажу. Милиция за ним приехала. Вот только за сейчас.

— Его арестовали?

— Да не вроде, — женщина пожала плечами, — казали, на опоздание.

— Опознание... — машинально поправила Таня.

— Во! Оно.

— А Глафира где?

— Так ее и опознавать, — сказала женщина. — Она ж вроде как померла. Вот сына и забрали, шоб узнал, она или нет.

— Давно умерла?

— Не слыхала, — женщина замотала головой. — Они ж как про смерть тети Глаши в коридоре заговорили, я за то и услышала. А потом — вже не...

Таня насторожилась. Если приехали из милиции, значит, смерть Глафиры Черновой была насильственной, ее убили.

Поблагодарив женщину, она выбежала из парадной.

Итак, Глафиру Чернову убили. Таня подозревала это с самого начала, инстинктивно чувствовала. Но кто и зачем? И почему расследованием убийства занимается Володя Сосновский? Он тут вообще при чем? Вопросы, вопросы, на которые не существует ответов. Но Таня не сомневалась, что это пока.

Туча сидел в своем кабинете на вилле и занимался какими-то денежными подсчетами. Таня вошла к нему, как всегда, без стука.

— Ну шо там, с цем гембелем? — спросил он, не отрывая от своих бумажек.

— Прислугу убили из синагоги, уборщицу, что в библиотеке убирала и с Нудельманом всегда цапалась.

— Тю... От за всегда так! — наконец поднял глаза Туча.

— Но я не за тем к тебе пришла, — перебила его Таня. — Ты должен мне рассказать правду. Про Володю Сосновского.

Туча неторопливо отложил в сторону бумаги, посмотрел на Таню, нахмурился и коротко ответил:

— Нет.

— Что это значит? — Таня ожидала чего-то подобного, но была настроена решительно.

— Ты за тот свет чуток не отправилась! И опять хочешь туда? — громыхнул Туча, оправдывая свое имя.

— Не поняла, — действительно не поняла она.

— Гад он! Швицер задохлый! — Туча сжал кулаки. — В морду ему, как бы не ты! Забудь! Плюнь и размажь за ту падлу! Забудь!

— Нет, Туча, так не пойдет, — спокойно возразила Таня, — ты мне расскажешь все, и прямо сейчас. Мне нужно знать.

— Да шо тебе? Столько не заспоминала, и вдруг вылезло — нате вам здрасьте?

— Я его видела сегодня, Туча, — призналась она.

— Тю! А он до тебя?

— Он меня нет.

— Вот и заславно!

— Говори, Туча. Ты меня знаешь. Я все равно не отстану. И профессор сказал, что я должна знать все.

— Такое ни до кого знать не надо, — снова вспыхнул Туча. — За такое гада убивать надо. Вот добил бы с радостью! Ладно. Хочешь, оно тебе надо — получай. — Туча помолчал и выпалил: — Он сказал, шо ты убила Наташу. Ты убила мою дочь — так сказал.

— Что ж, правильно он сказал, — спокойно ответила Таня.

— Шо? — Туча так разнервничался, что поднялся из-за стола. — За как он... да как за язык повернулось сказать такое! Горем убитой матери! Да за такое на месте пристрелять надо!

— Успокойся, Туча. Он сказал правду, — заговорила Таня, — я была плохая мать. Что я была за мать, если занималась разбоем в банде? Что бы выросло из

Наташи? Ты вспомни, Туча, все, что я делала, где я пряталась. Рестораны, налеты... Какой ребенок, Туча? Так что он сказал правильно. Это я убила ее.

— Я не хочу за то слушать, — мрачно отозвался Туча. — Не хочу — и за всё!

— Ты не бойся за меня, — вздохнув, Таня поднялась с места, — я в порядке. Я теперь все поняла. Правильно, что ты рассказал. Он приходил сюда, на виллу, ко мне?

— Нет. Кто бы его впустил? — Туча посмотрел на нее исподлобья.

— Он наверняка страшно страдал. Я это знаю. Больше меня, Туча. Сказал — а потом страдал.

— Страдал... Чуть не сдох, это точно! Но за потом...

— В этом мы с ним и похожи. Я тоже чуть не умерла. Но все-таки не умерла. И он — тоже. В общем... Я пройду, Туча, к морю. Мне подумать надо.

— Не ходи!

Но Таня уже вышла из кабинета. Быстро покинув дом Тучи, она спустилась по лестнице к самому берегу и медленно пошла.

Вечерело. Море было удивительно спокойным. Вокруг стояла полная тишина. Эта тишина когда-то исцелила душу Тани, вернула ее к жизни. Ей подумалось — сможет ли такое чудо повториться во второй раз?

Туче она наврала. Все внутри нее переворачивалось и мучительно болело от страшных слов друга, рассказавшего правду. Теперь она поняла все —

Володя ее ненавидит. Он никогда не простит ей того, что она не сохранила его дочь. Для него все это всегда будет выглядеть так, словно она задушила его дочь своими руками.

Значит, между ними пролегла пропасть. И эту пропасть не перешагнуть, не преодолеть. Вдруг за спиной Тани раздались шаги. Сначала это насторожило ее, но потом она успокоилась. Шаги означали, что Туча, перепугавшись, как бы она чего не сделала с собой, послал за ней охранника, он переживал.

Усмехнувшись, Таня продолжала идти вдоль берега моря, пытаясь прийти в себя. Шаги раздались совсем близко. Было отчетливо слышно, как шуршит песок. Внезапно Таня ощутила странную тревогу. Пожалуй, надо возвращаться, подумала она.

Таня повернулась, чтобы идти обратно, и в этот момент ей на шею набросили веревку. Едва удержавшись на ногах, она вцепилась в нее изо всех сил и попыталась ослабить, засовывая пальцы в петлю. Бесполезно: веревку затягивали все сильнее и сильнее. Таня боролась из последних сил...

Острая, мучительная боль обожгла ей горло. От нехватки воздуха в глазах заплясали радужные круги. Она попыталась закричать, но не смогла. Из ее горла вырвался лишь сдавленный хрип. Потеряв равновесие, Таня упала на песок, чувствуя, как падает в звенящую, бесконечную пропасть, как исчезают краски в глазах. Она потеряла сознание.

ГЛАВА 12

*Любовные приключения
нэпмана Скоробогатского.*

Опознание трупа. Допрос Скоробогатского.

Шок Володи

Лев Александрович Скоробогатский, бывший почетный гражданин Житомира, а ныне процветающий одесский коммерсант, сидел в просторной гостиной собственного дома и с вождением поглядывал на сахарные булки, лежавшие на столе в блюде. Внизу, на первом этаже, в кухне суетилась его кухарка Лукерья — баба лет шестидесяти, с зыркающими по сторонам, пронирыливыми глазами, хитрая, но молчаливая, оттого и допущенная в дом. Она вкусно готовила, воровала меньше остальных и приучена была помал-

кивать о делах хозяина. А дел было столько, что постоянно приходилось держать ухо востро.

Лев Александрович, мужчина лет пятидесяти, то есть, как думал он сам про себя, в самом соку, перестал задумчиво смотреть на булки и уставился на цветастую скатерть, мучительно переживая о трудах насущных, а также о том, что пришло ему в голову вот уже недели две назад. И переживания его были тяжелыми и сложными — он думал: жениться ему или нет. Для этого у Скоробогатского существовало целых три кандидатуры, и выбрать кого-то было просто непосильным трудом.

Конечно, предприимчивому торгашу не особенно улыбалось допустить в свой просторный дом еще одного человека — который, как ни крути, все-таки будет лишним ртом. Но в каждой из трех кандидатур были плюсы, которые могли склонить к данному решению. Вот их-то и рассматривал Лев Александрович — со всей подходящей к случаю серьезностью.

Лишний рот в доме, понятное дело, был ни к чему. Со всеми обязанностями отлично справлялась Лукерья, и, как уже упоминалось, она обладала самым большим достоинством — умела молчать. Скоробогатский очень любил тишину, в идеальной тишине было очень комфортно пересчитывать свою прибыль, полученную за день, прежде чем положить ее в сейф. А прибыль, надо сказать, в последнее время все прибывала и прибывала...

Конечно, если уж говорить по справедливости, Скоробогатский мог прокормить не один лишний рот, а с десяток! Но он ни за что не стал бы этого делать. Будучи человеком прижимистым, Лев Александрович любил считать и беречь каждую копейку. А потому в качестве жены категорически не рассматривал женщин, имеющих детей.

Дети, в его представлении, были мерзким доверском, который вечно бегаёт по дому и требует еды. Детей Скоробогатский ненавидел так же, как крыс, — с той только разницей, что если крыс можно было потравить, то против подобной расправы с детьми почему-то категорически возражал уголовный кодекс. Поэтому Скоробогатский инстинктивно ненавидел и сторонился женщин, имеющих детей. Как махровый эгоист, он мог согласиться существовать совместно с кем-то только в условиях повышенного внимания к одной-единственной персоне — своей собственной.

Наверное, потому дела Льва Александровича шли очень даже неплохо. А прибыль удавалось извлекать из самых разных источников.

Из родного Житомира Скоробогатский уехал, прихватив всю кассу товарищеской взаимопомощи, соблазнившись мечтами о южной Одессе, полной знойных красоток и немислимых финансовых возможностей. По дороге он обманул двух деловых партнеров — инвесторов некой мифической фермы по разведению племенных быков-производителей. Взяв

деньги у доверчивых нэпманов, Скоробогатский якобы отправился в Киев за приобретением двух невероятно ценных быков.

Вместо этого, прокрутив деньги в каком-то левом харьковском банке и с помощью взятки председателю этого банка получив огромные липовые проценты, он махнул в Одессу, где тут же вошел в долю артели по производству металлических изделий для сельского хозяйства и кузнечного промысла.

С артелью Лев Александрович разделался так же довольно быстро: на обоих совладельцев артели он написал в ЧК пространный донос о том, что якобы за его спиной партнеры чеканят фальшивые золотые монеты, чтобы сбыть их контрабандой в Англию. Донос, конечно, был абсурдный. Но так как уголовная милиция изо всех сил боролась с фальшивомонетчиками и валютчиками, ему поверили.

Деловые партнеры были арестованы, и Скоробогатский оказался единственным владельцем активов данного процветающего предприятия. После чего он быстро продал все активы заезжему деляге из Жмеринки, получив просто заоблачную цену.

Одновременно с этим Лев Александрович умудрился получить фальшивый кредит на развитие предприятия по закупке гороха для промышленных целей, поучаствовать в афере с изготовлением фальшивых железнодорожных билетов и стать членом несуществующего акционерного общества «Артель «Хим-

промбытсбуда», на развитие которой от государства были выделены довольно приличные средства.

С помощью природной смекалки и наглости Ско-робогатский всегда умудрялся выходить сухим из воды. А вступив в тесные коммерческие отношения кое с кем из большевистских комиссаров, смог еще и упрочить свое положение.

В результате всех этих махинаций он стал владельцем процветающего предприятия, торгующего древесиной на экспорт и мебелью под государственные поставки. Надо ли говорить, что основной деятельностью предприятия была контрабанда в Турцию. Войдя в долю, Скоробогатский быстро упрочил свое положение в теневом мире и закрутил контрабанду в таких объемах, что диву давались даже выдавшие виды уголовники.

Склады предприятия, представлявшие собой сплошной деревянный барак с единственным входом, на котором висел большой амбарный замок, находились на Ближних Мельницах. Скоробогатский занял под них целый квартал небольшого переулочка.

В тот момент, когда Лев Александрович обустроивал склады, ему вдруг приглянулся дом, в котором жила довольно большая семья — муж с длинной бородой, очень странный на вид, жена и пятеро детей разного возраста.

Сначала Скоробогатский честно предложил семейству продать ему дом. Но семейство заартачи-

лось — мол, дом построили еще их родители, и все такое. Тогда Лев Александрович обиделся. Впервые в жизни он хотел поступить честно — и тут вдруг! Ну, не судьба — значит, не судьба.

Плюнув на непонятно откуда взявшуюся честность, Скоробогатский принялся собирать сведения. Очень скоро он узнал, что бородатый глава семейства был бывшим священником. Когда-то он служил в небольшой церквушке здесь же, на Ближних Мельницах, но большевики активно боролись с религией и везде, где только могли, закрывали церкви. Этой участи не избежала и церковь на Ближних Мельницах — в ней устроили склад картошки. А священник остался без работы и поступил счетоводом в какую-то контору, чтобы хоть как-то прокормить многочисленное семейство.

Скоробогатский потер руки в восторге — это ему и было надо! Не захотели продать дом за деньги — теперь отдадут даром. Скоро полетели доносы — в местный ЦК ВКП (б), в уголовную милицию, в Киев и в Москву. В доносах разными почерками и от разных людей писалось одно и то же: о том, что бывший священник в своем большом доме организовал опасную секту, выступающую против советской власти.

События не замедлили последовать. Священника с женой арестовали, детей отправили в детский дом. Заплатив небольшую взятку большевистскому начальству, Скоробогатский вселился в облюбованный

им двухэтажный дом, который находился как раз напротив его складов на Ближних Мельницах.

И вот, некоторое время пожив в свое удовольствие, Лев Александрович задумался о том, чтобы жениться и тем самым увеличить свой капитал, а также упрочить свое положение в советском обществе. Тут же подвернулись две идеальные кандидатуры.

Обе претендентки соответствовали требованиям Скоробогатского — он хотел, чтобы женщина была без детей, возрастом до 30 лет, богата и не уроженка сельской местности. Желательно также говорить по-французски, уметь шить и вышивать — чтобы самостоятельно изготавливать себе наряды, а не требовать от мужа дорогостоящих покупок.

Первая девица была дочерью крупного нэпмана, торгующего в Одессе всеми писчебумажными принадлежностями. Вторая — дочкой большевистского комиссара, который занимал достаточно серьезное положение в городе.

Казалось бы, выбирай и радуйся, но нет, тут Скоробогатскому подвернулась третья претендентка. Встретилась она ему в одном из ресторанов, а конкретно — в ресторане «Аккорд», куда преуспевающий торгаш время от времени ходил. И стоило ей блеснуть своим черным глазом из-под коротко стриженных темных волос, как Лев Александрович пропал.

Роман закрутился с бешеной скоростью. Девица, которую звали Татьяной, не имела ни богатых родите-

лей, ни родственников с высоким положением, ни какого-то капитала, ни места в обществе. Кроме того, нэпман был совершенно неуверен насчет ее возраста. Но на фоне разгоревшейся страсти это было не важно. Страсть была исключительно со стороны Скоробогатского, так как девица постоянно водила его за нос.

В первую ночь, когда они решили уединиться в гостинице, Лев Александрович опозорился так страшно, что и сам не мог вспоминать потом об этом позоре. Выпив с девицей самого дорогого вина, нэпман... заснул. Конечно, девица ушла, а в гостинице его умудрились ограбить — утащили часы и набитый бумажник.

Через два дня, оправившись от стыда, Скоробогатский разыскал эту Татьяну в том же самом ресторане «Аккорд», чтобы извиниться и попробовать все заново. Девица сначала отказывалась, но потом все же согласилась с ним поужинать. Они стали встречаться время от времени, но в своих ухаживаниях нэпман не продвинулся ни на шаг.

Однажды он с ужасом уяснил, что если он хочет от девицы большего, то на ней следует жениться. В любое другое время и с другой девицей Скоробогатский плюнул бы на это, послав претендентку к черту. Но тут вдруг... задумался. Страсть снедала его, и о женитьбе на черноглазой дьяволице Лев Александрович задумывался все чаще и чаще. Эту дилемму он сейчас и решал, сидя за столом и ожидая ужин,

который должна была подать Лукерья, вот уже битый час возившаяся на кухне.

Наконец Скоробогатскому надоело сидеть. У него затекли ноги, да и выбор оказался совсем не таким простым, как ему показалось на первый взгляд. Нэпман встал и подошел к окну. Ночь была лунной. Яркая луна окрашивала в серебристый цвет и улицу за окном, и здание деревянного склада напротив. Лев Александрович залюбовался красивым пейзажем, как вдруг... не поверил своим глазам!

Амбарного замка на двери склада не было.

— Что за... — Скоробогатский моргнул, протер глаза, потряс головой, даже чертыхнулся, но это не помогло. Замка по-прежнему не было.

Сердце сжалось тревогой. Прильнув к окну, Лев Александрович вдруг увидел дужку замка, которая лежала на дороге, прямо на проезжей части. Она была перекушена.

Закричав не своим голосом, Скоробогатский бросился к двери, но выйти не успел. Дверь распахнулась, и на пороге появилась... Татьяна!

— Вы? — От удивления нэпман потерял дар речи.

Ничего не отвечая, девица толкнула его в грудь, заставив попятиться обратно в комнату. А следом за ней вошли четверо мужчин, вооруженных револьверами.

— Сейф придется открыть, дорогой, — сказала девица, усаживаясь на край стола и с невероятной наглостью откусывая сахарную булку.

Скоробогатский понял. Он издал дикий вопль и бросился на нее. В этом вопле было все: разочарование, злость, жадность, ненависть к грабителям... Но добраться до девицы он не успел — сопровождавшие ее мужчины схватили его и бросили лицом в пол. Возле своей головы он почувствовал дуло пистолета.

— Сейф придется открыть, старый потаскун, — даже с какой-то нежностью сказала девица, сползая со стола и осыпая сахарной пудрой с булки лежащего на полу Скоробогатского.

На лестнице слышались шаги Лукерьи.

— Алмазная, надо поторапливаться, — бросил кто-то из мужчин, и Лев Александрович тут же запомнил это имя.

— Старуху на склад уберите, — скомандовала девица. Кто-то из бандитов двинулся к двери. А она наступила ногой на спину Скоробогатского и ласково произнесла: — Либо ты сейчас сам встанешь и откроешь сейф, либо тебе прострелят колено, отрежут пальцы, и после этого ты уже сам сделаешь все, что угодно. Выбор за тобой.

— Ничего ты не получишь, шалава! — прохрипел нэпман, потеряв рассудок от ненависти и жадности.

— А как же любовь? — рассмеялась девица. — Ладно, вижу. Прошла любовь — завяли помидоры! Действуем, ребята!..

Для Володи Сосновского невыносимо было сидеть в тесной машине рядом с сыном Глафиры Черновой, от которого несло перегаром. Судя по запаху, этот тип пил не первый день. К счастью, от Южной до городского морга ехать было недолго, иначе Володя просто не выдержал бы. Он и так с трудом сдерживал рвотные позывы. А вот Петренко, как казалось, все было нипочем.

Володя вспомнил, как пытался Петренко допрашивать сына Черновой. Тот был явно с большого бодуна и соображал с трудом. Твердил одно: ничего не знает о делах матери. Когда видел ее в последний раз, и не помнит. С матерью были хорошие отношения. Деньги на выпивку он сам зарабатывал. А когда у нее были заработки, она ему подбрасывала. Так что ссориться было не из-за чего. Твердил одно и то же. Добиться чего-то другого от него было нельзя.

В морге при виде обезглавленного тела старой женщины на лице пьяницы не дрогнул ни один мускул. Заявил: может, она, а может, и не она.

— Ну ты посмотри повнимательней! — не выдержал Петренко. — Мать твоя все-таки! Ты бы вспомнил — шрам, может, какой был?

— На виске у нее шрам был, на голове, — вспомнил пьяница, но, в конце концов, все-таки ему удалось припомнить, что шрам от ожога был на лодыжке левой ноги.

Осмотрели ногу. На коже действительно обнаружился довольно большой шрам. Это была Глафира Чернова. Дав подписать нужные бумаги, пьяницу отпустили. Петренко и Сосновский с наслаждением покинули морг.

— Ты не спеши, — сказал Петренко, когда, пройдя Валиховский переулок, они вышли на оживленную улицу Пастера, которую Володя помнил еще Херсонской. — Есть кое-что... Хотелось бы, чтобы ты послушал.

— Что именно? — насторожился Сосновский.

— Ты про ограбления слышал? Нэпмана, который клад на Французском бульваре нашел и пытался на сожительницу спихнуть? Был застрелен при налете. Семейство спекулянтов Шиловских — тоже были застрелены. И наконец вчера ночью — налет на некоего Скоробогатского на Ближних Мельницах.

— Тоже застрелен? — поинтересовался Володя.

— Э, нет! В том-то и дело, что выжил. И очень интересные показания дает.

— Чем же интересные? — вдруг насторожился Сосновский, у которого неприятно засосало под ложечкой.

— Во всех этих налетах участвует одно и то же лицо! — сказал Петренко. — Это женщина, и, судя по тому, что я вычитал в полицейских архивах, личность в Одессе весьма известная...

— Женщина? — У Володи потемнело в глазах.

— Я бы хотел, чтобы ты послушал его.

— Не понимаю, зачем. Я тут при чем? — деланно рассердился Сосновский, у которого по-прежнему было темно в глазах. — По-твоему, я знаю всех воровок Одессы?

— А вдруг ты ее действительно знаешь? Если судить по полицейской хронике и по милицейским архивам, она начала промышлять еще во времена Мишки Япончика. А вдруг ты встречался с ней?

— Ладно, идем слушать, — решился Володя. — Куда идти? В Еврейскую больницу?

— А мы, собственно, уже пришли. Он здесь, в клинике при медицинском факультете университета, в хирургическом отделении. Усиленно охраняют этого золотого гуся! Как только поправится, на ныры пойдет, за свои нэпманские делишки ответит. За ним следили уже давно, только вот брать случая не доводилось. Теперь представился.

Скоробогатский лежал в отдельной палате, возле которой стоял солдат с винтовкой. Положение Льва Александровича было серьезно, даже высокопоставленные покровители не помогли. А потому ему оставалось лежать и сетовать на судьбу, надеясь, что выздоровеет он не очень скоро, потому что лежать в больнице было все-таки лучше, чем сидеть в тюрьме.

При виде входящих мужчин нэпман нахмурился. Петренко его уже измучил своими придирчивыми вопросами и явным недоверием, а тут еще какой-то второй.

— Вот, рекомендую, — следователь Петренко сделал шутовской жест рукой, — Лев Александрович Скоробогатский, бывший почетный гражданин Житомира, а ныне известный одесский махинатор и будущий почетный постоялец тюрьмы. Сидели бы вы в своем Житомире, Лев Александрович! И вам спокойнее было бы, и нам работы поменьше. Не то что теперь. У нашего афериста прострелено колено и отрезан мизинец на левой руке. Между прочим, кухонным ножом. Неприятно для афериста.

— Вину, между прочим, у нас признает суд, — зло отозвался грамотный Скоробогатский, — так что для вас я — пострадавший от рук бандитов! Вот так вы защищаете мирных граждан!

— А воровать надо было меньше, — добродушно улыбнулся Петренко, — тогда бы налетчики и не пришли.

Скоробогатский заскрипел зубами от злости и буркнул что-то неразборчивое.

— Ну ладно, — махнул рукой следователь, — расскажите-ка нам лучше, кто вас так!

— Мне сто раз говорить? — окрысился нэпман. — Бандитка эта ваша... Она!

— Назовите имя! — потребовал Петренко.

— Татьяна. А кличка — Алмазная.

На Володю было страшно смотреть. Но слава богу, никто и не смотрел.

— Это она стреляла в вас?

— Она самая! Бандиты держали, а она стреляла! Сука такая! — взвизгнул нэпман.

— А где вы с ней познакомились?

— В ресторане «Аккорд» на Дерибасовской. Но я же не знал, кто она такая! Просто не знал!

— Коммерческий ресторан «Аккорд», — пояснил Петренко Сосновскому, — там все зажиточные нэпманы собираются. Цены в нем еще те... На нашу с тобой зарплату не погуляешь! Девица, очевидно, в нем промышляет. Что, в доверие втерлась?

— Втерлась, — вздохнул Скоробогатский.

— А не заинтересовало ли вас, Лев Александрович, с какой стати молодая красивая женщина интересуется престарелым скупердяем? Да еще плешивым? — откровенно смеялся Петренко над пострадавшим нэпманом.

— Я не престарелый! — возмутился Лев Александрович.

— А какой? Вам, если я не ошибаюсь, 53 года уже стукнуло? И вы серьезно думали, что вы так интересны красивой тридцатилетней женщине? Ей, кстати, даже меньше тридцати. С чего же это вдруг? Какие причины так вами заинтересоваться? Не подумали? То-то же! Потому что на себя в зеркало надо смотреть и мозги иногда включать! А не думать, что плешивый старый хрыч интересен красотке Алмазной! — смеясь, Петренко обернулся к Володе. — Она ведь красотка, эта Алмазная, я уже об этом наслышан!

ГЛАВА 13

*Иногда мертвые воскресают.
Сомнения Володи Сосновского.
Рабочие фельетоны в редакции.
Разговор с Тучей*

— Он показания подписал, — отбросив шутовской тон, повернулся Петренко к Володе. — На сегодняшний день эти показания — самое важное, то, благодаря чему мы не просто сможем ее поймать, но и отправить в тюрьму на долгий срок! Этот тип — единственный, кто выжил. Поэтому он под охраной.

— Уж все подписал. А как поймаете... — нэпман издевательски фыркнул. — Известно, как. Все бандиты по городу как шастали, так и ходят. Ничего-то вы сделать не можете, сколько не хвалитесь!

— Ну, ты полегче на поворотах, герой-любовник, — рассердился Петренко, зло сверкнув глазами на Скоробогатского.

Тот довольно улыбнулся — как кот, наевшийся сливок. Ему было приятно, что слова эти задели следователя, который уже не первый день издевался над ним, как хотел.

— Вы уверены, что в вас стреляла именно женщина? — нахмурился Сосновский.

— Она самая! Как в таком ошибешься?

— Можете ее описать?

— Ну, молодая... Не старше тридцати. Красивая. Рост высокий. Глаза темные. Фигура... Хорошая такая фигура. Волосы коротко стриженные, по-мужски. И во время налета одета она была, как мужик — сапоги, штаны, кожаная тужурка. В «Аккорде» она по-другому одевалась.

— Как именно?

— Платья из панбархата. С хвостом и без. Красные.

— А шрам у нее на руке какой? — спросил Володя, и Петренко с интересом посмотрел на своего друга.

— Шрам? — удивился Скоробогатский. — Да нету у нее никакого шрама. Я бы заметил.

— Опишите мужчин.

— Ну, четверо их было. Обычные. Молодые. Высокие. А лиц не разглядел! Под фуражками, — было ясно, что все внимание пострадавшего нэпмана было

приковано к женщине, которая казалась ему самой опасной.

— Да, у нее кольцо на руке было! — вдруг вспомнил нэпман. — На правой руке, на безымянном пальце. С красным камушком.

Володя побледнел так заметно, что Петренко нахмурился. Но сделать ничего с собой Сосновский не мог. У Тани действительно было такое кольцо, и она носила его время от времени: тонкий золотой ободок с рубином. Это кольцо не было ни ворованным, ни подарком — Таня купила его в Ювелирторге за свои собственные деньги. Оно было для нее чем-то вроде талисмана. Больше всех камней Таня любила рубины. Володя помнил, как она рассказывала об этом, и видел кольцо. Он знал, что Таня всегда надевает его на палец, когда ей необходима удача.

— Вы уверены, что мужчины называли ее Алмазной? — Сосновский ничего не мог поделаться с собой, задавая этот вопрос. В глубине его души все еще теплилась убийственная надежда. Но ответ нэпмана развенчал все ожидания.

— Алмазная! Только так. Что я, псих, по-вашему?

Выйдя из больницы, Володя полной грудью вдохнул свежий воздух. Было очень холодно, как всегда бывает в начале весны, но он горел, как в лихорадке. За какие-то десять минут, проведенных в палате нэпмана, ему стало так жарко, словно его поджаривали на костре.

— Ты знал эту женщину, не так ли? — в лоб спросил Петренко, как только они вышли из больницы. Отпираться было бессмысленно — друг все читал на его лице, поэтому Сосновский сказал правду:

— Да, знал.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Мне нечего рассказывать, — Володя пожал плечами, — я думал, что эта женщина умерла. Для меня она умерла.

— Иногда мертвые воскресают. — Петренко не сводил с Сосновского пристального взгляда, словно пытаясь пригвоздить его к земле.

— Не так, — ответил Володя.

— Три налета — и куча трупов! Как это назвать? — Петренко все продолжал смотреть на него. — Есть специальная разработка по городу... И секретная инструкция. Вижу, молчишь. Ты знаешь. В случае чего стрелять на поражение. В виду большой опасности банды живыми можно не брать.

— Что тут скажешь... — Сосновский пожал плечами. — Думаю, они к этому готовы. Они ведь не в песочнице играют!

— Они готовы. А ты?

— Мне в редакцию пора, — Володя Сосновский отвел глаза. — Я обещал Ларисе несколько материалов вычитать и еще помочь с фельетоном.

— С каким еще фельетоном? — воскликнул Петренко.

— Про студента, — пожал плечами Сосновский.

— Что ты дурочку клеишь! — рассердился друг. — Ты будешь говорить или нет? Я думал, ты по дружбе мне расскажешь об этой Алмазной! А ты молчишь...

— Я думал, она умерла, — тупо повторил Володя, упорно отводя глаза в сторону.

— Твердишь одно и то же, как попугай! Еще друг называется.

— Мне нечего сказать. Ты извини. Если я опоздаю, Лариса будет сердиться, — Сосновский пошел, но вдруг обернулся. — У меня там, в редакции, старые записи есть. Я почитаю. Расскажу, если что.

— Ну, расскажи, расскажи... — беззлобно покачал головой Петренко.

Но Володя не услышал его. Он быстро шел по улице Пастера по направлению к Городскому саду, мучительно страдая от невозможности побыть наедине с собой.

Поднялся ветер. Он гнул голые зимние ветви, навевая тревожные мысли. По свинцовому небу плыли серые облака. Володе вдруг подумалось, что они выглядят так, словно сделаны из гранита. Словно это плывущие могильные плиты — над кем? Над чьей жизнью, над каким миром, изломанным и холодным, как голая ветка, качающаяся на беспросветном ветру в вечном холоде зимы и зла.

Возле Горсада, со стороны улицы Красной армии Володя нашел небольшую кофейню в подвале. Там было

тепло до вони и радовало отсутствие людей. Заказав кофе, Володя забился в угол, за самый дальний столик, чтобы попытаться из царства иллюзий вернуться в мир реальности. Удавалось ему это с трудом.

Официантка принесла водянистый кофе. Двигалась она с трудом, держалась за спину, а по ее обескровленному лицу время от времени пробежали гримасы боли. Володе вдруг почему-то подумалось, что она, наверное, сделала сегодня подпольный аборт.

Отставив чашку в сторону, он попытался как-то выстроить своим мысли в логическом порядке. Но никакого логического порядка не было. Его не могло существовать в этом мире, где все было перевернуто с ног на голову, и все было — вверх дном.

Таня. Глаза ее были похожи на кофе. Такие же маляще-сладкие и вдруг обжигающие горечью. А еще, как в хорошем, правильно приготовленном кофейном напитке, в них вспыхивали разноцветные огоньки, раскаленные искры, обжигающие до такой степени, что после них жить прежней жизнью было уже нельзя. Таня и не могла жить — никакой прежней жизнью. Да и нормальной — тоже. Он ведь знал это с самого начала, хотя и пытался обманывать столько лет. Только вот кого — ее или себя?

Когда-то это знание причиняло Сосновскому мучительную боль. По образованию он был юристом, и когда-то в университете прослушал курс криминологии, даже получил высший балл. И он прекрасно

знал эту истину: преступники, особенно удачливые преступники, живущие в мире криминала не один год, уже никогда не смогут жить обыкновенной жизнью, как все обычные люди. Жизнь обычных людей со всеми их радостями и заботами будет для них невыносимо скучна.

Невыносима настолько, что они ее уничтожат всеми правдами и неправдами. Поэтому вполне объяснимо и понятно было то, что происходило с Таней. Жить иначе она уже не могла.

Узнав, что Таня родила дочь, Володя мучительно страдал за бедную девочку, даже не зная о том, что это была его дочь. Он заранее представлял, во что может превратить жизнь ребенка такая мать. И в первое время даже надеялся, что материнство образумит Таню, что ради ребенка она пересилит свои собственные пороки. Но этого не произошло. Ребенок не изменил Таню.

И когда Бог распорядился совершенно другим образом, решив забрать от зла и падения этого маленького ангела, Володя не сомневался, что с такой матерью это будет лучше для всех.

Но рана в душе его была такой кровоточащей, так сильно изъела его сердце, стала такой не проходящей, не заживающей, что в пылу отчаяния Володя и крикнул в лицо Тане те страшные слова. Но только с той разницей, что обвинял не ее, а себя. За то, что позволил ей убить, сломать эту маленькую жизнь.

Первое время, узнав правду, Володя сходил с ума от ненависти. Он возненавидел Таню с какой-то страшной, просто животной силой! Наверное, он задушил бы ее, попадись она ему на пути.

Он ненавидел ее за то, что она не уберегла его дочь, за то, что лгала и не сказала ему правду, за то, что своим эгоизмом и безрассудством обрекла маленькую девочку на смерть. Володя не сомневался ни секунды, что именно образ жизни Тани, ее многочисленные грехи и стали причиной того, что произошло с их дочерью. Эта кара заслуженно обрушилась на Таню, она действительно заслужила ее.

Но больше всего Володя ненавидел ее за то, что ее образ, ее неповторимый и никогда не забываемый образ как кровотокающая татуировка был выжжен на его сердце. И убрать это клеймо оттуда он не мог, подобных способов просто не могло существовать.

И постепенно алая, полыхающая, кровавая ненависть сменилась удручающей, такой тягучей тоской, которая, как беспощадная петля, схватила, обвила, сжала его горло. И с этой петлей на шее, с этой тоской Володя больше не мог ни жить, ни дышать.

Потом, приложив нечеловеческие усилия, он смог вернуться к нормальной жизни. Но образ Тани остался в его сердце — точно так же, как и был.

Таня улыбалась посреди кровотокающего шрама на его сердце, все еще истекающего кровью. С той только разницей, что теперь Володя сжился с этими кап-

лями, знал их вкус, запах и цвет. Он привык жить посреди этого моря боли. Таня приходила к нему — время от времени, в снах, в минутных провалах в прошлое, во всем, что происходило с ним.

И вот теперь она снова вошла в его жизнь, вошла так же страшно, как всегда это происходило. И оставалось только привыкнуть к этой мысли, к тому, что это не сон.

Володя попытался разложить по полочкам известные ему факты. И так, Таня вновь вернулась в криминал. Сколотила банду. Даже после смерти Кагула сделать это ничего ей не стоило, ведь со времени ее последних подвигов прошло совсем мало времени, и авторитет ее был по-прежнему высок.

Банда собрана. Начались разбои. География их обширна: Французский бульвар, центр города — Ришельевская, Ближние Мельницы... То есть бандиты не были привязаны к одному определенному району, а действовали по всей Одессе. Для Тани это как раз характерно. Она любила рисковать.

Но... Володя вдруг понял, что это было за «но». И это вдруг обожгло его ужасным холодом. С самого начала, с самого допроса нэпмана его мучило чувство, что здесь, во всех этих историях, что-то было не так.

И вот теперь, раскладывая факты по полочкам, Володя понял, что именно было не так. Было нечто, не вписывающееся в общую схему и не похожее на все остальные дела Тани.

Это были трупы. Таня не убивала. Во-первых, она не умела стрелять, во-вторых, она никогда не брала в руки оружие, в-третьих, он просто не мог представить Таню в роли хладнокровной убийцы! Во время своих налетов Таня не убивала! Что же произошло?

Было странно и страшно. Может, она изменилась? Может, смерть Наташи сломала ее настолько, что она стала убивать людей? Может, она сошла с ума? Это было возможно, если учесть, в каком состоянии он видел ее тогда в инфекционной больнице. Может, рассудок так и не вернулся к ней?

Сосновскому стало страшно. Он все равно не мог представить Таню убийцей. И самым ужасным было то, что он никак не мог это объяснить.

Чувствуя, как от напряжения у него раскалывается голова, Володя расплатился за кофе, который так и не допил, и пошел к остановке трамвая, чтобы поехать в редакцию. По пути он думал о том, что вот сейчас займется статьями, и может, эта текущая работа немного отвлечет его от того кошмара, в который он снова попал.

Еще со вчерашнего вечера на его столе лежали три материала. Когда он присел, то увидел, что кто-то сверху положил и четвертый. На основе статьи из столичной газеты нужно было сделать фельетон для местной прессы.

История была такова. В начале 1929 года Одесскую кинофабрику переименовали в «Украинфильм». Съем-

ки шли полным ходом. Киносценаристами на студии работали Юрий Олеша, Исаак Бабель, Владимир Маяковский, Станислав Радзинский, Юрий Яновский, Николай Бажан.

В честь переименования кинофабрики было устроено торжество, на которое приехал нарком Луначарский вместе с супругой. Потом был подан обед. И вот на этом обеде на кинофабрике жена Луначарского появилась в бриллиантовом колье. В Одессе всегда знали толк в драгоценностях, поэтому тут же вычислили стоимость этого украшения. И об этом написали в газете. Прочитав, Луначарский тут же дал опровержение — мол, кольцо поддельное, стоит копейки, и не то время, чтобы жены большевиков щеголяли в бриллиантах.

Но тут уже возмутилась фирма, в которой и было куплено это кольцо в Москве. Она заявила, что существует с XIX века, поддельными драгоценностями не торговала никогда, кольцо настоящее, и купил его лично Луначарский. Также фирма приложила описание всех бриллиантов, которые вошли в кольцо, и полную стоимость всего изделия. Скандал разразился невероятный. Жене Луначарского от украшения пришлось избавиться, а московская «Правда» опубликовала фельетон под названием «Осторожней на аванпостах!». В фельетоне высмеивался «разврат» высокого руководителя. Заканчивалась она выводом: руководители партии в СССР в личной жизни должны быть безупречны.

Сосновский должен был переписать этот фельетон с «одесским колоритом» и, не указывая фамилии партийного бонзы, высмеять такой позорный и мещанский поступок.

Тяжело вздохнув, он решил оставить фельетон на потом — не до юмора ему было сейчас, когда душа рвалась на части. К тому же в поступке Луначарского Володя почему-то не усматривал ничего страшного. Ну подумаешь, подарил жене кольцо с бриллиантами — и что? Нэпманы ведут образ жизни и похлеще. Отложив в сторону «Правду», Сосновский задумался о том, какие странности и контрасты принесет этот 1929 год, который только начался.

В СССР не хватало продовольствия, и особенно хлеба. Солдаты с оружием пытались отнимать у крестьян зерно. Рассказывали — шепотом, тайком, — что произошло в одной деревне в бывшей Херсонской губернии.

Крестьяне отказались отдать зерно солдатам. Тогда те вызвали подкрепление, деревню окружили войска. Крестьяне заявили, что лишнего хлеба нет. Если они отдадут все, то сами умрут с голоду. Солдаты открыли огонь. Погибло большинство жителей деревни. После этого забрали все зерно, уцелевших жителей прогнали, а саму деревню сожгли.

Но о таком нельзя было писать. И нэпманы, и партийные руководители жили по принципу «сытый голодного не понимает». Они не понимали, что кому-то

может быть плохо. По их мнению, именно так и должен был строиться социализм.

Катастрофа с продовольствием постепенно затрагивала всю страну. Хлеб стали продавать только по продуктовым карточкам. Возле магазинов по утрам выстраивались очереди, а к обеду хлеба уже не было.

Больше всего страдали Одесская губерния, Херсонская, Волынская, Подольская, Черновицкая. В Киеве даже были хлебные забастовки на заводе «Большевик», карточная система не могла удовлетворить потребности населения в продовольствии. А покупать хлеб в нэпманских лавках по заоблачным ценам могли лишь немногие.

В Яновке, возле Одессы, начался бунт. Мужики пошли толпой требовать хлеба. Позвали также евреев, но те отказались идти. И тогда их начали бить. Так хлебный бунт закончился еврейским погромом.

Именно 1929 стал годом, когда были официально введены карточки на хлеб. Совнарком принял постановление о семичасовом рабочем дне и отменил шестидневку. Теперь суббота официально стала выходным днем — как и воскресенье.

Также в 1929 году началась повсеместная борьба с пьянством. А в каждом коллективе в обязательном порядке стали организовываться трудовые кружки, посвященные пропаганде борьбы со спиртными напитками. Даже в редакции, где работал Сосновский,

кто-то из профкома размахнулся и организовал кружок «Пьянству бой!».

Записались в него все. Первое заседание прошло очень весело. Присутствующие выкрикивали лозунги, вслух читали передовицы газет. Скинулись на членские взносы. А когда через час подустали, решили... сходить за водкой. На что и членские взносы пригодились — в полном объеме.

Несмотря на то что продажи алкоголя стремительно сокращались, водкой торговали из-под полы, и недостатка в спиртном никто не испытывал.

С января 1929 года начался бум на лозунги. Плакатами со всевозможными призывами обклеивались все стены в учреждениях. Они были самые разнообразные: УБЕЙ МУХУ. УВАЖАЙ В ЖЕНЩИНЕ РАБОТНИЦУ. РУКОПОЖАТИЯ ОТМЕНЯЮТСЯ. БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВХОДИТЬ. ГРАЖДАНЕ, УНИЧТОЖИМ ЧАЕВЫЕ — НАСЛЕДИЕ БУРЖУАЗНОГО ВАРВАРСТВА. ЕШЬ МЕДЛЕННО, ТЩАТЕЛЬНО ПЕРЕЖЕВЫВАЯ, ТЫ ПОМОГАЕШЬ ОБЩЕСТВУ. И тому подобное.

Володю страшно раздражали такие агитки. Но об этом нужно было молчать.

Чувствуя, что в мыслях вместо ожидаемого порядка отчетливо проявляется сумбур, Сосновский потянулся к следующему фельетону — про студента. История была следующей.

Жил-был один студент, который организовал артель по постройкам. Все знали, что он махинатор, но

доказать ничего не могли. Его даже выбрали в председатели жилкоопа, и сам управдом дрожал перед ним. Чтобы платить как можно меньше денег за коммунальные услуги, этот студент принес справку, что зарабатывает всего 30 рублей, вот с этой суммы и платил за воду, квартиру и электричество. В действительности же его жалованье составляло 200 рублей. А недавно выяснилось следующее. Студент обманывал рабочих артели. Нужно было платить 87 копеек в день, а он платил 35. При 200 — 300 рабочих он имел 40 — 50 рублей в день. Когда дело выяснилось, артель закрыли и пропечатали об этом в центральном журнале «Коммунальник». Но до суда дело не дошло.

Студент вернулся в вуз и как рабочий получил хлебную карточку. А правление дома выдало ему справку, что он малоимущий. Вместе с сестрой и матерью студент получал шесть фунтов черного хлеба, который менял потом на белый. И вот об этом надо было написать фельетон...

Схватившись за голову, Володя почти выбежал из редакции. Ноги сами понесли его в ресторан на Дебрибасовской.

Туча сидел в отдельном кабинете. Когда Сосновского привели к нему, он нахмурился.

— Зачем ты это допустил? — с порога накинулся на него Володя. — Почему она вернулась? Французский бульвар, Ришельевская, Ближние Мельницы... Ей все мало! Такой ты ей друг?!

— Потише, ты... — Туча недоуменно вытаращил на Сосновского глаза.

— Скажи ей, что вышел приказ стрелять на поражение. Ликвидировать банду Алмазной! Она этого добивается?

— За шо ты горло шкрябаешь? Да не знаю я ни за что! — На лице Тучи было искреннее удивление.

Володя заговорил. И рассказал обо всем, что знал.

— Я разберусь, — Туча сжал кулаки. — И если Алмазная за моей спиной... Разберусь. Не знал я об этом.

— Разберись, — Сосновский вышел из кабинета.

По мостовой ветер гнал сухие листья, оставшиеся еще с осени. Было совсем темно.

ГЛАВА 14

Подозрения Тучи. Самозванка.

Перестрелка на Южной.

Труп соседки. Снова союзники

Таня проснулась поздно. Сквозь неплотно задвинутую занавеску пробивалось яркое солнце — не привычное для зимнего дня. Она неловко повернулась и сразу почувствовала острую боль в шее. Застонав, перекатилась на другой бок. К счастью, шейные позвонки были не повреждены, лишь немного опухла гортань. Да ужасный фиолетово-багровый синяк должен был на долгое время стать ее украшением.

Ничего себе украшение... Таня поднялась с кровати, закуталась в теплую шаль и подошла к большому трюму. Так и есть. Вспухшая полоса на шее пере-

ливалась всеми цветами радуги. Угораздило ж ее, ничего тут не скажешь. Расстроившись вконец, она поплелась в ванную.

Пока Таня плескалась и приходила в себя, Оксана принесла завтрак и горячий чай. И, сев в кресло, дожидалась ее возвращения. Когда Таня вышла, то по лицу поняла, что произошло что-то неладное.

— Изя вчера расстроенный пришел, — начала, вздохнув, Оксана. — Поздно очень. Со мной даже не разговаривал. — Она всхлипнула. — Как тебя на берегу нашли, ходит сам не свой. Все на мне срывается, как будто я в чем виновата.

— Ни в чем ты не виновата, — устало сказала Таня, взяв чашку с чаем. — Время у него сложное. Проблем много. Ты не обращай внимания. Просто не реагируй. И все будет хорошо.

Оксана еще немного пожаловалась на судьбу, потом ушла. А Таня забралась обратно в кровать, закуталась в одеяло и задумалась.

Вот уже вторые сутки она находилась на вилле Тучи. Жизнь ее спасла, можно сказать, одна небольшая случайность — тогда, до нападения, гуляя по берегу моря, Таня действительно не ошиблась: Туча очень переживал, как она воспримет его рассказ о Володе, и втихаря послал следом за ней своего человека. Бедный Туча подумал, что из-за жестокости Сосновского Таня пойдет топиться.

В обычных обстоятельствах она только посмеялась бы этому, а может, и рассердилась. Но в этот раз предусмотрительность Тучи спасла ее жизнь.

Следящий за Таней отвлекся буквально на минутку, а вновь сосредоточившись, вдруг увидел, что его подопечная исчезла. Он бросился по ее следам и обнаружил Таню лежащей на песке, в то время, как какой-то человек в черном плаще пытался задушить ее, обмотав веревкой за шею.

Охранник, не долго раздумывая, выстрелил, но, во-первых, расстояние было слишком большим, а во-вторых, под ногами его был осыпавшийся песок, поэтому он промахнулся. Но звука выстрела было достаточно, чтобы спугнуть убийцу. Он бросился бежать. Догонять его было бессмысленно, и охранник рванул к Тане. Она была без сознания, но еще жива. На шее была веревочная петля. Охранник отнес Таню обратно на виллу и поднял тревогу. Туча моментально послал людей на поиск убийцы, но это ни к чему не привело — он исчез.

Снова был вызван доктор. Слава богу, на этот раз прогноз был обнадеживающий — позвонки не были задеты, и в общем, ничего страшного для Тани не произошло, а синяк на шее она вполне могла пережить. Так, во всяком случае, подумал Туча.

Очнулась Таня испуганной и расстроенной. Она почти ничего не видела и мало что помнила. Все, что могла рассказать — только то, что гуляла по берегу,

и вдруг на нее кто-то набросился сзади и накинул ей на шею веревку. Она пыталась бороться, но не видела, с кем. Преимущество было на стороне того, кто скрывался за спиной. Больше Таня ничего не помнила.

Туча не на шутку был встревожен этим происшествием. Нападение, да еще поблизости от его дома, было сигналом. Судя по силе, с которой убийца затягивал веревку, в намерениях его было только одно — убить жертву.

Доктор уколол Тане снотворное, и она заснула. Так было лучше для всех. А тем временем Туча собрал экстренное совещание своих людей, однако не узнал ничего нового.

На второй день Тане стало намного лучше, она почти окончательно пришла в себя, но Туча все-таки не отпустил ее с виллы. Да она и сама не очень рвалась уйти.

Сидя в кровати, кутаясь в одеяло, Таня подтянула колени к груди — была у нее такая привычка, когда она начинала размышлять о проблемах, — и принялась обдумывать ситуацию.

Ее пытались убить. Кто мог это сделать? И, главное, зачем? После смерти Наташи она ушла из криминального мира. Для нее страшно было даже представить, что она вновь будет заниматься тем, чем занималась когда-то. Мир налетов и бандитизма начал внушать ей непередаваемый ужас, и Таня понимала, что больше уже не сможет вернуться к прошлой

жизни. К тому же она испытывала страшные угрызения совести и только себя винила в смерти Наташи.

Банда Кагула распалась: кто-то ушел из криминала и навсегда уехал из Одессы, кто-то влился в другие банду, кто-то попал в тюрьму. Был даже один убитый — в ночной перестрелке с милицией. Те, кто хотели продолжать заниматься тем, чем занимались, давно нашли себе других главарей. Что им до Алмазной? Они были заняты собой.

По опыту Таня знала, что уголовники — это худшие друзья. Они с тобой, пока им тепло или выгодно. Но стоит ситуации измениться, и они бросят или предадут. Поэтому Таня так ценила такое исключение, как дружба с Тучей.

В уголовном мире это было большой редкостью, ведь большинство бандитов всегда жили животными инстинктами, и в их жизнях не было никаких других понятий, кроме собственной наживы и выгоды.

Так что со стороны бывшей банды Кагула угрозы не было. Кому же могла понадобиться ее смерть? Помимо ее воли, Таню настойчиво преследовала одна мысль, и она никак не могла избавиться от нее, как ни пыталась: а что, если это Володя решил ее убить? Напал сам или заказал ее убийство?

Она прекрасно понимала, что Володя ее ненавидит. Ненависть — это единственное чувство, которое он может к ней испытывать. Он винил ее в смерти своей дочери. А еще винил в том, что она не сказала

про дочь. Да, он мог принять такое решение: нанять кого-нибудь, чтобы покарать ее самостоятельно. При всей бредовости этой мысли Таня все же не думала, что Володя сам душил ее за шею, на него это было не похоже.

Неужели Сосновский все-таки решился ее убить? Тане было горько думать об этом. Да, раньше он не был убийцей, но люди ведь меняются. Причем, как правило, всегда в худшую сторону...

И только один факт опровергал мысль о том, что это Володя пытался ее убить, и это придавало Тане оптимизма и мужества. А факт был такой: ее пытались задушить веревкой — точно так же, как убили Аарона Нудельмана!

А значит, эти нападения были связаны между собой. Возможно, Таню выследил настоящий убийца. Он видел, как она была в синагоге, говорила с раввином, и мог довести до Южной. А значит, Таня, сама того не подозревая, раскопала что-то очень важное, что серьезно насторожило убийцу.

Что же это такое, что она сделала? Таня недоумевала. Но только теперь ситуация становилась действительно опасной. Тот, кто пытался убить однажды, обязательно повторит свою попытку во второй раз.

Скрипнула, открываясь, дверь, и на пороге появился Туча. Глянув на лицо своего друга, Таня вздрогнула. Более мрачного лица она не видела у него ни

разу! Это было страшно... Не сдержавшись, Таня воскликнула:

— Что с тобой?

— Вот ты за то мне и скажи, — хмуро, глухо отозвался Туча, подвигая кресло к Таниной кровати и грузно усаживаясь в него.

— Что стряслось? На тебе просто лица нет! — продолжала волноваться Таня.

— А у тебя? До тебя есть лицо? — переспросил Туча.

— Туча, ты о чем? — Таня не на шутку перепугалась. — Я не понимаю! Что произошло?

— Как ты так поступить за меня могла? Три подряд мокрухи! Три! Почему ты не сказала, шо хочешь до назад? — закричал Туча.

— Какие мокрухи?! — Голос Тани сел. — Что происходит? Туча! Говори!

— Французский бульвар — сука нэпман, за раз, — он начал загибать пальцы. — На Ришельевской поляк этот, швицер прикоцанный, — два. И этот гад, шо народ баламутил, с Житомира, до Ближних Мельницах, — три. Допустим, лады, они гуси жирные, позолоченные. Но зачем мочить?!

— Мочить? Там были налеты? А при чем тут я? — Таня уставилась на него, ничего не понимая.

— Тю! Та весь город гутарит, шо ты за то сделала! — воскликнул Туча. — Алмазная и Алмазная! — Тяжело вздохнув, он рассказал Тане все.

К концу его рассказа она сидела белая как мел.

— Туча, я не знаю, что сделать, чтобы ты мне поверил... Жизнью своей клянусь! Но это не я. Я ни при чем... Ты же знать должен... Ты сам понимаешь, от чего ты меня спас... Я смерти хотела... Да я и была там, совсем рядом со смертью... Ты меня из ее когтей вытащил... Неужели ты подумал, что я могу в такое вернуться?! Жизнью тебе клянусь — это не я.

— Да я и сам кумекал, шо не до того тебе, — признался Туча. — Не пойдешь ты в налет. Но город же гудит!..

— И людей мне не собрать, — продолжала, словно не слыша его, Таня. — Нет больше банды Кагула, ты знаешь. По другим прибились. За других людей работают, кто где. Да и не пойдут они за мной... Я потеряла в их глазах силу. Нет меня, совсем нету больше... За кем теперь идти?..

— Ты да. Я и сам за то знаю, — Туча кивнул. — Но как же так вышло, а?

— Кто-то действует под моим именем. Это единственное, что приходит мне в голову, — с печалью проговорила Таня. — Кто-то из марух решил заграбастать славу Алмазной. Марвихерши хреновы... Дуры деревенские! Кто-то сколотил себе народ да назвался мной. Вот тебе и вся правда.

— А ведь это плохо для тебя, — Туча с участием посмотрел на Таню. — За то тебя искать будут. И найдут, рано или поздно. А шо тогда? Никто ж не поверит, шо ты больше не при делах!

— Надо остановить эту тварь! — Таня сжала кулаки. — Надо показать, как воровать мое имя!

— А знаешь, я тут кое-что вспомнил, — прищурившись, Туча посмотрел на нее. — Слышал в детстве. Если у человека крадут имя, у него крадут и душу. Кто-то хочет украсть твою душу, Алмазная.

— Мою душу... Да я и так готова ее отдать, — с горечью сказала Таня, — нет души, Туча. Нет больше души. А вот жизнь — есть. И украсть свою жизнь я не дам.

— За что теперь делать? — вздохнул он.

— Прежде всего я тебе должна доказать, что я ни при чем!

— Да верю я тебе! Не за то речь... Верю, — сказал Туча, как припечатал. — Но по городу слухи страшные ходят. И этот, кстати, твой до меня прибежал.

— Кто прибежал? — не поняла Таня.

— Этот твой. Бывший князь. Он теперь до новой газеты работает, «Знамя коммунизма», — Туча засмеялся. — Писульки пишет, за криминал. И до него дошли слухи за то, что по городу злобствует банда Алмазной. Он до меня прибежал, в ресторан на Дерибасовской, как, мол, я допустил, как тебя не прижал! Страдает за тебя, видать, очень. Боится, шо тебя прихлопнут. Уже и приказ вышел — стрелять на поражение.

— Вот и здорово! — мрачно сказала Таня. — Пусть эту суку прихлопнут!

— Пусть, — согласился Туча. — Но до того может и не дойти. Если, окромя стрельбы, по облавам

устроят да такой гембель по городу развезят, шо мама не горюй! А под облаву, ты сама знаешь, любой швицер задохлый может попасться! И такого навесят!

— Это я знаю. Странно, что Сосновский до тебя прибежал. Не думала, — усмехнулась Таня.

— А знаешь, шо я скажу... Когда так за человека взводятся та горло рвут, значит, совсем не байдужий, ну вот ни в капельку! Либо втюрился, либо не растюрился. За третьего — нет. Так шо до тебя по-прежнему у этого швицера интерес имеется! Вот зацепился за тебя, шо твой конь в пальте!

— Брось, Туча... Какой там интерес! — махнула рукой Таня. — Не до того мне сейчас! Тут такое на голову зашкандобилось, аж гланды чуть не вылетели! — вдруг выдала она.

И Туча рассмеялся, мрачные краски исчезли с его лица. Таня вздохнула с облегчением. Ей было приятно, что друг поверил в ее невиновность. Но сама ситуация внушала серьезные опасения.

Успокоившись, Туча ушел, а Таня вдруг похолодела от следующей мысли: что, если раввин подозревал в похищении меноры именно ее? Что, если он уже знал о страшных налетах Алмазной по городу? И решил, что виновата она, Таня?

А ведь это похоже на правду. Раввин оставил ее в гостинной специально и хотел, чтобы она присутствовала при разговоре — потому, что уже слышал о налетах банды Алмазной. И решил, что мимо мено-

ры из белого золота такая алчная тварь, как она, просто не может пройти. Возможно, он хотел посмотреть на Таню, увидеть ее реакцию. А может, надеялся, что она себя выдаст. Так или иначе, он ей не доверял, понимала Таня, и считал причастной к ограблению, к похищению меноры, а может, и к убийству старика Нудельмана. Конечно, у него не было никаких оснований так думать! Но само подозрение было ужасно.

Только теперь она начала осознавать, какую беду может принести ей история с этой самозванкой. А значит, нужно принимать меры.

Таня рывком поднялась с кровати и принялась одеваться. Она снова решила пойти на Южную, чтобы допросить всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к Глафире Черновой, кто хоть что-то знает о ее исчезновении, чтобы разговорить этого кого-то любой ценой. Ей хотелось действовать. Для нее больше невыносимо было сидеть вот так, в безопасности, в полном бездействии. Таня вновь должна была взять в свои руки собственную судьбу.

Южная была пустынной. Толстый рыжий кот, коренной житель Молдаванки, недовольно зыркнул на Таню, скосив невероятно яркий зеленый глаз, и на всякий случай не торопясь пролез в щель под забором. Где-то вдалеке прогрехотала какая-то повозка.

В этот предзакатный час, когда длинные тени близкого вечера уже падали на покатые крыши старых домов,

улица показалась Тане хищным зверем, застывшим перед прыжком. Вроде все тихо, зверь замер — но вот уже в воздухе яростно сверкают острые зубы и окровавленные кинжалы — когти. Ее пугала эти ощущения стороннего наблюдателя, но сейчас улица казалась именно такой.

Хуже всего была застывшая тишина — от нее не знаешь, чего ждать. Может случиться все, что угодно. Спокойная тишина — всего лишь занавес, который может быть отдернут в любую минуту. И видеть этот занавес, чувствовать, что он просто перед тобой — очень страшно.

Таня нерешительно потопталась на месте, ощущая, как в глубине души нарастает что-то очень неприятное, необъяснимое. Затем она выдохнула — для остротки — и шагнула вперед.

Таня чувствовала, что предстоит какая-то схватка, но не в ее правилах было уклоняться. Поэтому она, распрямив худенькие плечи, решительно двинулась навстречу цели.

Идти было недалеко. Нужная ей квартира находилась на первом этаже. Таня толкнула тяжелую дверь парадной, слабо освещенной полуразбитым окном над лестничным пролетом. Пахло крысами и мышами, как во всех старых домах на Молдаванке, но было относительно чисто. А ступеньки высокой, крутой лестницы оказались мраморными.

Квартира № 2 находилась сразу налево от входа. На стене было три звонка: Чернова Г., Чернов Ф., Зем-

лянская С. Таня нажала звонок под табличкой «Чернова Г.». Внутри квартиры раздалось дребезжание, а затем послышался слабый шум и стук — так, будто переставляли мебель. Это прозвучало обнадеживающе. Честно сказать, Таня не знала, что говорить, поэтому решила действовать по обстановке, в зависимости от того, кто откроет дверь.

Шум усилился. Вдруг с той стороны чем-то стукнули в дверь. Вот это было уже странно. А дальше произошло совсем невообразимое: Таню сзади с силой схватили сильные мужские руки и бросили прямо на ступеньки лестницы. И в этот самый момент из-за двери квартиры прозвучали выстрелы — один, второй, третий... Пули ударили в противоположную стену, сбив с них штукатурку.

Мужчина, который отбросил Таню от двери и тем самым спас ей жизнь, выстрелил из пистолета в дверь квартиры. Потом он бернулся к Тане. И она едва сдержала крик: перед ней был Володя Сосновский...

Жестом он показал, что она должна молчать. Из-за двери снова выстрелили. Володя, поднявшись, прижался к стене. Пули его не задели. В этот раз выстрелили дважды. Сосновский снова выстрелил в дверь, выбив целый фонтан деревянных щепок. Внутри послышался шум. А потом выстрелы стихли...

Двигаясь вдоль стены, Володя добрался до лестницы и сел рядом с Таней, которая, дрожа, примостилась на холодной ступеньке.

— Какого черта ты здесь делаешь? — зашипел он сразу.

— Ищу Глафиру Чернову, — прямо ответила Таня, слишком перепуганная и потрясенная, чтобы изворачиваться и что-то выдумывать.

— У тебя есть оружие? — Сосновский бросил на нее странный взгляд.

— Оружие? Ты шутишь? Откуда? — Таня ответила ему таким же странным взглядом. — Ты же знаешь, что я ненавижу оружие. Я и стрелять не умею...

— Правда не умеешь? — В словах Володи вдруг зазвучала странная, непонятная ей горечь.

— Что с тобой? Ты забыл мои привычки? — в тон ему ответила Таня.

— Странно... — Сосновский прислушался. — Похоже, все стихло. Зачем ты полезла в это осиное гнездо?

— А ты? — Таня смотрела на него прямо, в упор.

— Глафира Чернова мертва, — Володя выдержал ее взгляд. — Труп нашли на стройке селекционного института возле Ивановского переулка.

— Как она умерла? — Похоже, Таня не удивилась.

— Ей отрезали голову, — жестко произнес Володя. Таня вздрогнула. Разговор продавщицы и ее подруги в магазине сразу всплыл из памяти. Неужели они говорили об этом? Странно, девушка, о которой они упоминали, вроде была молода. А Глафира Чернова — женщина в возрасте. Надо бы уточнить...

— Ты теперь в милиции работаешь? — нахмурилась Таня.

— Нет. По-прежнему в газете. «Знамя коммунизма» называется. — Сосновский криво усмехнулся. — Просто есть одно расследование. Им я и занимаюсь. Ладно потом расскажу.

«Потом расскажу», — все внутри Тани вдруг сладко замерло и... рухнуло. Неужели на нее так подействовало это завуалированное обещание Володи снова встретиться с ней?

— Мы должны проникнуть в квартиру, — Сосновский прервал поток ее мыслей.

— Нас перестреляют, — Таня покачала головой, — мы не знаем ни кто они, ни сколько их.

— Не перестреляют. Похоже, там никого нет. Первый этаж. Можно уйти через окно.

— Откуда у тебя оружие? — спросила Таня вдруг.

— Взял у друга, — коротко ответил Володя и искаса посмотрел на нее. К счастью, она была слишком потрясена, чтобы выяснять хоть что-то о его друзьях.

В этот момент оба почувствовали какой-то сильный, едкий запах. А из щелей и дыр разбитой двери стали просачиваться клочья дыма.

— Они подожгли квартиру! — закричал Сосновский, вскакивая на ноги, и принялся стрелять в замок. Выстрелов в ответ не последовало. Поджог квартиры действительно означал, что тех, кто стрелял в них, уже там нет.

Сбив замок ударом ноги, Володя распахнул дверь и бросился вперед. Таня побежала за ним.

Внутри все было затянуто дымом. Он стелился из комнаты прямо по коридору, дверь в которую была распахнута. Володя и Таня рванули вперед.

Посреди комнаты бушевал пожар. Тот, кто отстреливался, поджег какие-то книги, газеты, свалив все это прямо на пол.

— Срывай шторы, сбивай огонь! — закричал Сосновский.

Они сорвали с окон тяжелые портьеры, вместе с тканью вырвав карнизы прямо с креплениями, и принялись сбивать пламя. Таня задыхалась, по лицу ее текли слезы. Загорелся подол юбки. Володя изо всех сил начал бить ее по ногам. Таня упала, ударившись о какую-то мебель, но огонь погас. Снова поднявшись, она бросилась на пламя.

Наконец пожар был потушен. Оба были измазаны сажей и покрыты копотью, оба дышали с трудом. Двигаясь как в полусне, Володя подошел к окнам и распахнул их, сбив вазоны с цветами. Перегнувшись через подоконник, он страшно закашлялся. Увидев графин похоже с водой, Таня быстро схватила его, плеснула жидкость в стакан. Руки ее дрожали от пережитого напряжения. Володя жадно, в два глотка, выпил воду, и кашель прекратился.

— Идем, — повернулся он к ней, — надо посмотреть, не подожгли ли они всю квартиру.

— Зачем они это сделали? — не понимала Таня.

— Наверняка хотели что-то скрыть. Вот мы и должны выяснить что.

Таня прошла по комнате, аккуратно обходя еще тлеющую кучу горелой бумаги посередине, и вдруг заметила, что шкаф немного отодвинут от стены. Она заглянула туда. Резкий крик вырвался помимо ее воли — и это несмотря на то, что она в своей жизни достаточно видела смертей. Володя бросился к Тане.

За отодвинутым от стены шкафом в луже еще свежей крови лежал труп пожилой женщины. На ней был длинный халат из ярко-алого плюша, отороченный мехом. На ногах — черные кожаные тапочки. Серые волосы женщины были закручены на бумажные папилютки, а на лице толстым слоем блестел крем.

Судя по лицу женщины, ей было между 50 и 60 годами. В широко раскрытых глазах застыл ужас. Горло ее было глубоко перерезано — буквально от уха до уха. Из страшной раны вытекло очень много крови. Труп лежал на спине, неестественно прямо вытянув руки и ноги. Создавалось впечатление, что его специально так уложили.

— Подожгли, чтобы скрыть тело, — мрачно прокомментировал Володя, — рассудили, что дом старый, камышовые перекрытия... Вспыхнет, как спичка! А потом уже никто не будет разбираться.

— Но мы же были под дверью... — засомневалась Таня.

— Наверняка решили, что мы побежали за подмогой. Они ведь явно слышали, что стрелял только один человек. Подумали — один не сунется. Задержись мы хоть немного, и дом действительно бы вспыхнул, а их расчеты оправдались бы. Вспомни, как тут все горело, когда мы вошли.

— Кто эта женщина? — спросила Таня.

— Скорей всего соседка Черновой, Софья Землянская, — ответил Володя. — Та самая, которая заявила об исчезновении подруги! Кстати, непонятно, где сын Черновой.

Они быстро прошлись по квартире. Все комнаты были открыты, а внутри никого не было.

— Надо уходить, — сказал Володя, когда они вновь вернулись в комнату, где был пожар. — Выстрелы наверняка привлекли внимание, и сюда уже едет наряд милиции.

— Да, лучше с ними не встречаться, — вздохнула Таня, — мы же ничего не объясним.

— Идем, — Сосновский схватил ее за руку.

В этот момент раздался трезвон в дверь. Володя быстро выпрыгнул в окно и помог выбраться Тане. Вместе они ринулись вниз по Южной.

ГЛАВА 15

*Откровенный разговор.
Ненависть к ресторану «Парус».
Сотрудник ГПУ Сандольский.
Банкет в «Парусе»*

Остановились отдышаться, только когда Южная была уже далеко. Оба, и Володя и Таня, представляли собой печальное зрелище — перепачканные сажей, в обугленной одежде. Юбка Тани вообще выглядела ужасно.

— В таком виде мы не можем ходить по улицам! — рассмеялся Сосновский. — Нас арестуют, причем обоих. А тебе это совсем ни к чему.

— Ты о чем? — насторожилась Таня.

— Да так, просто... — он отвел глаза в сторону.

— Мне, конечно, все равно, что ты обо мне думаешь, — с достоинством произнесла Таня, прекрасно понимая мысли Володи, ведь она всегда умела их читать. — Но давай сразу расставим все точки над «і». Я больше не занимаюсь криминалом. Я ушла из этого мира, ушла навсегда. А то, что ты слышал... Под моим именем действует самозванка. И я очень заинтересована в том, чтобы ее найти.

— Что ты такое говоришь? — Сосновский как-то по-бабьи всплеснул руками, но на его лице вдруг проступило ярко выраженное облегчение.

— То, что ты хотел услышать, — усмехнулась Таня. — Я ведь прекрасно поняла твои вопросы про оружие. И ты так доблестно спасал меня от милиции! Ну прямо настоящий рыцарь. А ведь на самом-то деле ты думал, что я стала убийцей и снова вернулась к налетам.

— Я так не думал... — запротестовал было Володя, но быстро замолчал — лгать Тане он не умел. Да это было и бессмысленно, все равно она чувствовала правду.

— Конечно думал, — вновь усмехнулась Таня. — Так вот, спешу тебя разочаровать. Это не я. Я не знаю, кто она такая, но я ее найду. Вот увидишь.

— Я рад, — искренне сказал Сосновский, — я боюсь.

— Знаю, — Таня кивнула, — так боялся, что с легкостью в это поверил. Но теперь можешь больше не

бояться. С криминалом покончено. Алмазная навсегда в прошлом.

— Что же ты делаешь сейчас? — вырвалось у Володи.

— Сейчас я помогаю в расследовании своему другу, — ответила Таня.

Сосновский молчал. Он пытался до конца поверить в то, что она сказала, и осознать это.

— Идем, — Таня решительно повела его по улицам.

— Куда мы? — Было понятно, что Володя спросил просто так, ему было все равно, куда идти, лишь бы с ней.

— Ко мне, — улыбнулась Таня, — я получила комнату. Разве ты забыл, что я вдова героического чекиста?

Начинало темнеть, и в темноте они без труда добрались до нужного дома. К счастью, соседей в коридоре не было.

— Мужской одежды у меня нет, — вслух размышляла Таня, отправляя Володю в ванную, — ну, могу выделить тебе роскошный буржуйский халат. От прежней жизни остался.

Был тот редкий вечер, когда в квартире стояла удивительная тишина. Даже соседка Тани Изольда куда-то исчезла, на ее двери висел замок. Таня подумала, что она осталась ночевать у какой-то из своих подруг, что иногда делала. Честно сказать, сейчас это было Тане лишь на руку.

— Хорошая комната, — сказал Володя, когда Таня вернулась, неся в одной руке кипящий чайник, а в дру-

гой тарелку с бутербродами, — и колбаса нэпманская! Кто помог получить ее? Впрочем, можешь не говорить. И так понятно.

— Ну да. Туча, мой единственный друг, — ответила Таня, наливая Сосновскому чай.

В ее халате, с мокрыми волосами он выглядел так по-домашнему, что у нее защемило сердце. Зачем она привела его к себе домой? Этого Таня уже не смогла понять. Просто так получилось, все произошло само собой, так, как и должно было произойти... И она предпочитала не думать об этом, воспринимая случившееся как должное.

— Тебе не кажется, что нам надо поговорить? — спросил Володя, когда с чаем и бутербродами было покончено.

Таня с тоской отвернулась к окну. Поговорить... В этом был весь он! Говорить, выяснять отношения, разбирать по полочкам, делать выводы, оправдывать или обвинять... Зачем? Зачем все это выяснение обстоятельств и отношений, когда судьба так неожиданно столкнула их, и Таня, наверное, впервые в жизни смогла заговорить с ним без мучительных страстей, в кровавые ошметки разодравших всю ее душу? Почему бы не посидеть просто так, вдвоем, в тишине, в этом тепле, просто как два человека, потерявшихся в жестоком, безграничном мире, а потом случайно встретивших друг друга?

Но нет... Сосновский никогда не понимал тишины. Ему всегда нужно было говорить, выяснять... Слова, слова, слова... Таня вдруг поймала себя на том, что ненавидит слова, эти безмозглые инструменты, порой так глупо и несправедливо калечащие людские судьбы.

— Нет, — Таня сидела все еще отвернувшись, — говорить я не хочу.

— Ты не поняла, — в голосе Володи прозвучало какое-то неожиданное спокойствие, — поговорить не о нас с тобой. А о том, что происходит.

— Я поняла, — не оборачиваясь, Таня продолжала смотреть в темное стекло, — нас с тобой не существует.

Сосновский замолчал. Тишина вдруг стала как слоеный пирог. И в каждом слое были скрыты тайные пути для тех слов, которые никогда уже не выйдут наружу.

Тане это показалось странным. Слишком уж не похоже на Володю! Поэтому она с удивлением обернулась. Зрелище, открывшееся ее глазам, заставило ее на мгновение потерять дар речи.

Володя все так же неподвижно сидел за столом. А вот по его руке... По своей правой руке он катал лунный камень, круглый камень, такой же, какой Таня видела на рисунке меноры! Камень перекатывался по ладони Сосновского, легко скользил по его кисти, сверкая в свете лампы под цветастым абажуром...

— Откуда это у тебя? — воскликнула она.

— Я догадывался, что ты знаешь, что это такое, — улыбнулся Володя. — Хотя признаюсь честно, блефовал.

— Кто дал это тебе? — Таня не могла отвести взгляда от камня.

— Хозяйка борделя мадам Зоя. А ей дал один старый человек, который потом был убит, — ответил Сосновский.

— Аарон Нудельман, — выдохнула Таня.

— Не сомневался, что ты связана именно с этим делом, — лицо Володи стало серьезным. — Туча ищет убийцу старика Нудельмана?

— Вместо Тучи ищу я, — сказала Таня, — но этот камень...

— У меня и второй есть, — усмехнулся Володя, — нашел у убитой проститутки, которой, кстати, отрезали голову точно так же, как и Глафире Черновой. А вот старик Нудельман сохранил свою голову на плечах...

— Ты прав, — кивнула Таня. — Давай поговорим. Ты знаешь про эти убийства, а я знаю, откуда камень. Мы можем раскрыть карты.

— Но с одним условием, — Володя выдержал ее взгляд. — В этом деле мы будем теперь сообща. То есть заодно. Союзниками.

— Это понятно, — Таня кивнула, — и я согласна. Но зачем тебе это?

— Я хочу узнать всю историю. Мне теперь уже из нее не уйти. Охотничий азарт, если хочешь. Да и мадам Зоя обратилась ко мне за помощью. А вот кто обратился за помощью к Туче?

— Раввин, — коротко ответила Таня.

— Да, дело серьезное, — Володя присвистнул. — Что ж, будем говорить.

— Значит, проститутка Светулик замешана в краже меноры, — нахмурилась Таня. — Конечно, даже не подозревая, что это такое. Но для какого-то мужчины она была готова участвовать в краже. Очевидно, Глафира Чернова узнала, кто украл менору, если она убирала в синагоге.

— А Нудельман знал этого человека. И знал, что это клиент или любовник проститутки Иванько, — добавил Володя. — Поэтому он прямо пошел в заведение.

— Мы должны выяснить, кто этот мужчина, кто был любовником этой проститутки, ради кого она решилась на кражу! — воскликнула Таня. — Надо еще раз поговорить с мадам Зоей, с подругами девицы по заведению, с квартирной хозяйкой, в конце концов. Они должны хоть что-нибудь знать. Деревенские девицы болтливы. Похоже, это наш единственный след. Правда... — запнулась она, — есть еще один...

— Какой? — оживился Володя.

— Чубаевка, — вздохнула Таня. — Какого черта Нудельмана понесло туда? И главный вопрос: у него была с собой менора или нет?

— Это непонятно, — Володя нахмурился, помолчал. — А меня смущает способ убийства. Он другой. Не такой, как в случае с проституткой и Черновой. Да и соседка Черновой по коммуналке, Землянская, была убита почти так же. Ей пытались отрезать голову, но не успели. Надрез был такой глубокий, что голову вполне можно было отделить от шеи. Мы вспугнули убийцу, поэтому он не успел. И еще один важный момент. Убийца был не один. Судя по выстрелам, в квартире было несколько человек. Во всяком случае мне так показалось. А значит, у убийцы есть сообщники. Но вот способ убийства...

— Да, меня это тоже смущает, — ответила Таня. — Почему убийца отрезает головы только женщинам? Хотя... Меня ведь пытались задушить. Может, способ убийства не зависит от пола жертвы?

— Тогда это не серийный убийца, не сумасшедший, — убежденно сказал Володя. — Это ритуал... Да, отрезанные головы — какой-то ритуал. Хотелось бы понять какой...

— Из каббалы, — четко произнесла Таня, — ключ в этом. Но информации пока слишком мало. Еще один момент есть... Все эти убийства как-то связаны с самозванкой, действующей под моим именем.

— Что за связь, с чего ты взяла? — удивился Володя. — Есть факты?

— Фактов нет, — покачала Таня головой. — И логической связи нет тоже. Но я чувствую, что это

так. Раввин подозревал меня — что я связана с налетами, поэтому он заставил меня присутствовать при разговоре с Тучей. Я не могу это обосновать, но это так.

— Тогда ты должна поговорить с раввином, — пожал плечами Володя. — А что еще?

— Бесполезно, — Таня покачала головой, — он не такой простой человек. Он не будет разговаривать. Тут надо с другой стороны подходить. Может, тогда все станет понятно.

— Я бы все-таки попытался поговорить... — настаивал Сосновский.

— Он с трудом идет на контакт, хоть сам и попросил нас о помощи, — ответила Таня.

Между тем часы на стенке пробили одиннадцать.

— Я пойду, — вдруг резко засуетился Володя. — Я не думал, что так поздно...

— Да, время летит быстро, когда... — Таня резко оборвала фразу.

Сосновский ушел за ширму и стал переодеваться в свою одежду, все еще пахнущую гарью.

Уже в дверях он обернулся:

— Как только узнаю что-нибудь новое, сразу сообщу.

— Хорошо, — Таня спокойно убирала со стола, не глядя на него.

— Прости меня, — вдруг выпалил Володя и быстро вышел из комнаты, можно сказать выбежал, гром-

ко хлопнув дверью. Из рук Тани выпала чашка и со стуком покати́лась по столу и по полу...

Оди́нокий парус грязновато-белого цвета был ви́ден за горизонтом до тех пор, пока море не стало совсем темным, поглощаемое постепенно красноватым закатом. Изумительный вид на море в любую погоду предоставляли огромные окна — это было визитной карточкой ресторана, построенного на холме над пляжем.

Внизу находились каменные плиты пирса, и в любое время года через окна можно было видеть, как бесконечные стаи чаек воюют там за хлебные крошки. Это место было удивительно красивым. Именно поэтому здесь и построили ресторан «Парус» — каменный куб белого цвета. Он работал в любое время года — что в июльский зной, что в зимнюю стужу.

При всем том среди криминального мира ресторан пользовался недоброй славой. Сюда избегали ходить бандиты и люди, вертящиеся в криминальных кругах. Можно сказать, что вид на море меньше всего их интересовал.

Конечно, Туча, как и полагалось, обложил ресторан данью, но она была абсолютно условной — по сравнению с тем, сколько платили захудалые кафешки на Дерибасовской. Никто из мира Тучи и его людей не назначал встреч в «Парусе», да никто и не пошел бы в это место. Ну а если бы какого заезжего

позвали сюда, то через полчаса, максимум, несчастный или уехал бы из города, или же залег на дно, узнав правду об этом месте.

Почему? Почему слава такого красивого ресторана была хуже славы последнего притона на Молдаванке? Ведь внутри «Паруса» было очень красиво: бежевые стены, хрустальные люстры, столы, покрытые белоснежными, хрустящими от крахмала скатертями... Да и кухня была на высшем уровне: шеф ресторана был взят из знаменитого заведения на Дерибасовской, где до установления власти большевиков обслуживал заезжую знать, а позже — разбогатевших нэпманов. Правда, несмотря на то что в «Парусе» он получал гораздо меньше, чем на прежнем месте, все равно не посмел отказать...

Все объяснялось просто: этот ресторан облюбовали для своих тайных гулянок чекисты и красные комиссары. А открыл его во времена НЭПа один из них — бывший работник ОГПУ, выдворенный из органов за излишнюю жестокость. Не долго думая, после увольнения из карательных органов он решил попробовать себя в ресторанном бизнесе.

И это ему удалось. Красные комиссары любили красивую жизнь точно так же, как и бандитские главари. Но если бывшие короли Молдаванки — нынешние уголовные и антисоциальные элементы — заявляли об этом открыто, не таясь, то красные комиссары поначалу играли в двойную игру. На одной стороне

их жизни были идеология, пропаганда и псевдопламенная вера в большевистские идеалы, а на другой — все те страсти и пороки, что снедают людей, — деньги, выпивка, карты, женщины, (а порой и мужчины!), жажда власти и алчность, та самая алчность, которая испепеляла бандитских главарей...

Время НЭПа приучило к взяткам всех тех, кто занимал хоть какую-нибудь самую малую должность. Слабые по своей природе, люди вдруг поняли, что проблему легче всего решить, сунув деньги кому следует. И все. Вот и стали постепенно происходить изменения, которые пока были еще не очень видны невооруженным взглядом, они еще не несли в себе глобальных искажений личности, хотя уже были достаточно серьезны...

Как бы то ни было, внешне пока все должно было быть законно, и большевики не могли гулять в одних ресторанах с бандитами — им требовались «свои» заведения. Так и возник «Парус» — по мнению Тучи и его людей, «страшное место». И все бандиты плевались, проходя мимо белого кубического здания в окрестностях Ланжерона, который постепенно из дикого пляжа превращался в отличную зону отдыха и прогулок.

В этот зимний вечер, когда за волнорезом был виден только один парус, ресторан был полностью закрыт для остальных посетителей — готовился грандиозный банкет.

Ресторан для своей гулянки закрыли сотрудники ГПУ, которое пришло на смену ВЧК. Как говорится, поменяли шило на мыло. Правда, страх перед этой организацией остался прежним. Главное политическое управление несло в себе те же функции, что и Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, только в несколько урезанном виде. Главным преобразованием ведомств было разделение отделов. Теперь каждый отдел выполнял свои строго определенные функции. Но появились сотрудники, стоящие над остальными. Они выполняли более расширенные функции, и большая часть их планов и задач должна была содержаться в строжайшей секретности. Именно такого сотрудника собирались чествовать в «Парусе» в тот вечер — сотрудника особых поручений при органах ГПУ-ОГПУ, который был переведен в Одессу из Киева с особой миссией. Подробности этой миссии никто не знал.

Сотрудника звали Валентин Сандольский. Это был мужчина среднего роста какого-то неопределенного возраста — между 40 и 45 годами, коренастый, с темными волосами и нагловатым выражением широкого лица. Когда-то он был красным комиссаром и потому привык к достаточно широким полномочиям на фронтах гражданской войны. Интересным был тот факт, что он ушел к большевикам прямо с медицинского факультета Киевского университета. Будучи врачом-недоучкой, Сандольский никогда не тяготел к книжным знаниям, и образованные люди вызывали

у него раздражение. Он был туповат и нагл. А потому война стала для него идеальным местом — после нее карьера его пошла вверх.

В среде чекистов Сандольский не прижился — даже они считали, что у него есть два очень серьезных недостатка, которые мешают в оперативной работе: он любил выпить и был страшным бабником. В пьяном же виде трепал языком напрапалую. А женщин у него было такое количество, что поразились даже самые бывалые ловеласы. При этом он был абсолютно, так сказать, всеяден и не делал никакого различия между прачкой и бывшей графиней, учительницей и продавщицей из нэпманской лавки, швеей и модной большевистской поэтессой, няней и артисткой...

С такими недостатками его карьера в ЧК несколько раз оказывалась под угрозой. Но за былые заслуги его не погнали прочь, поскольку наряду с этим Сандольский обладал и важными достоинствами, которые всегда ценились красной властью: он был подл, двуличен, умел виртуозно лгать, а к тому же был исправным служакой, отличным исполнителем, который, чтобы выполнить поручение, не останавливался ни перед чем.

Когда-то он был женат, но жена его умерла от болезни в смутные годы, когда Сандольский совершал подвиги на фронтах гражданской войны. У него остался маленький сын, которого он отдал родите-

лям жены. Те и воспитывали его в Киеве. Отец же виделся с сыном очень редко и почти не вспоминал о нем.

До того ли было, когда при НЭПе появилось столько новых борделей? Еще при жизни жены Сандольский не отказывал себе в плотских радостях. А уж после ее смерти распоясался вовсю.

В Одессу он был назначен с какой-то особой секретной миссией, о которой знали только избранные чины высокого начальства. Правда, ходили слухи, что это назначение было ссылкой, что Сандольский провинился сразу по двум пунктам: напился и не с той бабой. Но толком никто ничего не знал.

Сам же он держался уверенно и нагло, совсем не так, как держатся сотрудники бывшей ВЧК, впавшие в немилость. А значит, судя по всему, ему все-таки была доверена важная миссия.

О том, что она была, свидетельствовал и устроенный в его честь банкет. Стали бы так распинаться важные чины перед человеком, не имеющим ни веса, ни значения? Когда просочилось известие о банкете, сплетники сразу умолкли. Но любопытство к его персоне не уменьшилось, скорее наоборот — возросло.

С самого утра на кухне «Паруса» хлопотал шеф-повар со своими подручными. На продукты начальство не поскупилось, все они были куплены в нэпманских лавках, было даже настоящее сливочное масло и белый хлеб! Суетились вовсю! Ближе к обе-

ду по служебному двору ресторана прогрохотала повозка, привезшая лучшие вина и коньяки из винодельческого хозяйства в поселке Шабо Одесской области. У местного вина была особая слава. Его специально для важных случаев закупали большими партиями.

Местные сплетники среди чекистов, любящие, несмотря на запрет, поговорить, утверждали, что на банкет расщедрился сам Сандольский, чтобы подмазать местное начальство. Это действительно было очень похоже на правду — такая практика существовала и всегда давала очень неплохой результат.

Банкет начался в семь вечера, почти без опоздания. Сандольский, в новеньком парадном мундире, еще не дошел до нужной кондиции, а потому держался солидно. Как было принято, гулянка началась с официальных речей: говорили много лестного, вручили Сандольскому какую-то почетную грамоту... Как-то выяснилось, что Сандольский уже бывал в Одессе не раз, сам он в ответной речи сказал, что почти каждую неделю приезжал в город, занимаясь неким секретным расследованием. А значит, прекрасно успел изучить все достопримечательности...

Наконец после парадных официальных речей началось застолье. Сначала оно проходило достаточно сдержанно и пока не превратилось в грандиозную попойку, когда полностью забывают о субординации, а начальство на утро после мероприятия чувствует

себя очень неловко. Однако через какое-то непродолжительное время несколько высоких чинов покинуло ресторан, сославшись на неотложные дела и на проблемы со здоровьем. Это в корне изменило ситуацию — мундиры были сброшены, коньяк полился не в изящные рюмки, а в граненые стаканы.

Появились музыканты, грохнули разухабистую блатную песню. Началось настоящее, безудержное веселье.

— Скучно как-то... — вдруг, несмотря на шум и гам, произнес Сандольский, уже вдоволь нахлебавшийся коньяка, а потому сбросивший с себя всю официальную чинность. — Вот бы девиц пригласить...

Среди всех достопримечательностей, которые действительно оценил Сандольский в Одессе, на первом месте был бордель мадам Зои, посещаемый высокопоставленными чинами.

Точно так же, как и ресторан, большевикам требовался свой бордель. И мадам Зоя, быстро уловившая ситуацию, сумела подсуетиться. Она хоть и вышла из самых криминальных низов, понимала, что несмотря на правильные пропагандистские речи, большевики были такими же мужчинами, как и бандиты. А значит, им требовалось то же, что и всем остальным мужчинам. Так что, дав нужным людям взятки, мадам Зоя оказалась на плаву.

— Я слышал, в заведении появились новенькие, четыре штуки сразу, — сально ухмыляясь, сказал

один из товарищей Сандольского, одессит, с которым тот успел сойтись близко во время редких наездов в Одессу. — Брюнетка есть одна — закачаешься! — он прищелкнул пальцами.

— Позвать новеньких! — тут же скомандовал Сандольский, — но четыре — мало на всех...

— Да и других можно позвать, — предложил кто-то еще, — давай рыжую Аннушку, Марго и Мишель, ее все знают.

— Решено, зовем четырех новеньких, Аннушку, Марго и Мишель, — распорядился Сандольский.

Кто-то из прислуживающих начальству бросился к телефону, на Екатерининскую тут же отправили две машины, и через час восемь девиц уже входили в ресторан.

Они держались уверенно, но в этой уверенности зоркому глазу была видна натянутость и неприязнь. Девушки не любили таких гулянок. Дело в том, что большевики, тем более чекисты, не были щедры так, как бандиты. Те всегда давали девушкам что-то сверху, а эти расплачивались с хозяйкой — и только, девушки не получали ни копейки.

— Суки жадные, — всегда презрительно говорила старожилка Мишель — одна из самых давних «сотрудниц» заведения, — сами жить не умеют и другим не дают!

И это была правда — большевики не сорили деньгами, а потому и не пользовались успехом у девиц.

Глаза Сандольского тут же остановились на изящной брюнетке с короткой стрижкой в красном платье из панбархата.

— Ты новенькая? Я тебя раньше не видел. — Он сразу же заинтересовался именно ею — уж слишком она отличалась от всех остальных, каких-то вялых, с длинными невымытыми волосами.

— Новенькая, — согласилась девица.

— Как тебя зовут? — Сандольский цепко, покрестьянски обхватил ее за талию и смачно поцеловал в губы.

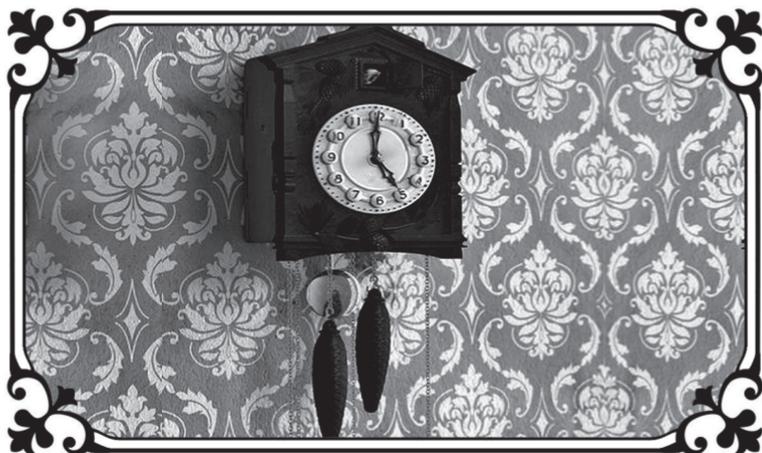
— Таня, — ухмыльнулась она, уворачиваясь и незаметно вытирая губы.

— А знаешь что, Таня, поедем-ка ко мне! Ну их всех этих... — вдруг решил он.

— А ты не жадный? — прищурившись, улыбнулась она.

— Да ты что! — воскликнул Сандольский. — У меня знаешь сколько денег?

— Ну ладно, — расплылась девица в улыбке и вслед за Сандольским двинулась к выходу из ресторана, направляясь к одной из служебных машин. Девица семенила сзади, то и дело придерживая своего кавалера за плечо, когда того совсем уж бросало в сторону.

ГЛАВА 16

Неудачный роман. Убийство Сандольского.

Зеркала. Странная надпись

Старенькие ходики пробили время, нарушив единый ритм ночи. Они вообще жили своей жизнью: то спешили, то, наоборот, шли слишком медленно. По-рыжевшая кукушка с одним оставшимся изумрудным глазом, высунувшись из своего домика, тихо проскрежетала металлическим голосом что-то непонятное, то, что никак нельзя было перевести. Хотя, — признался Володя себе, — это всегда его забавляло. Так было со всеми ходиками, со всеми кукушками... Именно поэтому он и приобрел на барахолке возле Староконного рынка очередные допотопные, буржуйские часы.

Что-то проскрежетав — это уж точно не напоминало птичье чириканье — кукушка спряталась, деревянные створки ее домика захлопнулись, и вокруг наступила тишина. Это было еще одним достоинством забавных часов — то, что и кукушка была негромкой, и что ходили они очень тихо. Так тихо, что постепенно эти звуки Володя перестал замечать.

От натопленной печки расплывался жар, в комнате было очень уютно. И казалось, теплые, какие-то прозрачные волны этого уюта плывут в воздухе, создавая необыкновенное покрывало этой ночи, уходящей в темноту за окном.

Было ровно три часа. Это подтверждало появление кукушки, издавшей свое странное заклинание три раза. Электрическая лампа, как всегда, горела вполнакала. Но, поскольку в комнате она была единственным источником освещения, свет ее казался даже ярким.

Ближе к ночи мороз спал, и зимний холод превратился в промозглую слякоть — этим всегда отличался конец зимы в Одессе. Сама зима была дождливая, промозгло-теплая и такая мокрая, что казалось, воздух можно было просто выжимать. Он был весь пропитан водой. И все вокруг казалось влажным.

Володя жил в Одессе уже не первый год, а все не мог привыкнуть к этой влажности, ее не было ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. Впрочем, не было уже и Петербурга, а он все еще тосковал о родном

городе, никогда не называя его новым, большевистским названием. Володя его вообще никак не называл, только про себя очень редко, с щемящей тоской произносил: «Петербург»... И это была одна из ран, которую должно было выдержать его сердце...

В комнате было тихо, тепло, спокойно, и в общем-то уютно, но Сосновский почему-то уюта не ощущал. Почему же он не спал в три часа ночи? Этому было самое простое объяснение, во всяком случае он сам это понимал: он писал роман. Писать предпочитал по ночам — от самой обстановки ночи ощущая наибольший комфорт.

Но в этот раз все было не так. Работа не шла. Мысли бродили, а слова не желали укладываться на бумагу.

Как себе Володя представлял, новый роман должен был стать грандиозным явлением в пролетарской литературе. В нем Сосновский хотел раскрыть образ новой женщины, пламенной героини, которая наряду с мужчинами на фронтах гражданской войны борется за дело революции, за новую жизнь и большевистские идеалы. Разбив коварные банды атаманов, орудующих в сельской местности, героиня должна вернуться в город и поступить на завод, чтобы наладить ударное производство. Вкратце Володя уже написал о своем замысле в издательство, опубликовавшее его предыдущий роман «Краски рассвета», и получил добро. Замысел хвалили, издательство

уже ожидало новый роман. Обещали грандиозный успех...

Казалось бы — чего еще? Нужно было только сесть за письменный стол и быстро воплотить великий замысел в реальность... Но вот с этим-то как раз и были серьезные проблемы.

Во-первых, Сосновский никак не мог придумать подходящее название — ну не ложилось оно на бумагу, и все тут! А во-вторых, и в главных, — роман не писался, как ни крути. И Володя уже начал приходить в отчаяние. Нет, кое-что, конечно, писалось, он ведь не переставал работать. Скомканные, обрывистые фразы, полные нужных и правильных слов об идеалах большевиков... Которые, конечно же, без сомнения, одобрили бы в издательстве. Эти слова были красивы, правильны и во всем соответствовали духу брошюр и пропагандистских листовок, которые раздавали на производстве и в каждой организации.

Но вдруг, впервые в жизни Володя почувствовал, что слова эти... абсолютно мертвы. Они не имеют ничего общего с реальной жизнью. Мало того, после их произнесения жизнь вдруг становится серой и скомканной, как будто они были каким-то заклинанием, которое имеет обратную силу: не оживлять, а умертвлять. И после произнесения таких, в общем-то, правильных слов все вокруг оказывалось зловеще мертвым.

Впервые почувствовав это, Сосновский пришел в ужас. Конечно, он не говорил никому об этом. Не то

было время. И Володя молчал, но постепенно сам пришел в ужас от того, что уже не может мыслить по-прежнему. С ним что-то произошло, а вот что именно, он не мог ни объяснить, ни понять. И это невыносимым страхом наполняло его душу.

А второй страшной бедой было то, что Володя никак не мог увидеть того героического образа новой женщины, который он должен был описать. Он его попросту не чувствовал. За свою жизнь Сосновский знал и видел много женщин из разных социальных слоев, но все они никак не хотели укладываться в общую схему, которую он себе представил.

Впервые в жизни его посетила странная мысль — для женщин нельзя установить какого-то общего знаменателя. Они слишком разные. И, как ни парадоксально это звучит, между ними всеми нет ничего общего. Каждая женщина индивидуальна. Это открытие просто потрясло его. И это было ужасно — он понял, что из-за этого он не может писать...

Роман действительно не сдвинулся с мертвой точки — перед глазами Володи никак не вырисовывался требуемый героический образ, идеальный образ классической пропаганды большевизма...

В общем, роман не шел, а мысли, которые посещали Володю, были страшны. Он вдруг подумал, что нет ничего ужаснее идеального образа! Он бездушен, как бездушна хорошо отглаженная белоснежная скатерть без единой драпирующей складки...

Но Володя как писатель понимал, что скучный образ, то есть идеальный образ, это — смерть. Конечно, он понимал, что не станет гениальным автором, но навевать невыносимую тоску на читателя и на самого себя тоже не хотел. В Сосновском проснулся писатель — он понимал, что может что-то сказать миру. И очень этого хотел.

На самом же деле Володя прекрасно понимал истоки своих мучений: все женские образы, все идеалы, которые он хотел создать, пусть только на бумаге, разбивались об один образ, в котором не было ничего ни от идеала, ни от создаваемой им правильности...

Этот образ, который преследовал его вот уже какие сутки подряд, оставался каким-то смутным отпечатком абсолютно во всем. Образ, достойный осуждения, но, между тем, безнадежно захвативший в плен его душу. Образ неправильной женщины. Без достоинств. Состоящий из сплошных недостатков. Образ женщины, чьи темные глаза были во всем, к чему прикасался его взгляд, самым живым из того, что он видел.

Но этот образ Сосновский не мог описать на бумаге — из воровок не делают героинь. Героиней могла быть кто угодно, но только не воровка... А значит, литература, новая пролетарская литература, не имела ничего общего с жизнью. С его жизнью... Володя не мог этого не понимать.

Устав думать, он скомкал листок бумаги, на котором были написаны самые важные и единственные слова начала его нового романа — «Глава 1». Затем встал, чтобы бросить листок в печку. Бросил, поворошил кочергой. Листок сразу вспыхнул, рассыпавшись миллиардом крошечных искорок. Вот бы такими искорками рассыпались по бумаге его слова!..

Сосновский печально посмотрел на часы. Он снова присидел за письменным столом до трех ночи и не написал ни строчки. Пора ложиться спать. Печально было и то, что сна ни в одном глазу. Володя даже не мог придумать, что ему делать теперь до самого рассвета. Ворочаться на кровати снова, как на раскаленной решетке?

Три коротких звонка в дверь прервали его мысли, вырвав из мрачного оцепенения. Три раза — значит, к нему. В коммунальной квартире у каждого был свой звонок. Кто бы мог прийти в такое время?

Поневоле почувствовав тревогу, Володя бросил взгляд на полку, где в жестяной коробке из-под печенья лежал револьвер, который дал ему Петренко. Но открывать дверь с оружием в руке было глупо, он ведь не трусливая барышня-истеричка.

Поэтому Володя решительно шагнул в длинный и темный коридор коммунальной квартиры. На помощь жильцов он не мог надеяться — все они давно спали.

— Кто там? — хрипло спросил он.

— Да открывай скорей! — отозвался знакомый голос. Сосновский распахнул двери. Петренко выглядел свежим и бодрым, сна не было ни в одном глазу — как будто на улице был солнечный полдень.

— Ты не поверишь, что произошло в городе! — от возбуждения он аж дрожал. — Надо успеть скорее осмотреть тело, пока не прислали спецбригаду из Москвы. А ее пришлют — это точно! Собирайся, едем! Ты должен это видеть!

Пока Володя, собираясь, расхаживал по комнате, Петренко выкладывал новости.

— Тело нашли сегодня после полуночи. Если быть совсем точным — то в половине первого ночи. Соседи обратили внимание на грохот за стеной — там двигали мебель, колотили в стенку, буянили. Так что они решили, что происходит пьяная драка, ну и вызвали наряд милиции. Они не знали, кто живет за стенкой и что произошло. А из-за такого преступления теперь поднимут на уши всех! Нечасто происходит такое в городе.

— Кто убит-то? — встрял Володя.

— Некий Валентин Сандольский, — торжественно произнес Петренко, — сотрудник особых поручений при органах ГПУ-ОГПУ, спецкомандированный в Одессу и вчера прибывший по месту службы.

— Твою ж мать!.. — ахнул Сосновский.

— А я тебе!.. Брат ты мой ситный, но не это тут самое главное! Не в том направлении мыслишь, — ухмыльнулся Петренко. — Главное то, что ему... — он помолчал, — отрезали голову! Точь-в-точь, как нашим Светулику и Глафире Черновой! И голову его, кстати, тоже не нашли.

— Вот это да... — присвистнул Володя. — Значит, наша теория — что убийца отрезает головы только женщинам, накрылась медным тазом!

— Тихо-тихо, это твоя теория, — парировал Петренко. — Голову, таки-да, не нашли... Ладно, — помолчав, сказал он, — поехали!

В служебной машине, которая, урча, лихо мчалась по улицам спящего города, Петренко дорассказывал недостающие подробности.

— Место преступления шокирует. Ну, ты сам увидишь. В Одессу он прибыл вчера утром из Киева. Днем знакомился с делами. А вечером в ресторане «Парус» на Ланжероне в его честь была устроена гулянка, ну то есть попойка, на которой присутствовали все чекисты и начальство города.

— И ты был? — ехидно спросил Володя.

— Шутишь?! Я же уголовная милиция. С их точки зрения — низшая каста. Они нами брезгуют. Наш генерал был, а рядовых сотрудников не было, кто там их пустит. Я тоже для них никто, хоть и начальник отдела.

— Убитый был на гулянке? — Сосновский не отвлекался.

— Был. Но после десяти вечера, когда высшее начальство ушло, чтобы не ударить лицом в грязь, началась попойка, и были приглашены девицы...

— Девицы? — переспросил Володя.

— Ты что, не слышал? Девицы! Проститутки! — хмыкнул Петренко. — И убитый ушел с одной из них. По словам всех, кто это видел, с новой, никто ее раньше не знал. Хотя все они из заведения мадам Зои.

— Хоть какой-то след, — пробормотал Володя.

— Да, завтра зацепим. — Петренко его услышал. — Они пошли на квартиру Сандольского. Слушай, роскошная такая прямо на Дерибасовской! Ну да ладно. К часу приехал наряд милиции и обнаружил в квартире обезглавленный труп.

— Квартира ограблена? — поднял на него глаза Володя.

— Да ладно! Как ты узнал? — удивился Петренко. — Забрали, похоже, деньги и золото, ящики перевернуты. Носильные вещи и оружие не тронули. Я уже там осмотрел все, сейчас еще с тобой посмотрю.

— С какой миссией приехал этот Сандольский в Одессу? — Володя не отставал.

— Никто не знает, — пожал плечами Петренко. — Или не хотят говорить. Завтра начну выяснять подробно.

— А документы?

— А вот тут полный порядок. Тело, кстати, было в форме.

— То есть с девицей раздеться он не успел... — задумался Володя. — Кокаинист?

— Нет, кокаин не найден. Ничего такого.

Машина остановилась, затормозив, у здания на углу Дерибасовской и Ришельевской.

— Здесь. Приехали, — бросил Петренко. — Только ты, конечно, в курсе, что ничего писать нельзя? Впрочем, я спокоен. Даже если ты захочешь описать то, что увидишь в квартире, не пропустит цензура.

— Что, так ужасно? — насторожился Володя.

— Увидишь! — больше Петренко ничего не сказал.

Просторная комната была ярко освещена. Именно это сразу бросалось в глаза — ощущение невероятного объема, который, казалось, еще больше увеличивали яркие лампы и светлые стены.

Посередине комнаты стоял накрытый стол. Похоже, гуляли щедро: бутылка красного вина, в которой оставалось меньше трети, два пустых высоких бокала, на одном из которых отчетливо был виден след красной помады, тарелка с бутербродами с колбасой, коробочка шоколадных конфет, пепельница, полная окурков...

Перехватив взгляд Володи, Петренко пояснил — это окурки убитого, они все одинаковые. А девица, похоже, не курила.

Стол выглядел обычно, но не он привлек внимание Володи. В простенке между двумя окнами находился красивый мраморный камин. Над ним висело

зеркало в бронзовой раме. Оно было даже не разбито — раскрошено. А рама была вымазана кровью.

— Что с зеркалом? Кто это сделал? — поразился Володя. — Никогда такого не видел.

— Ну так никто не видел! — пожал плечами Петренко. — Подожди, то ли еще будет! А все зеркала в доме, кстати, в таком же состоянии. И в прихожей, и в ванной, и в спальне... Ты просто внимания не обратил.

— Что-то я не понимаю: кто разбил зеркала? — Володя чувствовал, что это очень важно.

— Если бы я знал! — воскликнул Петренко. — Если б я знал! Ладно, идем в спальню. Дверь справа. Видишь?

Володя послушно шагнул вперед и застыл. Подобного зрелища ему еще не доводилось видеть, несмотря на весь его криминальный опыт.

На кровати на спине лежал труп. Одет он был в форму. На ногах были сапоги. И главное — у него не было головы. Покрывала кровати, густо пропитанные кровью, похожи были на кровавую ванну... В комнате стоял густой, приторный запах свежей крови.

А над кроватью, на стене в изголовье огромными красными кривыми буквами, похоже, кровью было написано следующее: «Йитгадал вейкткадаш шемей раба беальма девера гиреутен, вейамлих»...

— Что это?.. — прошептал Володя.

— Та бог его знает, — ответил тоже Петренко. Видно было, что ему не по себе. Похоже на какое-то ре-

лигиозное заклинание, — он пожал плечами. — Либо на демонологию какую-то... Не знаю... Нужен специалист, который сможет это прочесть.

— Может, на ритуал? — задумчиво произнес Володя.

— Ты на тумбочку посмотри, рядом с кроватью. — Петренко толкнул Сосновского в бок.

С трудом преодолевая отвращение, Володя подошел ближе и не поверил своим глазам! На тумбочке, прямо под основанием лампы, в ряд были выложены четыре лунных камня. Это были точно такие же камни, какие были найдены в квартире убитой проститутки! Такой же камень Сосновскому отдала мадам Зоя. Это были камни из меноры.

— Это явно сделал убийца, — прервал Петренко мысли Володи, — он вернул еще четыре камня. Интересно, еще будут?

— Нет, — Володя покачал головой, — это все. Их шесть.

Петренко нахмурился, хотел что-то спросить, но промолчал Сосновский подошел к туалетному столику, зеркало над которым выглядело так же, как и в гостиной.

— Понятно, какой грохот слышали соседи, — сказал Володя, — убийца бил зеркала. Не сомневаюсь даже, что убитого опоили снотворным. Точно так же, как и в других случаях. Что сказал эксперт — предположительное время смерти?

— С 11 до 12 ночи, точнее покажет вскрытие, — Петренко все еще хмурился. — Что ты знаешь о камнях, чего не знаю я?

Вздыхнув, Володя коротко рассказал ему о «меноре колдунов» — все, что он узнал от Тани.

— Тогда мне ясно, что это язык. Я имею в виду заклинание на стене, — задумчиво произнес Петренко. — Это идиш. И, кроме того, мне совершенно ясно, что менора была у него. Только вот вопрос: зачем ему был нужен этот культовый предмет?

— Ну как, чтобы продать, — пожал плечами Володя. — Но убийца его опередил. Вы же не нашли менору в квартире при обыске?

— Нет, — с сожалением ответил Петренко.

— Значит, убийца забрал ее с собой.

— Час от часу не легче! — вздохнул следователь. — Ну ладно, допустим, убийца охотился за этой менорой, и он ее получил. Но для чего он разбил зеркала?

— Я не знаю, — честно сказал Володя. — Но мне это очень не нравится. Во всем этом есть что-то очень непонятное и злое. Как злой дух.

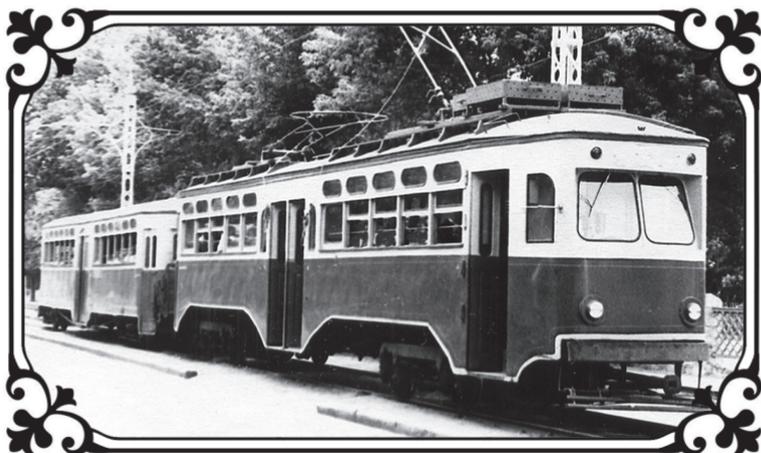
— Духи здесь явно ни при чем, — Петренко был настроен скептически. — Все это натворили люди! И, судя по всему, их было несколько, начиная с девицы, которая его ограбила, и заканчивая теми, кто пришел убивать.

Вернувшись в гостиную, следователь указал Сосновскому на вывернутые ящики из шкафа и письмен-

ного стола. Там остались пустые коробки из-под драгоценностей.

— Завтра начнется шухер, — мрачно прокомментировал он, — не каждый день в городе чекиста убивают, да еще так вот. Не сомневаюсь даже, что из Москвы пришлют следаков. В общем, будет гембель на мою голову!..

Когда Володя вышел из квартиры — после того, как увезли тело, и осмотр места происшествия был закончен следственными органами, — уже рассвело. Ноги сами понесли его на улицу Пастера. Он шел к Тане.

ГЛАВА 17

Ритуал? Секретный комиссар. Диббук.

Год «Великого перелома»

— Плохо, — Таня обернулась к Володе и отошла от окна, продолжая нервно тереть длинными тонкими пальцами бахрому на шерстяной шали, — очень плохо.

Все то время, что она стояла у окна, Сосновский продолжал поворачивать из стороны в сторону ни в чем не повинную чайную чашку.

День тянулся уже давно, но никто бы не сказал, что уже почти полдень. За окном была серая пелена, сырая, густая, было это похоже на не проходящий рассвет. Это понурое ощущение не наступившего утра убивало настроение, заранее окрашивая весь

день в беспросветные серые тона. И Тане хотелось как-то отвлечься от этого настроения — особенно после рассказа Володи.

Еще на рассвете, услышав звонок и открыв дверь, она совсем не удивилась, только посторонилась в проходе, так, словно все время его ждала:

— Заходи.

Вид у Володи был жалкий. Несмотря на закаленные нервы, страшное убийство все-таки произвело на него тяжелое впечатление. И Таня была единственным человеком, кто мог его понять.

Впустив Сосновского в комнату и сняв с него тяжелое, неподъемное пальто, промокшее от промозглого, сырого тумана, Таня отправилась на кухню поставить чайник. И только когда чай уже был разлит по чашкам, Володя заговорил.

Говорил долго, описывая все в мельчайших, ненужных деталях, что видел в квартире на Дерибасовской, постоянно перебивая сам себя и замолкая... Таня не прерывала его. Она очень внимательно слушала, чувствуя, что ему надо дать выговориться, что в данный момент это важнее всего.

Затем, когда Сосновский наконец замолчал, немного успокоился и впился зубами в бутерброд, Таня, пока тоже ничего не говоря, отошла к окну, чтобы обдумать его слова. Сырой туман обволакивал город тягучей слизью, и казалось, что нет ему ни конца, ни края. Редкие прохожие быстро пересекали улицу, ста-

раясь поскорее убраться от непогоды туда, где светло и тепло. Таня вдруг подумала, что туман похож на очень длинную, запутанную нить: пытаешься избавиться от нее, а выходит все хуже и хуже.

Она прекрасно понимала, что ситуация уже вышла из-под контроля. Но в рассказе Володи ее на самом деле беспокоил только один момент: девица в ресторане «Парус» на большевистской гулянке. Она действовала точно так же, как когда-то работала сама Таня, и это ее безмерно напугало. Девица как-то удивительным образом умудрилась скопировать не только имя Тани, но и ее повадки. Было в этом просто что-то мистическое, но прежде всего что-то злое и страшное... Что-то очень плохое, и не только для нее...

Плохим же Таня считала состояние, когда ее лишили спокойствия. Пережить все остальное можно было очень просто, даже заработать деньги она умела, сохраняя спокойствие и уверенность духа. А вот как заработаешь или изменишь что-то, если душа корчится в тревоге, как ведьма на костре?

— Плохо, — уже вслух произнесла она, отходя от окна и нервно теребя шаль, которую накинула себе на плечи, — очень плохо. И знаешь, что в этой истории мне не нравится больше всего?

— Интересно, что тут вообще может нравиться! — фыркнул Володя, но Таня словно не услышала его.

— Мне не нравятся разбитые зеркала.

— А надпись? — удивился Сосновский.

— Кто прочитает надпись, я знаю, — махнула она небрежно рукой. — Мы попросим раввина. Мне не нравятся разбитые зеркала.

— Это ты уже говорила. Но почему? — Володя действительно не понимал, почему это так взволновало Таню.

— Не знаю, — она пожала плечами, — это как-то неестественно, как-то странно. Ну сам посуди: станет убийца думать о такой мелочи, когда пришел убивать? А раньше зеркала были целы! Например, в квартире проститутки. Зачем же их разбили сейчас?

— Ритуал, — пожал плечами Володя.

— Какой именно ритуал, с чем связан? — Таня в волнении ходила по комнате. — Ясно, что это ритуал из каббалы. Надпись плюс камни. Все это похоже на завершение чего-то... Завершение пути, например. Но почему — зеркала? И кто их разбил — убийца?

— Злой дух, — попытался съехидничать Сосновский.

— Может, и так, — серьезно ответила Таня, — злой дух. В любом случае чаще всего в каббале заклинают злых духов. Только вот в чем главный вопрос: в кого он вселился — в красного комиссара или в убийцу?

— Ты сейчас что-то очень странное сказала, — уже серьезно посмотрел на нее Володя.

— Я по опыту знаю, что очень часто жертва виновата не меньше, чем убийца. А иногда и больше.

— Пусть так. Но это не снимает вопросы...

— А любое расследование и есть вопросы, — перебила его Таня, пожав плечами. — Особенно, когда это убийство.

Сосновский наконец оставил в покое чайную чашку и задумчиво смотрел куда-то в потолок.

— Первое, что надо сделать, это поговорить с мадам Зоей, — рассуждала Таня, — именно из ее заведения пришли новые девицы. Может, девица, которую мы ищем, маскируется под проститутку?

— Думаешь, она причастна к убийству? — спросил Володя.

— Она наводчица. Да, думаю, убийцы действовали с ней заодно. Такую девицу легко заинтересовать — например деньгами. Мы должны узнать, кто появился в заведении в последнее время. Всё о новых. Потом я поговорю с Тучей, чтобы он помог уговорить раввина прочитать надпись... Думаю, он справится. Ты сможешь взять ключи, чтобы мы прошли в квартиру тайком? — в упор посмотрела она на Сосновского.

— Конечно, — ответил он. — Наверняка моему другу поручат это расследование.

— Нет, — Таня покачала головой, — думаю, вести это расследование будет не он. Приедет специальная комиссия. Пришлют кого-то очень важного, он и возглавит все, возьмет под свой контроль.

— Откуда ты знаешь? — удивился Володя.

— Опыт, — улыбнулась Таня. — Ты представляешь, какой шухер наделает это убийство? Мало того, что сотрудник органов, так еще в такой форме. Ничего хорошего не будет в городе, вот увидишь.

Сосновский ничего не ответил. Молчала и Таня. Похоже, вместе они вспоминали все, что слышали о новой структуре большевиков, представитель которой был убит таким жутким образом.

Предтеча всех органов государственной безопасности советской политической системы — Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем (позже — ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности) — была создана в декабре 1917 года при Совнаркоме.

Очень скоро она стала легендарной как относительно самостоятельная организация. Широта ее функций и ее роль в удержании власти большевиков были просто колоссальными. Именно на ВЧК и ее структуры легла основная тяжесть борьбы с контрреволюционным подпольем в годы гражданской войны. Именно ВЧК занималась проведением следственных действий по делам, связанным с саботажем, спекуляцией и дезорганизацией тыла. Именно ВЧК часто осуществляла мероприятия «красного террора», агентурную работу на предприятиях, в учебных заведениях и так далее.

В 1922 году ВЧК официально была ликвидирована. Вместо нее было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД СССР (формально — под контролем Наркомюстиции). ГПУ обладало схожими задачами и функциями, но значительно урезанными, по сравнению с ВЧК, полномочиями.

После образования (30 декабря 1922 года) СССР возникает Государственное политическое управление (ОГПУ) СССР — формально объединившее ГПУ всех союзных республик, но фактически представляющее собой качественно новую структуру, поскольку ОГПУ подчинялось не НКВД, а напрямую Совнаркому.

В новую структуру вошли органы ГПУ-ОГПУ части внутренней охраны, а также пограничная охрана СССР, вошедшая в состав особых отделов ВЧК еще в 1920 году. Эта схема была основой советской системы, которую она была призвана защищать и охранять.

Поэтому можно было считать, что убийство сотрудника подобного управления стало угрозой всей системе в частности. И все прекрасно понимали, что карательные меры теперь будут жесткими, а расследование возьмут под очень серьезный контроль.

— Надо узнать, чем занимался этот тип и с какой миссией он был отправлен в Одессу. — Таня первой нарушила молчание, уже ставшее тяжелым.

— Как странно... — улыбнулся Володя, — то же самое сказал и мой друг. Если мы узнаем его спецзадание, то узнаем и причину убийства.

— Как ему в руки попала менора? А менора ведь была у него. Откуда он ее взял?

— Это можно будет понять, если мы поймем его связи, — ответил Сосновский. — А они должны быть обширными. Я узнал, что в последнее время он постоянно приезжал в Одессу, был здесь недолго, наездами. Так и познакомился с заведением мадам Зои.

— Интересно, — Таня задумалась. — А у кого можно узнать, что он здесь делал?

— Мой друг должен это выяснить, — произнес Володя. — Иначе вообще нет смысла в расследовании!

— Пусть успеет сделать это до приезда спецкомиссии. Иначе его просто не допустят, — сказала Таня, и Сосновский в очередной раз поразился ее прозорливости. Сам он не сомневался, что так и будет.

— Да, у меня есть еще кое-что... — вдруг вспомнил он. — Это не касается убийства сотрудника ГПУ, но тоже важно. Я выяснил, где был сын Глафиры Черновой в то время, когда убивали соседку, и когда мы с тобой попали под обстрел.

— Да, — кивнула Таня, — я думала об этом. Хотела тебя спросить.

— Видишь, мы всегда мыслим одинаково, — ответил Сосновский и, спохватившись, тут же отвел

взгляд. Слишком уж зыбкой была почва, на которой она стояли.

— В квартире его не было, это точно, — задумалась Таня, вспоминая.

— Не было, — подтвердил Володя. — Сын Глафиры Черновой в это время находился в притоне на Молдаванке, на Косвенной, там он пил трое суток подряд. Кто-то дал ему деньги, ну ты сама понимаешь... Мой друг его допросил, когда отыскал. Этого типа взяли во время облавы. Отвезли в Еврейскую больницу, чтобы привезти в нормальное состояние, и он смог говорить. В общем он рассказал следующее. Сам он занимается плотницкими и столярными работами. И пока не начал пить, был очень хорошим мастером, это соседи так говорят... Его многие нанимают. А тут подошел к нему какой-то мужик и сказал, что с ним хотят увидеться в ресторане «Аккорд». Тот очень удивился: «Аккорд» — дорогое заведение, на Дерибасовской, никогда его в такие места раньше не приглашали. Но пошел. Там сел, ждал заказчика. Вдруг к его столику подсел незнакомый мужчина. И говорит: «Ты чего, мол, такой смурной?» Сын и отвечает, мол, мать померла, а денег нет помянуть. Мужик и дал ему денег! Представляешь? Просто так дал денег, и много. И еще сказал: «Ты, мол, дома не появляйся, нечего тебе там делать, грустить только». Вот он и пошел в притон. Странная история, правда?

— Да нет, все понятно: его убрали из квартиры, чтобы соседку убить, — ответила Таня. — Подруга Черновой знала, во что та вляпалась. Думаю, Глафира или что-то увидела, или узнала о чем-то, связанном с убийством проститутки или с кражей меноры, и пыталась шантажировать убийцу. Но она не понимала, с кем имеет дело. Убийца быстро от нее избавился. А соседка наверняка знала, с кого Чернова хотела стянуть денег. Вот и пришлось убить соседку. По необходимости. Ну а ресторан...

— Что ресторан? — насторожился Володя.

— Дорогой он. И опасный... Он жирных золотых гусей. В свое время я в нем... работала, — тяжело вздохнула Таня. — А ты случайно не знаешь, жертвы этой девицы, которая мною прикидывается... Где они ее находили? — обернулась она к Сосновскому.

— Последний, Скоробогатский, увидел ее в ресторане «Аккорд». Ой... — спохватился Володя, — я как-то не задумывался об этом совпадении.

— Видишь! — усмехнулась Таня. — Это, похоже, место, где собираются члены ее банды. Надо бы к нему присмотреться.

— Ты вот что... Без глупостей! — насторожился Сосновский.

— Да пока нам не до этого, — махнула рукой Таня.

Выпроводив Володю, она сразу же поехала к Туче. Теперь ее друг был единственной ниточкой, ведущей

к пониманию странной надписи, ведь только он мог поговорить с раввином.

Туча был дома и очень обрадовался, увидев Таню, хотя в глазах его застыло напряжение.

— Ну и шухер в городе начался, — мрачно прокомментировал он последние события. — Как шмыря этого замочили, швицера подшкуренного, до холойма за так забрались! Облавы везде. Народ в панике. Хватают прямо с малин и до решетки тащат. А народ при чем? Хмырь из Москвы прискакал.

— Какой хмырь? — насторожилась Таня.

— Красный! Комиссар хренов. Важный, шо еловая шишка! Убийство будет расследовать гада этого...

— Как из Москвы? Так быстро? — удивилась она.

— А он здесь вже был, до Одессы, — пояснил Туча, — даже гулял за ресторан с убитым. Он с ним приехал, вроде как его под контроль брать, но держался тайком. А теперь на шухер вылез, будет за швицера расследовать. Так шо еще тот гембель.

— Быстро работают, — вздохнула Таня и принялась рассказывать Туче о подробностях убийства. Он слушал очень внимательно и мрачнел с каждым словом.

— Зеркала, — это было первое, что произнес Туча, когда Таня закончила свой рассказ.

— Что — зеркала? — удивилась она.

— Будь здесь моя бабка, — вдруг хохотнул он, — она бы вже мчалась до синагоги и лежала там на ступеньках! Она не до такого фасону была, как мои родители. Держалась проще. Во все верила. А оттого и была поумней их.

— Во что верила? — не понимала Таня.

— Ты когда-нибудь слышала про зеркала? — лукаво ухмыльнулся Туча. — Ну вот шо в вашей вере говорят?

— Ну... — Таня задумалась, — когда в доме покойник, зеркала надо занавешивать. Еще что нельзя час-то смотреть в зеркало, потому, что через него на тебя черт смотрит. Да, и самое главное: если зеркало разбилось, будет семь лет несчастья! А смотреть в разбитое зеркало категорически нельзя...

— Почему? — настаивал он.

— Опять что-то с чертом связано, — усмехнулась Таня. — Говорят, что если долго глядеть в разбитое зеркало, можно сойти ума. Это уж точно не без черта!

— А у нас верят, — вдруг тихо произнес Туча, — что если разбились все зеркала, то в доме побывал человек, в которого вселился диббук.

— Кто? — не поняла Таня.

— Диббук. Злой дух у нас, у евреев. Он вселяется в человека и вертит им, как хочет. Он правда очень злой. И вот он и разбивает зеркала. Крошит их, шо твою крошку. Так что, похоже, вселился в убийцу диб-

бук. Это душа злого человека, который все не может успокоиться и вредит, и вредит... Диббука вызывают, если долго не могут распрощаться со своим покойником или душа открыта злу. Бабка моя верила в диббука, все говорила: вот тебя диббук заберет! Как мои родители ругали ее за это! Вот с самого детства я и слышан про зеркала.

— А как же прогнать этого диббука? — спросила Таня.

— Ритуал специальный проводят, — пожал Туча плечами. — Но об этом раввин тебе больше расскажет, не я. По мне, так диббук вполне симпатичный.

— Может, у тебя есть свой? — улыбнулась Таня.

— А шо? Мы дружим за него! — поддержал невестелую шутку Туча.

— Какой странный рассказ, — она была настроена серьезно.

— Зеркала — это главное, — все не унимался Туча, — раз ты сказала за зеркала. А я с детства запомнил. Бабка говорила: зеркало лопнуло — значит, в кого-то вселился диббук.

Таня, раввин и Володя медленно шли по Дерiba-совской. Сосновский с опаской искоса поглядывал на раввина: он все не мог понять, как тот согласился пойти с ними прочесть надпись. На самом деле все было просто: раввин согласился на это только из-за Тучи.

Но даже несмотря на это, он не мог сдержать раздражения.

— Я не специалист по древним языкам, как вы можете подумать, и по расшифровке странных надписей, — сказал он, скривившись, едва Таня и Туча появились на пороге библиотеки, — вам нужен ученый, умный человек. А я, что я — простой священнослужитель. Еще и не пойму ничего...

— Ой, ребе, не прибедняйтесь, — не выдержал Туча, — все знают за то, как у вас мозги зашкваривают. Соображалка работает без слома. Может, вы за древние языки в университете и не изучали, но то, шо за книжки там всякие по каббале читали, — так за точно...

Раввин нахмурился, снова принялся отказывать, но Туча был непреклонен. В конце концов он убедил, что без прочтения этой надписи следствие и поиск меноры не сдвинутся с мертвой точки. И что чем меньше посторонних людей будет посвящено в это дело, тем лучше. По всему было видно, что раввин пошел на это скрепя сердце, но Таня была очень благодарна ему.

В квартире было тихо и темно. Задернутые шторы так никто и не раздвинул. Володя включил электрическое освещение. Увидев разбитое зеркало над камином в гостиной, раввин поневоле отшатнулся. Таня, которая следила за ним, сразу же спросила:

— Что не так? Что? Что связано с зеркалами?

— Суеверия, — мертвыми губами ответил раввин.

— О диббуке? — уточнила Таня.

Он повернулся к ней.

— Вы уже слышали об этом? Да, о диббуке, — кивнул раввин, — о мятежном злом духе, который ищет живую душу, чтобы в нее вселиться. Есть поверье, что если в комнату одержимый диббуком человек войдет и посмотрит в зеркало, то оно треснет.

— И здесь, вы думаете, произошло нечто подобное? — настойчиво спросила Таня.

— Убийство всегда зло, — уклончиво ответил раввин. Помолчав, он взглянул на нее: — Кем был этот человек?

— Злом, — вырвалось у Тани. — В смысле — чекистом. Значит, злом.

— Хотел бы сказать, что вы ошибаетесь, но вы правы, — горько вздохнул раввин, уже испытывавший на себе все «ласки» новых властей.

1929 год Сталин охарактеризовал как год «Великого перелома». Начался отказ от НЭПа, коллективизация и индустриализация. А кроме этого серьезно ужесточилась антирелигиозная борьба.

Тогда же был принят ряд нормативных актов, которые резко ограничивали права всех религиозных организаций и духовенства и позволяли властям закрывать религиозные учреждения. Все имущество храмов, молитвенных домов, мечетей, синагог, прочих религиозных общин описывалось и конфисковывалось.

валось сотрудниками ГПУ. И священнослужители были абсолютно беспомощны перед карательными органами советской страны, которые таким образом пытались отделить церковь от государства, уничтожив религию полностью, так сказать, на корню.

8 апреля 1929 года вышло постановление ВЦИК и СНК СССР «О религиозных объединениях». Этот документ был основным правовым актом, который стал регулировать всю религиозную жизнь в СССР. Он ограничивал деятельность религиозных служителей стенами храмов, монастырей, синагог, мечетей, молитвенных домов. А библиотеки, кружки, читальни, школы религиозной направленности полностью закрывались...

ГЛАВА 18

Гонения на верующих. Перевод надписи.

История диббука.

Как изгнать злого духа

Как уже говорилось, весна 1929 года ужесточила религиозные гонения. Верующие подвергались массовым преследованиям — в рабочих коллективах, учебных заведениях, в собственных домах... Против них натравливали соседей, устраивали жестокую травлю, подкарауливали возле церкви или синагоги, а потом изводили насмешками и издевательствами... В церковь теперь можно было ходить только тайком. И все священнослужители понимали, что грядут страшные времена. Времена, против которых молитва абсолютно бессильна.

Краввинууже приходили, причем не единожды. В последний раз большевики, среди которых были милиционеры и члены нескольких воинствующих атеистических организаций, вручили ему предписание освободить здание, стоящее рядом с синагогой. Там находилась библиотека, служебные помещения, школа... Кроме того, раввин должен был освободить жилье... Он со своей семьей снял квартиру поблизости, переехав на Виноградную, а вот библиотеку девать было некуда... К счастью, там же, на Виноградской, удалось снять небольшой дом с подвалом, выходящим в катакомбы. Туда он и собирался перенести книги из библиотеки и религиозную утварь. Всеми правдами и неправдами ему от властей удалось добиться отсрочки на месяц. За это время раввин очень надеялся перенести все и ничего не потерять.

Но понимание того, что верующие подвергаются жестоким гонениям, разрывало ему сердце. И это было отчетливо видно по его глазам, в которых поселилась горькая обреченность, и по жестким складкам, которые залегли у него вокруг губ.

Религиозные гонения на этом не заканчивались: велась широкая антирелигиозная пропаганда. Можно сказать, все население великой страны постоянно собиралось на какие-то лекции, политзанятия, с ним проводились агитационные беседы, его заставляли записываться в атеистические кружки. Для веры в Бога времени и места не оставалось...

Раввин постоянно слышал о страшных историях, которые происходили совсем рядом. К примеру, об одном собрании, проводившемся в Доме еврейской рабочей культуры. Собравшиеся говорили о еврейской автономной республике в Биробиджане. Оратор был никудышный, выступал тихо, так, что ничего не было слышно даже в первых рядах. Но при этом с первых же его слов стало понятно, что он абсолютно не знает еврейских традиций и культуры. Он путал религиозные праздники, термины, понятия, слова... И через какое-то время из зала послышался смех, сперва еле сдерживаемый, а потом и громкий.

Тут же выскочили активисты-дружинники с красными повязками на руках. Они вывели смеявшихся и передали в руки наряда милиции, который дежурил на входе. Всех их задержали и увезли. В зале больше никто не смеялся — повисла тишина. И тогда оратор во всю мощь начал заливать о том, как хорошо жить, когда нет религиозных праздников и норм, мешающих советским гражданам ударно работать.

После собрания всех присутствующих переписали, а потом каждого заставили расписаться в каком-то документе. Только потом всех отпустили домой.

Таких собраний по стране проходило все больше и больше. В результате очень многие отказывались от религии. Причины были разные: давление, карьера, хорошая должность, да и желание избежать осужде-

ния и насмешек. Человек слаб — и нельзя было осуждать людей за их слабости.

Вот раввин и не осуждал, лишь продолжал молча страдать, услышав жестокое и нелепое, о чем он не хотел думать как о правде — выселить всех евреев из солнечной и всегда родной для них Одессы в дали какого-то непонятого Биробиджана. Ведь именно к этому призывали ораторы на собраниях. К счастью, начальство их слова пропускало мимо ушей, понимая абсурдность всего сказанного.

А потому раввин вполне понял Таню, назвавшую человека, убитого в квартире, злом. Это была правда.

Раввин остановился у разбитого зеркала и внимательно осмотрел его со всех сторон.

— Странно разбито, — провёл он пальцем по раме, — как будто раздавили...

— Так и есть, — тут же отозвался Володя. — Эксперт подтвердил, что зеркало выдавили каким-то тяжёлым предметом.

— Вы работаете в органах? — Раввин с интересом оглянулся на Сосновского.

— Нет, я журналист, — почему-то смутился тот, при раввине он чувствовал себя неловко.

— А кем же работал убитый?

— Сотрудником особых поручений при органах ГПУ-ОГПУ, — ответил Володя. Лицо раввина изменилось — он побледнел.

Таня это заметила, но промолчала.

— Пойдемте в комнату, — она двинулась вперед. — Туда, где надпись.

Словно нехотя, раввин последовал за ней.

В спальне, где был убит чекист, стоял просто невыносимый запах: его издавали пропитанные кровью простыни, которые никто до сих пор не убрал, поскольку это было запрещено следствием.

Володя отдернул шторы с окна. Это можно было сделать свободно — основные следственные процедуры уже завершились. Теперь ждали, когда к делу приступит секретный комиссар из Москвы, потому и оставили все в первоначальном виде. Но Сосновскому было на это плевать. Запах плюс темнота — от этого заболит голова у кого угодно! А он всегда, будучи чувствительным к мелочам, терялся, поняв, что что-то происходит не так. Поэтому держался изо всех сил.

Поскольку обои были бумажными, писать на них можно было легко, и когда надпись вдруг потемнела, теперь она более отчетливо стала смотреться на светлых обоях над кроватью.

На стене пугающе и зловеще проявились черные буквы: «Йитгадал вейкткадаш шемей раба беальма девера гиреутен, вейамлих».

Раввин, спотыкаясь, подошел поближе и принялся внимательно их рассматривать. Лицо его при этом было белым как мел. Было видно, что ему очень

страшно в этой комнате и он сдерживает себя из последнего.

— Это идиш, — наконец произнес он, — но... не совсем. Скорее это похоже на какой-то набор знаковых слов. Судя по тому, как это написано, писал их человек, для которого идиш — не родной язык.

— Интересно, — глянула на него Таня, — вы уверены?

— Да, — кивнул раввин. Было похоже, что он боялся это произнести

— Ну хорошо, а могло быть так, что этот человек забыл идиш, долго не практиковался в письме на нем, например, ну, много лет? Слыша, к примеру, только в детстве? — не отставала Таня.

— Да, скорей всего, это так и есть. На самом деле очень мало осталось в Одессе семей, которые в домашнем кругу, между собой, разговаривают на идиш. Конечно, такие есть. — Раввин говорил запинаясь. Но потом пришел в себя. — В основном это люди старшего поколения. Не такие грамотные, чтобы писать. Про письмо на идиш сложно рассуждать — найти человека, который хорошо пишет, значительно сложнее, чем того, кто свободно разговаривает на этом языке.

— Вы можете перевести надпись? — Таня махнула рукой, прерывая речь раввина.

— Попытаюсь, — потупил он глаза, однако через секунду воодушевился. — Очень похоже на набор

слов, хотя... Дословно это звучит так, но за правильность я не ручаюсь, вы же понимаете? Иухадал — шестой раб раба царства какого-то учителя... Ну да... Возможно. Что там еще? — Он запнулся. — Одно я могу сказать с точностью — это каббалистская надпись. Она имеет отношение к каббале.

— А почему вы так считаете? — спросила Таня.

— Число шесть, — раввин попытался это показать. — В каббале это особое число, имеющее определенную силу. Раб царства — то же самое. А вот Иухадал... Похоже на какое-то имя.

— Демона? — догадалась Таня.

— Возможно... — раввин помялся, словно не желая отвечать.

— Или это имя... диббука? — бросила Таня наугад.

— Возможно, — так же ровно ответил раввин и посмотрел на Таню исподлобья. — Диббук — это злой дух, душа умершего человека. А каждый человек имеет имя. Чтобы изгнать диббука, необходимо назвать его по имени. Это очень важная часть ритуала.

— Значит, диббука можно изгнать? — вступил в разговор Володя, молчавший до того момента.

— Можно, — кивнул раввин. — Но это сложно сделать. Есть особый ритуал, опасный и тяжелый. Невыносимое испытание для человека, которого пытаются спасти от диббука.

— А можно прямо сказать, что в убийцу чекиста вселился диббук? — в лоб спросила Таня.

— Это очень возможно, — ответил раввин. — Диббук преследует живые злые души. Для того, чтобы завершить свою миссию на земле, диббуку необходимо тело — живой человек. Праведного человека он не тронет. А вот грешника... — он запнулся. — В любом случае могу сказать одно: тот человек, который оставил на стене эту надпись, знает о диббуке и каббале не понаслышке.

— Этот человек еврей? — Тане нужна была определенность во всем.

— Скорей всего да, — кивнул раввин. — Я бы не очень поверил, что православный оставил бы подобную надпись. Но это лишь мое мнение... Стоит слухам просочиться наружу...

— Не бойтесь, я понимаю всю серьезность того, что я увидела, и того, что вы сказали. Все это останется между нами, — поспешила успокоить его Таня.

— Тогда я не знаю, чем еще могу быть вам полезен, — развел руками раввин.

— Можете! — Таня не была намерена отступать, хотя понимала, что ее настойчивость может граничить с наглостью. — Я хочу узнать все о диббуке. Почитать о нем в вашей библиотеке.

— Зачем? — Голос раввина дрогнул. Но Таня в нем абсолютно четко услышала враждебность.

— Понимание легенды даст мне представление о том, как мыслит убийца, — спокойно пояснила она, — ведь именно ради этого убийца разбил зеркала и оставил надпись на идиш — чтобы навести нас на такой след. Убийца одержим легендой о диббуке. Я же ничего не знаю о нем. Поэтому мне нужна ваша библиотека.

— Библиотеку закрывают, — с горечью произнес раввин, — большевики забирают здание для своих нужд. И я ничего не могу с этим поделать.

— Тогда я должна успеть до того, как они это сделают, — настойчиво произнесла Таня.

В этот раз библиотека выглядела совершенно иначе, похоже, до нее добралось то, что называлось «национализацией». Столов не было, их уже вынесли. Вдоль стены одиноко стояли несколько расшатанных на вид стульев. Книги были свалены грудой прямо на пол. У Тани мучительно сжалось сердце. Это жуткое зрелище сразу вызывало в ее памяти переезд, эвакуацию, войну, то есть все то, что неожиданно врывается в привычную жизнь людей и потрясает ее.

В библиотеку она пришла на следующий день после того, как раввин прочитал надпись. И он успел подготовить нужные ей книги, отложив их на один из стульев.

— Все равно вы ничего бы не нашли в этом разгроме, — с печалью произнес он. — А вы узнали что-

нибудь, новое? — он посмотрел на Таню своими грустными глазами.

— Мы предполагаем, что менора находилась у убитого чекиста, — сказала Таня. — Каким образом оказалась у него — пока непонятно. Но я узнаю. Сейчас менора у убийцы.

— Я всегда верил в вас, — с каким-то странным выражением произнес раввин и ушел, оставив Таню одну.

Жадно, с нетерпением она открыла отложенные книги...

Как она уже знала, в еврейской мифологии диббук — это злой дух. В дословном переводе это слово означает «прилепившийся», то есть диббук — это душа умершего злого человека. В земной жизни его держат совершенные им злые поступки и преступления, и он пытается завершить свое предназначение в другом теле.

Свою жертву он всегда выбирает по нескольким очень важным принципам: как правило, это человек, совершивший очень тяжкий грех, а также диббук любит вселяться в невест, которых принуждают к браку, которого они не хотят.

Впервые эта злая сущность упоминается в каббалистической книге «Берешит». Каббалисты определяют это злое существо как извращенную форму возможности слияния с Творцом. Такой дух подавляет душу человека, вынуждая его совершать неадек-

ватные поступки, часто — преступления, вплоть до совершения жестоких убийств. Диббука сравнивают с джинном в мусульманстве, бесами в православии и демоном в католицизме.

Считают, что часто в диббука превращается душа человека, который или совершил самоубийство, или при жизни сделал очень много зла. Его злодеяний слишком мало для того, чтобы человек незамедлительно попал в ад, но достаточно для того, чтобы он переродился.

В таких случаях душа должна заново пройти процесс очищения и через некоторое время уйти на покой или даже в рай. Но диббук не может исчезнуть сам, не может попасть туда, куда он хочет, и вынужден блуждать между двух миров — жизнью и смертью. Поэтому он цепляется за живого человека.

Этот дух не имеет телесной оболочки, но в различных источниках его описывают как полупрозрачное существо с лицом, похожим на человеческое, но искаженным ненавистью и злостью.

О существовании злого духа, который вселяется в людей, упоминалось еще в I веке. Имя диббук впервые появилось в XVII веке, а отчеты, написанные на идиш, где он упоминается, датируются 1560 годом.

В священных рукописях ритуал изгнания злого духа из человека был первым чудом, которое совершил Иисус из Назарета. Широкое распространение

очищение одержимых получило в XVIII веке, причем не только у евреев, но и среди католиков и православных. Последнее изгнание диббука, о котором было записано в официальных документах, датировалось 1904 годом.

Многие считают, что диббук вселяется в людей, которые были близки ему при жизни или были его близкими родственниками. После смерти человека его дух, не находя упокоения и перерождения, начинает искать родных и близких и тянуться к ним.

Дух прилепляется к телу и заставляет носителя подчиняться его воле, а также совершать намного худшие поступки, чем были совершены умершим при жизни. При этом душа жертвы очень сильно страдает от такого насилия.

Есть также версия, что диббук вселяется для завершения каких-либо дел, которые остались у него после смерти.

Душевные страдания носителя — это лишь малая часть одержимости духом. Тело не может долго выдержать две сущности, оно начинает болеть и угасать. Чтобы опознать и изгнать диббука, нужно действовать очень быстро и правильно. Одержимости диббуком чаще всего подвержены юные девушки и женщины, мужчины — крайне редко.

Участь человека, в которого вселился диббук, страшна, однако от жуткого соседства можно избавиться.

Прежде всего необходимо выяснить, что человек пострадал именно от диббука. Поэтому, по обычаю, за девушками внимательно следят накануне свадьбы. Если ее родители заставляют выходить за нелюбимого, она подвержена серьезной опасности. Поэтому люди, сведущие в каббале, стараются избегать принудительного брака для своей дочери.

В случае одержимости духом человеку следует пройти сложную процедуру очищения. Опознать человека с вселившимся диббуком легко — его выдают странное, не свойственное ему поведение, слабость тела, ощущение неверности происходящего. Сила диббука действует угнетающе на окружающих, а жертву, того, в кого он вселился, часто начинают мучить удушье и сильный кашель, особенно по ночам.

Самое страшное, что изгнать дух сложно и опасно не только для раввина, но и для людей, которые окружают его в момент ритуала. В это время может произойти смерть носителя духа, и тогда диббук вселится в стоящего рядом человека, который последним посмотрел в глаза умирающему.

А задача раввина состоит в осуществлении сложного обряда, в ходе которого используются специальные травы. Их зажигают для благовоний, а кроме них у раввина есть амулеты, и он произносит молитвы с упоминанием Господа и Соломона.

Раввин должен уговорить дух покинуть живое тело, обещая ему переход в место очищения. Если

диббук откажется, после изгнания он отправляется прямым путем в ад...

Традиция изгнания диббука существует в иудаизме очень давно. Изгнание диббука проводится цади́ком — авторитетным раввином, в присутствии ми́ньяна — десяти совершеннолетних мужчин. Изгнание сопровождается трублением в шофар, как в Йом-Кипур (Судный день), и чтением заупокойных молитв. Все члены ритуала должны быть одеты в погребальные рубашки.

Самая сложная задача для того, кто изгоняет демона, — это опознать диббука, вскрыть природу его земных грехов, назвать его имя и договориться о тех условиях, на которых диббук согласится покинуть им одержимое тело.

Одержимого всегда привязывают к кровати и одевают в погребальное облачение. Диббук считается одним из самых сильных демонов, поэтому не каждый экзорцист справится с ним. Раввин, участвующий в ритуале, должен обладать добрым именем и славиться своей набожностью. Иногда ритуал длится не одну ночь и требует присутствия нескольких людей, подготовленных раввином.

Во время ритуала экзорцист не только облегчает страдания жертвы, но и выступает адвокатом самого диббука, обычно обеспечивая его попадание в геену огненную и последующее искупление. Ритуал предписывает читать библейские стихи задом наперед,

дуть в шофар и повторять tsey, tsey, dybbuk! (изыди, изыди, диббук!)

Самым известным экзорцистом в истории считался Ицхак Лурия. Именно его слава как успешного изгнателя бесов породила у странствующих каббалистов целый промысел, который достиг расцвета популярности в XVIII веке. Еврейские изгнатели диббука назывались баалшемами. Эти люди считались не только заклинателями, но и целителями, которые могли исцелить многие болезни и кроме того — бесплодие. Также они могли изгонять злых духов из людей, домов, синагог, а порой и из целых деревень. Знаменитым экзорцистом был и основатель хасидизма Баал Шем Тов.

ГЛАВА 19

*Новенькие мадам Зои. Лишняя девушка.
Интервью с Кирой. Загадочный букет*

Так как был ранний час, заведение было еще закрыто. Но ради Володи мадам Зоя сделала исключение.

Ранним часом считалось 11 утра. Немного стесняясь, мадам Зоя провела Сосновского и Таню в бальную залу, дверь в которую находилась сразу же справа по коридору. Зала была еще закрыта, и в ней не успели убрать.

Мадам Зоя так и говорила: бальная зала. Залой она, по привычке людей старшего поколения, называла большую гостиную. Но в этом старорежимном, таком необычно парадном слове «зала» была вся та

простота души таких вот старых людей, которую еще не успели заклеить определением «мещанская».

Выросшая на криминальном дне, проводя свои дни в самых мерзких притонах порта и Молдаванки, мадам Зоя никогда не видела настоящих бальных зал, да и где бы она могла их видеть? Простодушная, немного робеющая перед высшим светом, мадам Зоя вкладывала в слово «зала» весь тот даже не понятный ей самой трагизм. Это было достижением, успехом — иметь заведение с «бальной залой», и мадам Зоя гордилась собой. А потому не понимала, что в глазах Володи и Тани выглядит жалко и печально.

Несмотря на ранний час, некоторые девицы уже встали и шастали по коридору — нечесанные, заспанные, в нижнем белье, они тупо смотрели на вошедших мутными после короткого сна глазами. В этих глазах не было ни удивления, ни интереса — так фабричный рабочий смотрит на надоевший станок.

Заведение мадам Зои, как и все остальные заведения в городе, было скопищем самых разнообразных пороков, и далеко не редкостью было появление таких вот парочек — он и она, — подбирающих себе девушку для совместных любовных утех.

Кого только ни видели эти стены! Группы мужчин разного возраста и вида, две женщины, которые искали третью, старики с фотографической камерой, желающие лицезреть и снимать любовные утехы двух, трех или даже больше девушек...

Самые низменные страсти, самые отвратительные пороки, животные инстинкты, похоть, жестокость — все это источило мраморные ступеньки, ведущие к заведению. И девицы ничему не удивлялись — они были привыкшими ко всему, эти жалкие инструменты для принятия городских отходов, давно лишенные элементарных чувств и желаний, а потому лишь смотрящие на клиентов тупыми, уставшими глазами.

Таня хорошо помнила этот взгляд: именно так — тупо и жалко смотрели ее подруги с Молдаванки, каждый вечер выходя на улицу. Для Тани этот взгляд был страшней тюрьмы, страшней ножевой раны.

Именно поэтому она предпочла воровство и разбой такому вот погружению в вязкую бездну, болотную жижу людских пороков. Все эти девушки были беспомощными, жалкими жертвами большого города, собственной глупости, алчности, бесхарактерности, лени. Таня никогда не могла быть жертвой. Лучше уж — смерть.

Погруженная в такие печальные воспоминания, она не смущалась ни капли, а вот Володя, наоборот, чувствовал себя явно не в своей тарелке.

Итак, мадам Зоя объявила, что проведет их в залу, и распахнула широкую дверь. Внутри было темно. В воздухе стоял гнилой, застоявшийся запах сигаретного дыма, алкоголя, дешевых духов, пота и невымытых человеческих тел. Слава богу, в заведении не подавали еду, только напитки, поэтому к запаху не приме-

шивались ароматы дешевой кухни, которые всегда витали в воздухе дешевых забегаловок.

Мадам Зоя быстро прошла к окнам и распахнула ставни. Серый свет пасмурного утра осветил картину ночного разгрома. То, что ночью выглядело весело и ярко, в обнажающем свете утра становилось жалким и печальным.

Стулья были перевернуты, крышка рояля раскрыта. На полу валялись пробки из-под шампанского и бумажный серпантин. Поблескивали осколки стекла от разбитых бокалов. На обивке дивана расплылось темное пятно от вина. Володя задел ногой пустую бутылку, и с жутким грохотом она покатилась через комнату, пока не зацепилась за стул. Мадам Зоя заметно смутилась:

— Не убиралися с ночи. Уборщица позже приходит.

— Мы не порядок пришли проверять, — немного резко ответил Сосновский.

Перед визитом в заведение мадам Зои Таня и Володя очень внимательно прочитали показания, которые тайком дал Володе Петренко. Эти бумаги он вынул из дела, совершая должностное преступление. Но Володя честно обещал их вернуть через два часа.

Петренко был зол. Ему уже сообщили, что дело об убийстве Сандольского у него забирают, его будет вести секретный важный чекист, который уже прибыл из Москвы.

Петренко уже был вызван на ковер, где ему сообщили об этом. А также устроили нагоняй, посоветовав поменьше концентрировать свое внимание на бытовых разборках, имея в виду убийства, а побольше заниматься разгромом банды Алмазной. Банда налетчиков в городе никому не была нужна.

От начальства Петренко вышел злой как черт. А потому с легкостью отдал бумаги Володе. До прибытия следователя дело находилось у Петренко.

Эти документы представляли собой несколько показаний тех, кто гулял в ресторане «Парус». Петренко был следователем ретивым, приступал к новому делу со всей возможной энергией. А потому опросил почти всех — конечно, кроме высокого начальства, до которого не смог дотянуться. Впрочем, начальство ушло домой перед приходом проституток, не желая ударять лицом в грязь перед подчиненными.

В показаниях было написано одно и то же. В заведение пришли восемь девиц: три старые, всем знакомые проститутки, и пять новеньких. Одна из новеньких ушла с Сандольским.

— Мадам Зоя, — начал Володя, — вы в беде, и ваше счастье, что к вам пришли мы с товарищем, а не из ГПУ.

— Ой вэй... — Мадам Зоя ухватила за голову, прекрасно осознавая то, что случилось с ней. Шутками — убийство чекиста! И за меньшее большевики спускали шкуру.

— А потому вопрос, — Сосновский сделал паузу, не сводя строгих глаз с лица бывшей Рыжей Зайки, — и советую отвечать как можно откровеннее и точнее.

— За все, за все скажу, — закудаhtала мадам Зоя, заламывая руки.

— Сколько новых девушек появилось у вас в заведении?

— Четыре.

— За какой срок?

— Первая, самая давняя, — пришла неделю назад. Вторая и третья — четыре дня назад. И наконец четвертую я взяла за день до гульки в «Парусе».

— Что значит взяла?

— Обмен был. Обменялась с Сонькой Кацапкой, шо возле Привоза бодегу держит. Я ей двух своих, а она мне посвежей.

Володя и Таня знали, что это было распространённой практикой: девицы постоянно кочевали из заведения в заведение — хозяйки обменивались ими.

— И этих четырех вы отправили в «Парус»? — продолжал Володя.

— Ну да! И трех старушек... Ну, тех, кого клиенты любят. Семь в двух машинах и поехали.

— Все семь живут в этом заведении?

— Нет, только четыре новенькие живут, три старушки снимают квартиры в городе.

— То есть три старожилки вашего заведения не знали новеньких в лицо? — вдруг вступила в разговор Таня.

— Нет, — мадам Зоя повернулась к ней, — да и не все девицы знают одна за другую.

Таня победно потрясла бумажкой. Володя удивился:

— Ты о чем?

— Считать умеешь? — воскликнула она. — Смотри, написано черным по белому! В «Парусе» было восемь! Восемь проституток! А мадам Зоя говорит: три старожилки и четыре новенькие! Четыре новенькие! Итого — семь.

— Ничего себе, — Володя присвистнул, — откуда взялась восьмая?

— Прибилась к девушкам. И это — та, которую мы ищем.

Мадам Зоя пригнала в комнату четырех девиц. Уяснив, что их будут допрашивать, они перепугались до икоты. Все девицы были жутко тупые и двух слов не могли связать. Но все же удалось из них кое-что выбить. Все они сходились на том, что пятая девушка подошла к ним возле «Паруса», когда они вышли из машины. И все решили, что так и должно быть.

Описывали ее совершенно по-разному. Худая и толстая, высокая и низкая, волосы короткие и длинные... Все сходились только в одном: она была

темненькой. Но вот брюнетка или шатенка, никто не помнил.

— От допроса овец в стойле больше толку! — в сердцах ворчал Володя.

Визит в заведение мадам Зои дал четкое подтверждение: в истории была замешана лишняя девица. Именно она и была причастна к убийству.

— Не удивлюсь, если это та тварь, которая выдает себя за меня! — Выйдя на улицу, Таня с наслаждением вдыхала холодный воздух. От спертого запаха и самой атмосферы заведения ее начало тошнить.

— С чего ты это взяла? — Сосновский был настроен скептически.

— Чувствую. Запах ее чую! Если судить по наглости, некому больше. Она.

— Ты думаешь, она причастна к убийству?

— Ты забыл, что на ее руках уже есть кровь? Нэпман с Французского бульвара, семейство поляков и этот Дон Жуан недобитый, — хмыкнула Таня, — убивать ей не впервой.

— Убивать — вот так?

— А почему нет? Что мы о ней знаем? Ничего. Только о разбое. А если она действительно связана с похищением меноры? Если убийца нанял ее банду для похищения? Ее люди могли убить Аарона Нудельмана и отобрать у него менору.

— Шито белыми нитками! — сказал Володя.

— Может быть, — Таню не так-то просто было сбить с толку. — Но белый — самый видный цвет! Кстати, куда ты направляешься?

— К Петренко. Документы должен ему вернуть. А то не ровен час, нагрянет этот важный хмырь, обнаружит пропажу свидетельских показаний, и пиши пропало!

— Ты можешь узнать для меня одну важную вещь?

— Что еще? — Володя нахмурился.

— О сожительнице нэпмана с Французского бульвара. О той самой, на кого он хотел все спихнуть. Кто такая, чем занимается, почему банда ее отпустила.

— Что это даст? — Володя не понимал.

— Увидишь! — и, помахав рукой на прощание, Таня исчезла в хлопьях надвигающегося тумана, оставляя за собой самое невероятное послевкусие, такое же незабываемое, как и флер дорогих, редких духов.

Ресторация коммерческого типа под напыщенным и несколько нелепым названием «Кульбит» совершенно не процветала. Во-первых, потому, что из богатых, но полуграмотных посетителей заведения мало кто знал, что это такое, а непонятое слово раздражало. Во-вторых, хозяева заведения менялись с невероятной скоростью, а вместе с ними менялись и персонал, и порядки. То есть происходило все то, что не способствует стабильности и процветанию.

Певички, выступавшие на крошечной эстраде, были стары, потасканы и безголосы. Меню — скудным, а кухня — скверной. Коньяк и водку щедро разбавляли водой.

Словом, все ждали, что «Кульбит» загнется со дня на день. И то, что он продолжал существовать и даже вспыхивать электрической вывеской над подвальным входом в самом низу Дерibasовской, считали каким-то недоразумением.

Хорошо зная плачевную историю «Кульбита», всех его хозяев и скверное финансовое положение, из-за которого не всегда получалось отстегивать положенный процент, Туча недоумевал, почему Таня попросила его прийти сюда.

Он приехал к условленному времени. Оставил двух своих телохранителей у входа в зал. Сразу вызвал панику у всего персонала. К Туче тут же подлетел встревоженный директор и принялся лебезить перед ним. Туча быстро отослал его так, как прихлопывают назойливую муху — одним взмахом ладони. С трудом уселся за столик, еле уместившись на узком и неудобном стуле. Перед Тучей, как по мановению волшебной палочки, тут же появилась бутылка хорошего красного вина. Дорогое мерло было отменным, и Туча с удовольствием принялся отхлебывать из высокого бокала благородный напиток, недоуменно таращась по сторонам.

Утром Таня заявила на его виллу и, не скрывая радости, попросила Тучу прийти в «Кульбит» к вось-

ми вечера, сказав, что хочет сообщить ему что-то очень важное. На уговоры приоткрыть завесу тайны не поддавалась. Но Таня вся светилась, и Туча пришел к выводу, что новость хорошая. Он уже изучил Таню, и знал, что когда она выходит на верный след, у нее начинают гореть глаза.

Скрипнула дверь, и в зале ресторана, в котором было совсем мало посетителей, появилась Таня — под ручку с Володей Сосновским! На ней было бордовое платье из панбархата. Ее белое, слишком бледное лицо оживляла яркая косметика. А на безымянном пальце правой руки горело колечко с рубином.

Туча опешил. Они подошли, и Таня расцеловала его в обе щеки.

— Ну, вы знакомы, — усевшись за столик, она быстро налила себе бокал вина и выпила его почти залпом, — поэтому представления опустим. Сейчас вы оба узнаете кое-что очень важное. Сядь! — зыркнула она на Володю.

Тот опустился на стул подальше от Тучи, чувствуя себя явно неловко.

— Шо за гембель? — На лице Тучи было недоумение. Не меньшее недоумение было и на лице Сосновского.

Таня просто сказала ему, что вместе с ней он должен пойти на одну встречу, но не сказала, кого он там увидит.

На сцене появилась певица. Худая, манерная, средних лет, в черном блестящем платье, она пела

довольно выразительно, хотя голос у нее был слабый.

— Шо за... — снова начал Туча, но Таня махнула рукой: — Тихо! Давайте послушаем.

Он замолчал. Таня с Тучей пили вино. Володя даже не прикоснулся к бокалу. Под жидкие аплодисменты певица ушла со сцены. Таня повернулась к мужчинам.

— Итак, хочу напомнить вам первое разбойное нападение банды самозванки, которая именуется мною. Нэпман был убит. А вот его подруга, которая не была никакой сожительницей этого типа, почему-то была отпущена бандиткой. Все верно? — повернулась она к Володе.

— Вроде да, — осторожно ответил тот.

— Как звали девицу, которая долго и обстоятельно разговаривала с бандиткой?

— Кира, — ответил Володя, — но к чему это...

— Момент! — Таня быстро встала из-за столика и куда-то ушла.

Через минуту она вернулась в сопровождении певицы.

— Позвольте представить. Это Кира, — сказала Таня, жестом приглашая певицу сесть за их столик. Та повиновалась.

— Итак, это та самая Кира, которую отпустила бандитка. Кира, правда то, что вы мне рассказали? — Таня повернулась к ней.

— Правда, — кивнула женщина, — это было так ужасно! Я боюсь до полусмерти...

— Бойтесь Алмазную? Значит, вы не стали бы снова разговаривать с ней?

— Вы шутите? — Кира бросила на нее испуганный взгляд.

— Нет, не шучу. Я Алмазная.

— Нет! — Кира внимательно посмотрела на лицо Тани, затем улыбнулась. — Нет, конечно! Вы меня разыгрываете?

— Нет, не разыгрываю, — Таня смотрела на нее прямо, в упор, — это была я. Я стреляла в нэпмана и отпустила вас.

— Да вы что, за идиотку меня держите? — возмутилась Кира. — Я же прекрасно видела ее лицо! Говорила с ней. У вас с этой женщиной нет ничего общего!

— Вы уверены? Посмотрите повнимательней! Вы уверены, что эта женщина не я?

— Конечно уверена. Это не вы! А в чем, собственно, дело? — Кира обвела всех присутствующих тревожным взглядом.

— А вы могли бы ее узнать? — спросила Таня.

— Конечно! Но если бы я увидела ее здесь, меня бы через секунду не было! В окно бы выпрыгнула! Я до сих пор боюсь.

— Не бойтесь больше, — сказала Таня, — спасибо, Кира. Вы можете идти.

Певица ушла. Таня посмотрела сначала на Тучу, затем на Володю.

— Всем ясно? — немного грубо сказала она. — Это Кира, и она меня не узнала. Вы убедились?

— Я с самого начала чувствовал, что это не ты, — осторожно сказал Володя.

— Шо за дурацкий цирк? Шапито! Ради этого ты меня затащила сюда? — возмутился Туча.

— Да, ради этого, — Таня смотрела на него в упор. — Чтобы доказать, в первую очередь тебе, что к налетам я не имею никакого отношения. Это не я делала. Хотела, чтобы ты поверил.

— Я и так тебе поверил, — развел руками Туча.

— Нет, — сказала Таня, с горечью посмотрев на него. — Кто верит — не сомневается.

Она поднялась из-за стола. Следом за ней поднялся Сосновский. Туча, хмурясь, остался сидеть.

— Пожалуйста, — на улице Таня обернулась к Володе, — я хочу побыть одна. Оставь меня сегодня в покое.

И, стуча каблуками, ушла прочь.

Как только она открыла дверь своей квартиры ключом, в коридоре сразу появилась Изольда.

— Танечка, вы не поверите! Тут такое, такое... — Старушка дрожала от нетерпения. — Он на вашей двери висел. На ручке! Я к себе занесла, чтобы эти не стащили... Люмпены наши...

— Кто висел? — ничего не поняла Таня.

— Идемте! — и, схватив Таню за руку, соседка потащила ее к себе.

На столе в комнате Изольды в трехлитровой банке с водой стоял большой букет ярко-красных роз. Таня остановилась как вкопанная.

— Кто-то подарил вам цветы и оставил на вашей двери! Там и карточка есть, в конверте.

— И что там написано?

— Я не раскрывала! Как можно...

Действительно, в цветах был небольшой белый конверт. Таня раскрыла. На стол упала белая карточка, на которой большими буквами было отпечатано: АЛМАЗНОЙ.

Таня похолодела. Тайные букеты воскресили в ее душе очень неприятные воспоминания об Оперном театре.

— Как это романтично... Как прекрасно... — причитала добрая Изольда.

— Оставьте букет себе. Я только карточку заберу, — сказала Таня и, резко развернувшись, ничего больше не слушая, вышла из комнаты.

ГЛАВА 20

Облава на Тираспольской — дислокация.

Провал облавы. Грабарь.

Трагедия Изольды Франц

Дом был окружен сразу со всех сторон, со двора и с тыла. Так было удобней. Дислокацию продумали заранее. В организации засады явно были определенные плюсы. Дом находился в самой середине квартала на Тираспольской. С тыльной стороны его окружало прямоугольное строение несколько странноватой формы. Первый этаж был каменный, второй — деревянная пристройка, нечто вроде склада. Этот дом использовался под различные хозяйственные или производственные нужды. Сейчас в нем располагалась табачная артель.

На этой самодельной фабрике фасовали сигареты и папиросы из контрабандного табака, который, несмотря на власть большевиков, все-таки шел большим потоком в город. Сколько раз отдел по борьбе с экономической преступностью подъезжал к артели, обыскивали дома хозяев, да и сюда, на Тираспольскую, приезжал с неожиданными обысками, найти ничего не удалось. Все документы были в порядке, а контрабанда — не обнаружена. Из этого можно было сделать вывод, что артель крышевал кто-то серьезный — тот, кто предупреждал заранее об обысках и допросах.

Но в этом тоже был плюс. Когда принялись изучать месторасположение дома и составлять план облавы, отдел по борьбе с экономической преступностью пригодился, и даже очень. У них был составлен подробный план здания. Именно он и использовался для подготовки облавы.

Со стороны табачной артели к крыше нужного дома шла небольшая лесенка, упиравшаяся в слуховое чердачное окно. Оказалось, что на ней очень удачно можно расположить людей, чтобы окончательно отрезать все пути к отступлению.

С другой стороны нужный двухэтажный флигель окружали хибары, они были все одноэтажные, и такие хлипкие, что развалились бы сразу же, прыгни кто-нибудь на крышу. Уйти через них было некуда.

Лепились эти хибары к высокому четырехэтажному дому очень добротной постройки. Этот дом был огромным, выходил он на Старопортофранковскую. Был построен каким-то купцом для того, чтобы сдавать комнаты внаем. Со времен царского режима на всех четырех этажах жило очень много разных людей.

С приходом большевиков не изменилось ничего, разве что вместо комнат в доме выросли и расширились огромные коммунальные квартиры. Это было детище советской власти, цепкой паутиной они опутали весь старый город, обрекая на кошмар всех тех, кто вырос и родился в них.

Но дом был настолько высоким, а стены — глухими, без пожарных лестниц, что перебраться на его крышу через хлипкие одноэтажные хибары двора не представлялось никакой возможности.

Однако на всякий случай, ради предосторожности, было решено отправить внутрь хибар несколько вооруженных человек. Изображать они должны были пьяниц, обыкновенных в этих краях забулдыг. Их вырядили в лохмотья, лица натерли грязью. Валяться они должны были на голой земле. И под лохмотьями держать наготове оружие.

В таком виде они должны были походить на местное население настолько, чтобы не вызвать никакой тревоги у окружающих. Операцию планировали очень тщательно, силы были задействованы самые

серьезные, а потому важны были все детали, и продумывали их ответственно.

Петренко вторые сутки подряд почти не спал. Облава на Тираспольской была очень важна. Да и начальство торопило изо всех сил — дать хоть какой-то след по ликвидации банды Алмазной. Петренко было велено отставить все дела в сторону и заниматься только ликвидацией банды. И вот он очень надеялся, что какой-то след на Тираспольской может быть.

Вот уже неделю Петренко вел важную оперативную разработку. Информация поступила от одного из его людей, тайных информаторов, о том, что на Тираспольской, рядом с табачной фабрикой, организовалась некая «малина», в которой собираются разные люди.

Все началось с того, что на Привозе был арестован мелкий карманный воришка. При обыске у него под подкладкой нашли несколько золотых колец. Все эти кольца проходили по описанию в налете на семью Шиловских. Следователь, который поймал воришку, вызвал Петренко и показал кольца ему. Сомнений не было — именно они проходили в описи украденного. Опись составляла прислуга Шиловских, которая убирала в квартире не один год, она видела эти кольца на туалетном столике мадам Шиловской.

Прислугу немедленно вызвали, и она опознала кольца. Воришка был допрошен со всей тщательностью, и показал, что кольца эти не воровал, а выиг-

рал в карты у одного вора в «малине» на Тираспольской.

Силы были брошены на поиски вора, а по своим каналам Петренко бросил клич, что ищет любую информацию по новой «малине». И очень скоро он ее получил. Один вор, тайный информатор органов, показал, что «малину» держит некий налетчик. Открыл он притон, чтобы пополнять банду людьми. Якобы бандиты планируют брать банки, зажиточные конторы, а для этого нужно много и людей, и стволов. Вот люди пойдут на «малину», и из них можно будет выбрать. Информатор показал также время, когда будет проходить очередная игра в карты. Вор же, который проиграл кольца, из города свалил. До него дошел слух, что его ищут, и он убрался.

Петренко принялся разрабатывать спецоперацию: подождать, пока «малина» наполнится народом, нагрянуть с облавой и всех допросить. Конечно, постараться брать живыми, особенно хозяина, который снимал эту комнату.

В домоуправлении Петренко уже выяснил, что месяц назад ее снял некий мужчина лет 30—35. Документы явно были фальшивые, в домовоей книге он был записан как Иван Иванов, но за взятку на это закрыли глаза. По его словам, жил он раньше в селе Беляевка под Одессой, а в город решил перебраться, чтобы заняться торговлей. Но это было неправдой — мужчина ничем не походил на деревенского, а руки

у него были в воровских наколках. К тому же, как сказали соседи, которых тоже успел опросить Петренко, новый хозяин квартиры нигде не работал — он спал целыми днями, а по вечерам и ночам пропадал. Иногда его не было сутками, а когда появлялся, в его комнате собирались разные люди.

Вечер операции был выбран тщательно, согласно показаниям доносчика. Сигналом к началу должен был стать свет карманного фонарика одного из людей Петренко — лежа на крыше, над самой комнатой, он должен был видеть, как к Иванову прибывают гости. Когда комната наполнится людьми, последует сигнал, милиционеры выбьют дверь и ворвутся внутрь.

Было расставлено несколько оперативных групп. Лестница, ведущая к табачной фабрике, была отрезана полностью. В хибарах в засаде прятались милиционеры. Несколько человек находились под лестницей, ведущей на второй этаж, и еще несколько — в подъезде, в парадной, за закрытой дверью. Среди них был и Петренко.

По сигналу с крыши здания милиционеры, находящиеся под лестницей, должны были рвануть наверх. Петренко должен был войти в квартиру после того, как группа захвата окажется внутри и нейтрализует всех, кто собрался в комнате.

К восьми вечера все были на своих местах. Кажется, все было подготовлено идеально. Темнота стла-

лась по земле. К счастью, ни в подъезде, ни во дворе не было лампочки, впрочем, как и во всех остальных дворах в этих местах. Петренко заметно нервничал, все поглядывал на часы.

В парадной, на лестничной площадке между первым и вторым этажом было слуховое окно, которое выходило прямо на лестницу. Как только группа ворвется в квартиру, это можно будет увидеть.

Странно было то, что во двор заходило очень мало людей. По словам информатора, в этот вечер в «малине» должна была состояться очень крупная игра, присутствовать на которой вызвались многие. А во двор заходили единицы...

Какие-то бабы с корзинами, направившиеся к трущобам, старик с собачкой, зашедший в квартиру на первом этаже, мальчишки, забежавшие во двор, а затем из него выскочившие, — наверняка беспризорники, которые искали, что украсть... И всё. Из подходящих к описанию было лишь двое мужчин — абсолютно трезвые, в кожаных тужурках, они поднялись по лестнице, деловито переговариваясь между собой. Больше никого не было.

Петренко нахмурился, нервно сжимая револьвер. Если сорвется облава, что он скажет начальству? Четверо людей, входивших в эту группу, не спускали с него глаз, прекрасно понимая нервозность своего начальника.

Где-то вдалеке пробило девять часов. Петренко вспомнил, что возле Привоза, со стороны Старопортофранковской, была какая-то церквушка. Похоже, часы били на ней. В подъезд вошли еще какие-то люди, раздался смех. Влюбленная парочка, он и она, держась за руки, скрылись в квартире на первом этаже. Петренко нервничал все больше — он знал, что информатор проверенный, он его не раз контролировал, да и сейчас информацию по игре проверил по разным источникам. Что же пошло не так?

Выстрелы резко раскололи ночную тьму, взорвали ее, словно разрывные бомбы. Стреляли на втором этаже. Думать было некогда — Петренко скомандовал идти на подмогу.

Сотрудник, дежуривший на крыше, был убит. Его труп упал во двор. Перестрелка шла между милиционерами, засевшими в засаде, и бандитами за дверью.

Быстро, в несколько скачков, Петренко и его люди метнулись на второй этаж. В глаза ему сразу бросилась выбитая дверь квартиры.

Внезапно раздался взрыв, он был такой силы, что с крыши сорвало черепицу, из окон повывлетали все стекла, а ступеньки заходили ходуном. В квартире взорвалась граната. Следом за первым взрывом раздавался второй. Он был еще сильнее. Если первая граната взорвалась внутри квартиры, то вторая — в коридоре, на открытой веранде возле двери. Петренко

отбросило на ступеньки. Мелкие осколки стекла и камней оцарапали ему лицо и руки.

Страшное месиво из милиционеров и пытающихся сбежать из квартиры бандитов осталось лежать на веранде. Кровь стекала по ступенькам лестницы. Преодолевая звон в ушах, Петренко поднялся и бросился наверх.

Бандиты прыгали со второго этажа на крышу пристройки — небольшого сарая внизу. Завязалась стрельба. Люди, сидевшие в засаде в хибарах, оказались самой действенной и оперативной частью отряда. Именно они захватили двух бандитов, положив их на землю во дворе. Всем остальным, выпрыгнувшим со второго этажа, удалось скрыться.

Позже Петренко узнал, что за сараем был вход в катакомбы, о котором его никто не предупредил. Именно через него и ушли бандиты.

Провал операции был полный. Войдя в квартиру, Петренко содрогнулся. Мертвые бандиты, мертвые милиционеры... Вся группа, бывшая в засаде под лестницей, погибла. Были убиты также находящиеся на пожарной лестнице — услышав стрельбу, они бросились на подмогу и попали под взрыв второй гранаты.

Вины Петренко в этом не было. Было очевидно, что кто-то предупредил бандитов о готовящейся операции, то есть в уголовном розыске завелась крыса. Для него это не было новостью — крысы были всегда,

особенно в такое сложное и голодное время, когда людей можно было купить за совсем небольшие деньги.

Плохо было то, что бандиты взяли с собой гранаты. Готовясь к облаве, они были вооружены гранатами, тогда как у милиционеров были только револьверы и винтовки. Примечательно, что бандиты, бросив гранаты, не задумываясь, положили своих вместе с оперативниками...

Двух пойманных бандитов погрузили в фургон. Один был ранен и истекал кровью. Здорового увезли в райотдел, а его — в Еврейскую больницу.

Петренко поехал с раненым. Это был молодой парень, не старше двадцати лет. Ранен он был в грудь и в руку. Парень был страшно напуган, но находился в сознании.

Когда его занесли в приемный покой и положили на кушетку, Петренко вытолкал силой врача и запер дверь. Повернулся к парню:

— Говори, мразь! Если не скажешь, сдохнешь. Пока не скажешь, никого к тебе не подпущу. Имя? Где собирается банда?

— Я не знаю... — выл и стонал бандит, мучаясь от невыносимой боли.

— Я жду, — Петренко скрестил руки на груди.

— Грабарь... Ванька Грабарь... он квартиру снял! — выкрикнул парень. — А где они живут все — я не знаю!

— Кто такой Грабарь, откуда?

— Давний, с Молдаванки. Любовник Алмазной. Живет с ней не один год. Я, говорил, важнее Алмазной, она моя правая рука...

— Где собирается банда?

— Ресторан «Аккорд» на Дерибасовской.

— Ну смотри, если ты мне соврал...

Бандит уже выл, катаясь по кушетке, на его губах выступила кровавая пена. Петренко открыл дверь. Влетел врач.

— Вы чудовище! Как так можно мучить человека? — закричал он.

— Да пошел ты! — в сердцах бросил оперативник через плечо. — Тоже мне, человека нашел...

В кабинете начальника уголовного розыска было накурено и тесно. Петренко в сотый раз докладывал о провале операции, рассказывая подробности.

— У нас не было гранат, — повторял он, — никто не берет на облаву гранаты...

Распахнулась дверь и в кабинет вошел еще один человек. Это был молодой, черноволосый мужчина в форме чекиста. У него были черные вьющиеся волосы, более длинные, чем полагалось по уставу. Держался он очень уверенно, настолько уверенно, что при его появлении даже сжался и замолчал начальник уголовного розыска, а потом, очнувшись, забормотал:

— Мы тут подробности операции обсуждаем...

— Продолжайте, — мужчина сел на край стола.

Петренко закончил рассказ, в десятый раз описывая одно и то же.

— Я считаю, что вины капитана Петренко в провале операции нет, — произнес чекист. — Организовано все было очень разумно, и не его вина, что не справились с задачей. Однако провал операции не единственное, чем вы можете похвастаться, так?

— Верно, — удивился Петренко информированности этого человека. — Я узнал имя второго главаря банды, любовника Алмазной, и место, где собираются бандиты.

— Отлично. Об этом доложите наедине, так как теперь я буду курировать все ваши действия, — уверенно произнес чекист.

Петренко понял, что к нему пожаловало важное начальство из Москвы, которое почему-то он представлял совершенно иначе. В этом человеке было нечто такое, что внушало ему ужас.

Робкий стук в дверь раздался почти сразу, как только Таня вошла в комнату. На пороге стояла Изольда с букетом роз.

— Заберите, Таня, — Изольда решительно протянула ей цветы, — не разбрасывайтесь теми, кто вас любит.

— Любит... — хмыкнула Таня, все-таки взяв букет. — Вы даже не представляете себе, что говорите. Эти цветы — знак не любви.

— Не любви? Чего же тогда?

Таня поставила цветы в вазу. Руки ее тряслись. Она была не готова к такому потрясению, к этому странному и страшному букету цветов.

— Прощения, — произнесла она. — Этими цветами человек, который их принес, пытается попросить у меня прощения.

— Вы знаете, кто принес цветы? — удивилась Изольда.

— Знаю, — в глазах Тани сверкнула и тут же погасла боль. Она была твердо убеждена, что эти цветы принес Володя. Именно таким является самое опасное свойство женщин, почти всегда заманивающее их в ловушку: думать, что букет принес тот, от кого они хотят его получить.

— Садитесь, — Таня подвинула стул к своей старшей подруге, — я очень прошу вас... Не уходите! Я с ума сойду тут одна. Вы не представляете себе...

— Представляю, милая, — серьезно сказала Изольда.

Таня подошла к буфету, достала бутылку вина.

— Вот. Выпьете со мной?

Это был удивительно тихий и мирный вечер. Рубиновое вино сверкало в бокалах, лампа под цветастым абажуром светила так уютно, что страшное напряжение вдруг стало отпускать Таню. Возможно, выпитое вино сыграло с ней злую шутку, но ей вдруг стало казаться, что ничего страшного и не произошло.

Она проучила Володю и Тучу. Настояла на своем, сделала так, чтобы они поверили ей не только на словах. Потом Володя тайком принес ей букет цветов. Невероятно трогательный, романтический жест, который был бы таким привлекательным, если бы его вызвали другие чувства...

Интересно, когда Володя успел это сделать? Ведь вечером они были в ресторане. Возможно, до того, как он пришел в ресторан? Наверное, он потом хотел рассказать, не думал, что Таня его прогонит. А она прогнала. Недоразумения преследовали их всегда. Недоразумения, печальные ошибки и странное стечение обстоятельств всегда были против них, как будто кто-то специально за этим следил...

— О чем вы задумались? О цветах? — улыбнулась Изольда.

— Не только, — пожала плечами Таня, — еще о том, что ничего страшного не произошло. Цветы — это ведь не страшно, правда?

— Правда, — ответила Изольда. — Когда-то я тоже получала букеты цветов...

— Вы? — Таня так поразилась, что даже забыла все свои тревожные мысли и даже не почувствовала, что вопрос ее звучит бестактно. — Вы получали букеты цветов?

— Конечно, — улыбнулась грустно Изольда. — В молодости я была очень красива. Вы даже не представляете себе как.

— И кто вам их дарил?

— Один человек. Мужчина. Офицер.

— Почему же вы не вышли за него замуж? — но, увидев, как соседка отвернулась к окну, Таня вдруг спохватилась: — Извините, бога ради извините! Если вы не хотите об этом говорить...

— Почему же не хочу, — Изольда повернулась к ней, и Таню поразило трагическое выражение ее глаз, — теперь хочу. Я столько лет молчала, хранила свою тайну. Вы не поверите, но никто, не единая живая душа не знала об этом! А теперь вот хочу рассказать...

— Никто не знал? Ни ваша мать, отец... Ни ваши сестры? — не могла поверить Таня.

— Никто, — горько улыбнулась Изольда. — Они всегда думали, что я старая дева, ведь я зареклась встречаться с мужчинами и не хотела выходить замуж. Они не знали, что у меня была очень серьезная причина... Я просто не могла это сделать.

— Я думала, вы ничего не знаете о любви, — вырвалось у Тани.

— А я ничего и не знаю о ней. А вот вы, разве вы что-то знаете об этом?

— Нет, — Таня печально покачала головой, — думаю, что нет.

— Вот видите. Скажу вам больше. Никто ничего не знает о ней. Люди только думают, что знают. На самом деле они знают лишь о самих себе, и то не

все. А как можно знать о другом человеке, если ты мало что знаешь о самом себе?

— Кто он был? — Таня не отрывала глаз от лица соседи.

— Офицер. Взрослый красавец офицер. Командир части. Мне было семнадцать, ему — двадцать девять... Мы познакомились на балу. Тайком начали встречаться. Смешно, но никто даже не догадывался о наших встречах.

— Он был женат? — вырвалось у Тани.

— Как вы догадались? — удивилась Изольда.

— Ну... Вы были красивы, богаты, из хорошей семьи. Чем не жена для офицера? Ведь офицеры бедны. Ему бы предложение делать, а он скрывал. Вот я и подумала...

— Да. Он был женат, — вздохнула соседка. — Но говорил, что не любит свою жену, что жениться его заставили родители...

— Все они так говорят, — мрачно прервала ее Таня. — Что произошло потом?

— Потом... я забеременела... — помолчав, глухо сказала Изольда.

— Господи! — вырвалось у Тани. — А он?

— Он меня бросил, — горько улыбнулась соседка. — Бросил! Сделал так, чтобы его перевели в другой город. Я хотела от него помощи, а он сбежал. Я была на втором месяце... У вас были когда-то дети?

— У меня была дочь, — мертвым голосом произнесла Таня, — она умерла.

— Боже, простите... Я не хотела беречь вашу рану. Но тогда вы поймете, что произошло потом.

— Что произошло потом? — Тане вдруг захотелось плакать, она почувствовала, что трагедия Изольды чем-то похожа на ее.

— У меня была близкая подруга, Софа. Она нашла одного аптекаря на Градоначальницкой. Он был известен на весь город. Звали его Хаим Беркович. Говорили, что он занимается черной магией. Но он помогал девушкам, попавшим в беду. Таким, как я.

— Аборт? — коротко спросила Таня.

— Да, — с горечью кивнула Изольда. — Он делал снадобье из трав. Мы пришли туда, на Градоначальницкую. Он завел меня в отдельную комнату. Я отдала ему свои бриллиантовые сережки. Родителям сказала, что потеряла. Его жена присматривала за мной. Он дал мне выпить стакан с каким-то раствором. Я выпила. Через полчаса у меня начались жуткие схватки... Случился выкидыш... Жена Берковича помогала мне. Кровотечение было очень сильным. Но он дал мне второй стакан с каким-то снадобьем, и кровотечение остановилось. Когда я вернулась домой, от ужаса того, что я пережила, я слегла. У меня был жар. Я долго болела. Родители думали, что у меня испанка. Ухаживали за мной. Я выздоровела. Но зареклась выходить замуж. Я не

смогла бы пережить все это во второй раз. Да и как бы я смогла смотреть в глаза мужу, зная, что я убила своего ребенка? Теперь мой нерожденный ребенок снится мне по ночам. Я знаю, что это была девочка... Иногда она приходит ко мне во сне. Я буду терпеть эту муку до самой смерти. Хорошо хоть, уже недолго осталось. — Изольда говорила отрывисто, резко, прерывала саму себя. И вдруг заплакала. Таня вскочила с места и обняла ее. Из ее глаз тоже потекли слезы. И так, обнявшись, две женщины, старая и молодая, плакали друг о друге, потому, что каждая из них плакала о себе.

ГЛАВА 21

*Семья Хаима Берковича
с Градоначальницей.
Непокорная дочь.*

*Разговор с квартирной хозяйкой.
Возвращение Мишки Няги*

Таня проснулась на рассвете от странного, наполняющего энергией, почти необъяснимого чувства! Это чувство было похоже на ощущения охотничьей собаки, взявшей верный след.

От выпитого накануне вина не осталось и следа. Голова работала ясно и четко. Таня уселась поудобнее в кровати, обхватила руками колени — так, как делала всегда в самые тяжелые и важные моменты, и принялась думать.

Рассказ Изольды о своей судьбе произвел на нее очень большое впечатление, но не только потому, что ей было мучительно жаль свою несчастную подругу. Судьба Изольды действительно была трагичной. Но сколько таких трагичных судеб было в жизни Тани!

Нет, она проснулась в состоянии охотничьего тейпера, сделавшего боевую стойку, потому что в рассказе прозвучало нечто очень важное! Этим важным было упоминание об аптекаре с Градоначальницей — о нем Таня слышала уже во второй раз!

Первый раз об этом человеке, слывшем колдуном, сказал Туча, вспоминая странные слухи из своего детства. Во второй раз Изольда Шварц, ее новая подруга, повторила почти то же самое!

Судя по тому, что этот человек делал аборт, причем очень успешно, не прикасаясь к хирургическим инструментам, которые используются для таких целей, он был очень образован и умен. Не складывается ли все это в одно целое, в портрет того человека, которого ищут Таня и Туча?

Согласно умозаключениям Тани, человек, который охотился за менорой, был ученым и пожилым, возможно, даже уже старым человеком. Не аптекарь ли это? Ей вдруг стало казаться, что Изольда нарисовала просто идеальный портрет.

Сколько лет ему теперь может быть? За семьдесят, это точно. Когда Изольда повстречалась с ним, ей было

семнадцать. Но Изольда не так стара, как подумала Таня в первый раз, значит, все может сходиться.

К тому же Градоначальницкая находится недалеко от синагоги. Эта улица спускалась напрямиком к Балковской, а оттуда до Водяной Балки — рукой подать! Таня помнила рассказ раввина о том, что в окрестностях Водяной Балки был поселок, где жили одни евреи. Должно быть, выгодно было держать аптеку на Градоначальницкой — обеспечивалась хорошая клиентура. Аптекарь убивал двух зайцев сразу: с одной стороны находился еврейский поселок, с другой — было несколько шагов до самого центра города, клиенты могли быть и оттуда.

Воодушевленная своим открытием, Таня вскочила с постели и стала одеваться. Она отправилась на Градоначальницкую, даже не выпив чаю. Конечно, она не знала адреса. Ей не хотелось расспрашивать Изольду, мучить ее тяжелыми воспоминаниями. Таня решила, что и так найдет. Если о страшном аптекаре-колдуне до сих пор помнят, и о нем ходят легенды, то наверняка местные жители должны знать, где была знаменитая аптека!

Градоначальницкая шла под уклон, и идти по этой улице было достаточно тяжело. Как и большинство улиц в Одессе, особенно в районе Молдаванки, она не была замощена камнями, и мостовая вместе с тротуаром сейчас представляла собой то жидкую, то застывшую грязь.

Накануне шел дождь, достаточно обильный. И теперь ноги Тани в щегольских, модных ботинках разъезжались в жидкой грязи. Тем не менее, она шла быстро, ее вела вперед цель, появившаяся у нее. А чутье, никогда не обманывающее в таких ситуациях, подсказывало, что она находится на верном пути.

Таня вспоминала все, что рассказывал об этой улице раввин. Когда-то Градоначальницкую называли Водовозной, так как по ней в бочках возили воду в город, в верхние районы, куда вода не поступала.

Таня представляла себе, какой это был тяжелый труд. Как везти тяжелые бочки в подводах по такой грязи, когда разъезжаются копыта лошадей? Извозчиков можно было только пожалеть, и она с содроганием подумала о том тяжелом времени, когда здесь не проезжали автомобили, — их попросту не было, а запасы воды в городе зависели от выносливости лошадей!

В 1923 году Градоначальницкую переименовали в улицу Перекопской победы. Но никто из старожилов города ее так не называл. Улица эта вообще имела интересную историю. Первоначально она вела прямо к Дюковскому саду — к даче Дюка де Ришелье. Это было красивое место — правда, постепенно оно приходило в упадок. О даче Ришелье всегда рассказывали страшные легенды: именно там было расположено больше всего открытых входов в катакомбы.

Чаще всего говорили о людях, которые проваливались под землю и больше никогда не выходили на поверхность. Но такие легенды рассказывали почти о каждом районе города, ведь вся Одесса стояла на катакомбах.

Сначала, еще в XIX веке, улица называлась Градоначальничья, однако позже название изменили на Градоначальницкую — и оно как-то сразу понравилось больше.

В общем, идя по этой исторической улице, Таня дошла до Старопортофранковской, спустилась два квартала вниз и остановилась на пересечении Градоначальницкой и Южной. Кого же спросить? Район был бедный, здесь не было нэпманских лавок, да они, похоже, здесь были не нужны.

Решив положиться на свою удачу, Таня вошла в первый попавшийся двор. Там она сразу увидела пожилую женщину, которая подметала крыльцо.

— Доброе утро! — вежливо поздоровалась Таня. — Вы не подскажите, где здесь, на Градоначальницкой, была аптека Хаима Берковича?

— Так ее уже давно нет, — женщина с облегчением опустила растрепанную метлу и с интересом уставилась на Таню.

— Я знаю. Просто я хотела узнать номер дома.

— Я слышала о нем. Но я поселилась здесь всего три года назад, и тогда аптеки уже не было... Хотя подождите! Сейчас!

Воинственно подняв метлу, женщина заколотила ее черенком в деревянную пристройку над вторым этажом, откуда почти сразу же высунулась лохматая голова, похоже, все же дамская.

— Шо? — хрипло спросила голова.

— Фира, узнай у маман, где была аптека Хаима Берковича. Тут дамочка спрашивает.

Голова нырнула назад, затем почти сразу вынырнула обратно:

— Так за него давно нету! А за шо дамочке старого колдуна?

— Надо! — крикнула Таня.

— Так идите взад до Старопортофранковской. Как дойдете до хибары Мони Сапожника, чей двоюродный брат мамашиных курей гонял, так до через две тютельки и дом в углу будет, де той колдун жил. Или как?

Таня вежливо поблагодарила всех и ушла в твердой уверенности, что только коренной житель Одессы разобрал бы из этой речи то, что аптека находилась в доме на углу Старопортофранковской.

В угловом доме на первом этаже со стороны Градоначальницкой действительно располагалась какая-то лавка. Но она была закрыта, а вывески над ней не было. Судя по ржавому замку и пыли на ставнях, закрыта она была уже очень давно.

Что же теперь? Таня остановилась в растерянности. Ей почему-то казалось, что аптека была имен-

но здесь. Вздохнув, она отправилась искать вход во двор.

Она обнаружила его как раз в двух шагах от закрытой лавки. Это был самый обыкновенный жилой двор — правда, чуть понарядней и не так застроенный трущобами.

Таня вошла внутрь. Коты, сразу несколько, в подъезде и на крыльце, косо посмотрели на нее. Очевидно, она не внушила им опасений, поэтому они не двинулась с места.

Вдруг стукнула, с грохотом открываясь, дверь на первом этаже. Оттуда выглянула старуха в папильотках.

— И шо? — спросила она, постаравшись придать лицу строгое выражение.

— Доброе утро, — Таня была настроена вежливо. — Вы мне не подскажите... Я ищу бывшую аптеку Хаима Берковича. Где она находилась?

— Так ты вже пришла, — ответила старуха. — Запертую лавку на углу видела? Тамо!

— Она давно закрыта?

— Шо? Аптека или за той холоймес, шо там был?

— Аптека, конечно.

— Как старик помер. Не с того же света ему гешефт открывать? — искренне удивилась старуха.

— Хаим Беркович умер? А как? — начала Таня осторожно.

— Эй, а за шо я буду с тобой откровенничать? — Старуху не так легко было провести. — А вдруг ты из гепеу. И шо я буду с этого иметь?

— Договоримся, если вы его знали, — Таня насто-роженно смотрела на собеседницу.

— Его-то? — хмыкнула та. — Шоб мне так жить, как за него не знать! Я тут родилась, тут и помру. Берковичи уже въехали, как я за тут жила столько лет!

— Значит, вы многое о них знаете?

— Усё! — Старуха хитро покосилась на нее блестящим глазом. — А шо я буду с того иметь, если тебе расскажу?

— Вот, — Таня вынула из сумочки деньги и показала, — достаточно будет?

Старая, покосившаяся, почти вросшая в землю дверь распахнулась и на пороге появилась старуха, она странно хрюкнула и так быстро выхватила деньги из руки Тани, что та не успела и опомниться. На старухе был длинный, до самого пола, засаленный байковый халат и пуховый платок, перевязанный крестнакрест на груди. Но Таня вдруг подумала, что она на самом деле моложе, чем выглядит.

— Лавку видишь? — Старуха ткнула костлявым пальцем в покосившуюся скамейку под стеной. — Садись, — приказала.

Таня покорно села. Охотничий азарт в ее душе бушевал всюю. Старуха начала.

— Много годков прошло, как Берковичей уже нет. Двадцать девятый сейчас? Вот, десять лет ровно. Померли они все аккурат в девятнадцатом году.

— Отчего померли? — перебила ее Таня.

— Э, ты не перескакивай, як блоха со сковородки! — возмутилась старуха. — Ты за начало все слушай.

— Говорите, — покорно согласилась Таня.

И старуха начала свой рассказ. По ее словам выходило, что семейство Берковичей пользовалось плохой славой, люди считали Хаима колдуном. Однако аптекарь он был отменный и хорошо разбирался в травах.

Да и человеком был не жадным — с бедняков денег не драл, а соседей лечил вообще за просто так, бесплатно. Может, потому, что был очень богат. А разбогател он на абортах, которые тайком делал всем в Одессе. Причем использовал он травы. А что за травы — никто не знал.

Помогала Берковичу во всем его жена Сара. Именно она присматривала за девушками и разносила снадобья. Вообще у них была большая семья: сам Беркович, его жена Сара и пятеро детей — две дочери и три сына.

Но, по словам любопытной соседки, в семье их была одна очень большая проблема. И этой проблемой стала его старшая дочь Ривка.

Ривке Беркович исполнилось восемнадцать лет, и она была красавицей. И не просто красавицей, но

и очень хорошо образованной. Так как у Берковича были деньги, с Ривкой занимались на дому лучшие учителя, отец не скупился на ее образование. И жениха ей подобрали из образованных, все как положено, договорились семьями.

Но мир не видел более своенравного и злобного существа, чем Ривка! С самого детства в ней проявлялись плохие наклонности: она наушничала, подслушивала. А затем принялась воровать. Напрасно Хаим пытался повлиять на свою дочь, даже нещадно порол ее — все безрезультатно: Ривка связалась с уличным бандитом с Молдаванки и ушла из дома в банду.

Правдами и неправдами несчастному Берковичу удалось вернуть старшую дочь домой. Но позор был неслыханный. Впрочем, свадьба расстроилась не из-за поведения Ривки, а из-за того, что ее жених внезапно умер. Говорили, что его кто-то убил. А потом...

Потом случился 1919 год, и в город вошли банды атамана Григорьева. И начались еврейские погромы. Прокатился погром и по Градоначальницкой.

Спрятаться Берковичам было негде — квартира их располагалась здесь же, в доме, за аптекой. Несмотря на то что Хаим как мог помогал соседям — бесплатно лечил и давал лекарства, никто не захотел спрятать его семью. Все в округе боялись его и считали колдуном.

Погромщики ворвались в аптеку и убили всех — Берковича, его жену и четверых детей. Единственной, кто выжил, была Ривка. Ее ранили, но не убили. К месту погрома прибежал любовник Ривки, бандит, и на руках отнес ее в Еврейскую больницу. Что случилось дальше с Ривкой, словоохотливая соседка не знала. На Градоначальницкую она больше никогда не вернулась. Скорей всего, умерла в Еврейской больнице. Тогда при таких ранах сложно было выжить. Погромщики били насмерть, всех — стариков, женщин, маленьких детей. Так закончил свою жизнь колдун Хаим Беркович, легенды о котором до сих пор ходили на Градоначальницкой.

— Он точно умер? — нахмурилась Таня, не ожидавшая такого поворота событий.

— Сама его в гробу видела, — закивала головой старуха. — Они вон там, посреди двора в гробах лежали... Все шестеро.

— Значит, Ривки в гробу не было, — уточнила Таня.

— Не было. Она ж была в больнице.

— А что за бандит был, в которого влюбилась Ривка?

— Звали его... Дай бог памяти... Кажись, Грабарь. Да, точно, Ванька Грабарь. Беркович был в бешенстве. Мало того, что уголовник, бандит с Молдаванки, так еще и русский! Отец же ж ей хорошего жениха нашел, друга семьи. Так эта фифа такое вот учудила!

— А как жениха звали?

— Да откуда ж мне знать? — удивилась старуха. — За бандита запомнила, потому как за то Беркович по всему двору кричал! А за жениха ни слова.

Таня поблагодарила ее, и ушла с Градоначальницей, чувствуя, как некая картина все же вырисовывается у нее в голове.

Грабарь... Это имя было ей знакомо. Когда-то она знала одного Грабаря, она его видела, было это еще во времена банды Корня. В нее просился некий Грабарь, но Корень его не взял, потому как ходила о нем дурная слава, что своих грабил. В памяти Тани всплывало мрачное бородатое лицо туповатого, всегда пьяного типа. Неужели это был он? Станный предмет любви для молодой девушки! И тогда ему было уже под тридцать, то есть он был намного старше Ривки.

Обдумывая все услышанное, Таня шла еще к одной своей цели. Сделать это она задумала утром, после визита на Градоначальницкую. Это было другое направление ее расследования. Но Таня знала, что должна это сделать.

Адрес ей уже давно дал Володя. И сейчас Таня должна была поговорить с квартирной хозяйкой, у которой снимала комнату проститутка Светулик.

Идти пришлось недолго. Вскоре Таня позвонила в одну из дверей на Молдаванке.

Несмотря на угрозы Петренко, хозяйку комнаты никто в тюрьму не упек. Очевидно, у нее были серь-

езные связи или она сумела откупиться — в те годы так делали многие. Продержав пару суток в милицеском отделении, допросив как следует по всем статьям, хозяйку выпустили, и она продолжила заниматься тем, что делала и раньше — сдавать комнаты. Именно с ней и собиралась поговорить Таня.

Она нажала кнопку звонка, и тут на пороге возникла женщина, по которой было видно, что для своих лет она заметно молодится. Однако короткое платье в обтяжку, ярко-рыжие волосы и вульгарно накрашенное лицо делали ее еще старше. Это и была вдова знаменитого большевика, после выхода из милиции решившаяся обновить облик.

— Тебе чего? — без обиняков хмуро спросила она.

— Комнату хочу у вас снять, — сказала Таня, — говорят, вы сдаете.

— А... Ну проходи, — сменила гнев на милость квартирная хозяйка, пропуская ее в узенькую и очень тесную прихожую.

— Смотри, что у меня есть, — дама принялась описывать варианты, и Таня честно слушала минут десять, ни разу ее не прервав. Хозяйка хвалилась долго, рассказывая, что все ее комнаты даже убирает специально нанятая уборщица.

— А правду говорят, что в одной из ваших комнат девушку убили? — вдруг выпалила Таня, когда дама остановилась перевести дух.

— Да то такое... — махнула она рукой. — Большевики ту комнату опечатали. Не за нее речь.

— Говорят, дружок ее это сделал, — продолжала Таня, переходя на доверительный тон. — Или тот знатный хахель, шо до нее ходил?

— Шо — знатный хахель? — насторожилась хозяйка.

— Я тут подругу ее знавала, так она сказала, шо до нее иностранец ходил, — так же доверительно тихо сказала Таня.

— Какой там иностранец! Та наш! — воскликнула хозяйка.

— Как наш? — изобразила Таня удивление. — А подруга казала, шо то немец, потому она так его и скрывала.

— Не, не немец! Чекист, — ухмыльнулась хозяйка. — Ну, этот хахель хоть и был заезжий, но ни до кого больше не придет.

— Как за то — не придет? — снова удивилась Таня.

— Убили его. Башку отрезали, во как, — сказала хозяйка. — А ты шо, не слышала? Весь город говорит!

— Да вы шо! — всплеснула руками Таня. — Тот самый? Кажись, Сандольский его фамилия? Он с той девчонкой жил?

— Он самый, — подтвердила хозяйка, — да был заезжий. Появлялся наездами. Приехал, говорил, из

Киева. Она как ждала его, так всех выгоняла. Она мне сама за то говорила. Он денег ей давал, щедрый был. И комнату ей снимал.

— А вас эти ироды в милиции не измучили за то? — спросила Таня.

— Так разве за то им кажу? Им — жисть не сказала бы! Так и заявила: не знаю, мол, хахеля! А подружке девчонки чего не рассказать?

— Да уж... Такой хахель... И убили его?

— Убили. Наверняка за то, за что и девчонку. Ну, не наш то базар. Меньше знаешь, спишь как-то спокойней.

Договорившись с хозяйкой, что на днях придет посмотреть комнату и принесет деньги, а также узнав имя уборщицы, Таня исчезла из ее жизни навсегда.

Собственно, ради этого она и шла к хозяйке комнаты, где была убита проститутка Иванько. Таня догадывалась о чем-то подобном, ну а теперь имела четкие тому подтверждения. Убитый сотрудник ОГПУ имел связь с Иванько, поэтому оба были убиты одним и тем же способом и явно одним и тем же человеком. Был ли Сандольский тем, ради которого Иванько участвовала в краже меноры?

А если предположить, что Сандольский тоже каким-то образом имел отношение к похищению меноры? Предположение, конечно, невероятное. Но что, если это так?

Погруженная в свои мысли, Таня быстро шла к дому. Как вдруг остановилась возле самого подъезда, будто вкопанная — дорогу ей преградила знакомая фигура. Да такая, что у нее просто перехватило дух! Этого человека Таня ожидала увидеть меньше всего на свете. И от неожиданности, которая, как мокрый снег, буквально свалилась ей на голову, она растерялась. А такое происходило с ней очень редко. Можно сказать, никогда.

— Привет. Тебе понравились мои цветы? — Ей навстречу шагнул Григорий Бершадов, Мишка Няга: изменившийся, укоротивший волосы, это был он...

— Разве цветы прислал ты? — спросила Таня, чувствуя легкий укол разочарования. Какой же иллюзией оказался ее самообман!

— Да, я. Тебе они понравились?

— Как ты узнал, где я живу теперь? — нахмурилась Таня.

Бершадов молча распахнул длинное пальто. Под ним оказалась форма сотрудника ОГПУ.

— Ну и что с того? — она продолжала хмуриться.

— Я возглавляю один очень секретный отдел ГПУ, — пояснил Бершадов, — так что мало что может быть тайной для меня, гражданка Ракитина, которой был выдан ордер на комнату по улице Пастера.

— Зачем ты пришел? Ты же написал, что мы больше никогда в этой жизни не встретимся! Вроде так? — припомнила Таня.

— Я ошибся. В жизни все меняется, и поэтому неправильно употреблять слово «никогда». Ты не рада меня видеть?

— Не знаю, — Таня пожала плечами, сама не понимая, что она теперь испытывает.

— Я приехал расследовать убийство в вашем городе, — серьезно сказал Бершадов. — И некоторое время буду здесь.

— Валентин Сандольский? — догадалась Таня.

— Не сомневался в тебе! — Мишка, для нее он был Мишка, улыбнулся, в глазах его заплясали звезды, те самые, в которые Таня была когда-то влюблена.

— Ты не пригласишь меня к себе? — спросил он прямо, и Таня не выдержала. Взяв за руку, она повела его за собой.

ГЛАВА 22

Предложение Бершадова.

Что рассказал доктор Петровский.

История еврейских погромов

Таня отворила тяжелую дверь кабинета доктора Петровского в Еврейской больнице, ничуть не изменившейся за много лет. Миловидная сестра оторвала глаза от стола, заваленного карточками.

— А доктор на операции, — приветливо улыбнулась она.

— Это долго ждать, наверное? — спросила Таня.

— Вовсе нет! Они начали еще с утра. Так что еще полчаса максимум, и закончат. Вы можете подождать здесь.

— Спасибо, но я посижу в коридоре, — Таня вышла, аккуратно, как хрустальную, прикрыв дверь, бывшую свидетельницей стольких событий ее жизни.

Она села в коридоре на длинную лавку и прислонилась к холодной стене, прикрыв глаза. Вернуться сюда означало вновь шагнуть в свой страх. Но Таня делала это специально, так она старалась выжить. Но, к ее огромному удивлению, в душе ее не было ничего — ни мучительных воспоминаний, ни жестокой боли. Все ее мысли были о Григории Бершадове, и Таня была благодарна ему за это.

Какая сила вновь бросила их в объятия друг друга? Таня поражалась, как быстро все произошло вновь.

Как, едва оказавшись в ее комнате, за закрытой дверью, их просто притянуло друг к другу с такой невероятной скоростью, что они и сами не заметили, как стали срывать друг с друга одежду. Правда заключалась в самом простом: Таня всегда любила Мишку Нягу и мучительно скучала по нему. Но, не желая признаваться в этом самой себе, делала вид, что его не существует на свете. Теперь же, когда он вновь оказался рядом — его горячее мускулистое тело, огненные чертики в пламенных темных глазах, — Таня снова бросилась в эту страсть. Так бросаются в головокружительный омут, чтобы разом навсегда покончить со всей прошлой жизнью. Бросаются, даже не надеясь достать до дна.

Позже, когда они лежали в кровати, тесно прижавшись друг к другу и натянув теплое цветастое одеяло до самых подбородков, Таня все пыталась понять — реальность это или затянувшийся сон.

Закурив, Григорий одной рукой обнял ее за плечи, а другой держал сигарету с такой барской небрежностью, которая сразу выдавала его происхождение. Таня подумала: почему раньше, когда он был еще Мишкой Нягой, она в упор не замечала таких мелочей? Ведь сигареты полностью его разоблачали: они были дорогими, контрабандными, стоили немало. А это означало, что дела Бершадова идут совсем не плохо, если он может позволить себе так шиковать.

Искоса, исподтишка Таня рассматривала Григория, пытаясь понять, насколько он изменился, ведь на первый взгляд эти изменения не так просто было разглядеть.

Конечно, он обрезал волосы, лицо его стало обветренным, более суровым, да и фигуре добавилось коренастости, кряжистости, но было это не самым важным. Еще больше, чем прежде, Григорий производил впечатление невероятно закрытого человека. И если мысли Володи Таня читала с такой легкостью, словно он произносил их вслух, то мысли Бершадова были закрыты для нее, словно звучали по-китайски.

Было абсолютно невозможно понять, когда он говорит искренне, а когда лукавит. Перед ним словно

бетонная стена стояла, и Тане подумалось, что это может быть обусловлено его службой. А еще она поняла, что Бершадов легко и быстро продвинулся по служебной лестнице на самый верх. Впрочем, Таня никогда не сомневалась в его способностях. И даже не зная еще истории его жизни, она всегда верила в то, что он способен на большее — так же, как и в то, что он не тот человек, за которого себя выдает.

— О чем ты думаешь? — вырвалось у нее, и она тут же укорила себя за это. Но Бершадов не рассердился:

— Хорошо тут у тебя. Спокойно, тихо.

— Ты к такому не привык?

— Нет, — Бершадов покачал головой, — мне редко выпадали свободные минуты.

— Но в карьере ты продвинулся.

— Ты даже не представляешь себе как, — в этих словах Тане вдруг почудилось что-то зловещее, и она сразу замолчала, как будто ее ударили.

— Я приехал за тобой, — сказал он.

— Это неправда, — сразу парировала Таня. — Ты приехал расследовать убийство Сандольского.

— И это тоже, — пожал плечами Мишка.

— Но я тебе ничего не скажу.

— А я тебя ни о чем и не спрашиваю.

— Ясно. Ты ведь знаешь, кто его убил, правда?

— Я догадываюсь. В этом деле все не так просто, как кажется на первый взгляд, — сказал Бершадов, искоса глядя на Таню.

— Зачем ты действительно приехал? — снова вырвалось у нее.

— Это сложно объяснить. Дела... Да, это правда. Я следил за Сандольским, за его наездами в Одессу. Это моя работа. В ней очень много такого, о чем я не могу тебе рассказать. Думаю, и ты скоро поймешь, кто убил этого пьяного клоуна...

— Ты о чем? — Таня так удивилась, что даже не смогла этого скрыть.

— Ты на правильном пути. Я знаю. Тебе осталось еще несколько верных шагов. Это в том, что касается дел. Но есть еще кое-то... Я так и не смог тебя забыть.

— Это неправда, — Таня была настроена скептически.

— Правда, даже если ты не хочешь меня слушать. Поэтому я предлагаю тебе уехать со мной. В Москву.

— Зачем? — вырвалось у нее. — Что я буду там делать?

— А что ты будешь делать здесь? Я знаю, тебя больше ничего не держит. Ты словно застряла между двух миров. Одной ногой ты в прошлой жизни. Там все, что ты любила, что сделало тебя такой, как ты сейчас. А другой ногой ты пытаешься залезть на подножку новой жизни, но срываешься и падаешь — каждый раз. Не получается у тебя это. И никогда не получится. А потому тебе надо серьезно подумать, как жить дальше. Если бы была жива твоя дочь, я за-

брал бы и ее с собой. А так я хочу увезти тебя. Подумай серьезно.

— В качестве кого я поеду в Москву? — спросила Таня, в горле которой вдруг встал горький комок.

— В качестве моей жены.

— Ты делаешь мне предложение?

— Пока нет. Еще рано. Но если ты согласишься поехать со мной, я его сделаю.

— Я не хочу туда ехать. Я ненавижу Москву! Это мерзкий город, и люди там мерзкие... — вырвалось у Тани.

— Если ты будешь со мной, все эти мерзкие люди будут ходить перед тобой на задних лапках, — улыбнулся Бершадов.

— Я должна подумать... — она чувствовала себя какой-то потерянной.

— Подумай. Время у тебя еще есть, — Бершадов снова притянул ее к себе, и больше ничего не существовало в целом мире. Только огромное небо, полное огненных чертей, которые сыпались на Таню прямоком из его глаз.

Бершадов ушел из ее квартиры через сутки. И за все это время Таня даже не вспомнила об убийствах, диббуке, меноре и обо всем том, что до того момента составляло ее жизнь...

Оторвавшись от холодной стены в коридоре Еврейской больницы, Таня все еще думала о Григории

Бершадове, который подсознательно жил в ее душе все это время.

В коридоре выросла фигура доктора Петровского. Старик приветливо замахал ей рукой. Таня вздрогнула, увидев, как сильно он постарел.

Тяжелая работа не красит никого, а работа в больнице была сплошным испытанием — не хватало лекарств, перевязочных материалов, инструментов. Но, несмотря на все трудности и на свой возраст, доктор Петровский продолжал оперировать, все еще спасал людские жизни.

— Танечка! — он подошел к ней. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, со мной все хорошо. Я не на прием.

— Тогда что? — Старик лукаво прищурился.

— Я ищу одного человека. Он лежал в больнице недавно. Может быть, вы сможете мне помочь?

Доктор пригласил ее в кабинет. Медсестра уже ушла. Петровский включил керосинку, поставил чайник.

— У меня была очень тяжелая операция. Нужно отдохнуть. Вы не откажетесь выпить со мною чаю?

— Это удовольствие для меня!

Таня сказала правду. На ее душу вдруг снизошло давно забытое чувство покоя и какого-то домашнего уюта. Отодвинув в сторону карточки, доктор аккуратно разложил на столе чистую белую тряпицу.

На этой своеобразной скатерти появились сахар, белый хлеб, даже сыр.

— Пациенты балуют, — улыбнулся он, нарезая драгоценный сыр тоненькими ломтиками, аппетитно поблескивающими в тусклом свете пасмурного весеннего дня. Несмотря на то что стояла уже середина апреля, дни были дождливые и холодные, и солнце редко баловало своим живительным светом одесситов, которые не могли без него жить.

— Доктор, вы помните 1919 год? — прямо спросила Таня, когда с бутербродами и чаем было покончено.

— Помню, — кивнул Петровский, — это было всего 10 лет назад.

— Вы помните еврейские погромы, которые устроили банды Григорьева, как только вошли в Одессу?

— Помню, — лицо доктора стало мрачным и печальным, — хотя хотел бы забыть.

— Тогда в больнице было много тех, кто пострадал в погромах...

— Очень много людей заносили все время. Мест не было, и мы оставляли их в коридорах. Я и мои помощники сбивались с ног. Но многим медицинская помощь уже была не нужна. Это было страшное время.

— Вижу, помните, — кивнула Таня.

— Не только людей, — Петровский погрузился в воспоминания. — В одну из палат мы сваливали

вещи — имущество убитых, которое валялось прямо на улице. Вещей было так много, что мы решили выделить для этого отдельное помещение. Люди потом ходили и искали свое в этом страшном складе. Помню, в первый день, как только начались погромы, вещи убитых сваливали в кучу прямо во дворе больницы... Люди приносили их с улицы. Эта жуткая картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Детские игрушки, забрызганные кровью, альбомы с фотокарточками, женские платья, посуда, уже превратившаяся в осколки... Это было так страшно... Вот именно это я почему-то запомнил отчетливее всего.

— Что должно было так лишить разума толпу, вдруг превратившуюся в бессмысленных, жестоких убийц? — прошептала Таня. — У меня просто не укладывается все это в голове! Бессмысленная жестокость...

— Бессмысленная жестокость, Танечка, всегда за гранью рассудка, — печально произнес доктор Петровский.

— В тех погромах погибли мои друзья, — с горечью сказала Таня, — я помню, как спасала свою подругу... Неужели такое снова может повториться?

— Никто не ответит на этот вопрос. Если б было на земле какое-то волшебное средство, останавливающее ненависть одних людей к другим... Но его не существует.

— Эти люди, пострадавшие в погромах и доставленные в Еврейскую больницу... Они записывались где-то? — спросила Таня.

— Мы просто узнавали фамилию и писали в конторских книгах. Чтобы люди могли найти своих родных. Кого же ты ищешь?

— Молодую девушку. Ее звали Ривка Беркович. Вся ее семья погибла в погроме. Но она осталась жива.

— Сейчас посмотрим, — доктор Петровский подошел к большому шкафу, — здесь должны быть эти книги.

Он достал нужный том и некоторое время водил пальцем по строчкам.

— Я специально эти книги у себя сохранил, — пояснил Петровский, — чтоб было для истории... Вот. Есть такая. Ривка Беркович, 18 лет. Была доставлена Градоначальницей...

Он обернулся к Тане:

— Вы не поверите, но я помню эту девушку. Вы удивитесь, что я ее запомнил, но такие вещи остаются в памяти. Очень красивая. Очень странная и злая. Она совершенно не переживала из-за гибели своей семьи. Но все время сокрушалась из-за пропажи каких-то вещей. Постоянно ходила и везде искала — во дворе, и потом, когда мы уже сделали склад.

— Что она искала, что ее интересовало? — затаила дыхание Таня.

— Вещи из дома своего отца. Кажется, он был аптекарем... Или врачом... Нет, точно аптекарем. Она несколько дней еще потом приходила.

— Значит, она не умерла?

— Конечно нет. Как оказалось, раны у нее были несерьезные — так, несколько ушибов. Поэтому через пару дней она ушла.

— Вы не знаете, где она сейчас?

— Понятия не имею! — доктор Петровский развел руками. — Помню, как она ходила за вещами. Искала, рылась... Злилась по этому поводу. А потом перестала приходить. И больше я ее никогда не видел.

— А вы не помните, к ней кто-то приходил, пока она лежала в больнице?

— Вот это я уже не могу вам сказать. Как раз такие моменты и выпадают из памяти. Если бы не вещи, которые она искала и из-за которых сердилась, я бы ее и не вспомнил. Просто она вела себя не так, как все остальные. Люди больше всего переживали из-за людей — за своих родных, родственников... На вещи и внимания не обращали! А эта — наоборот. Такое вот врезается в память. А вот все остальное...

Из Еврейской больницы Таня выходила, чувствуя, как в ее сознании уже вырисовывается достаточно четкая картина. Конечно, целиком она строилась на догадках и домыслах, но Таня уже начинала понимать, что произошло.

Разговор с доктором Петровским натолкнул ее на одну из самых жутких страниц в истории Одессы — страницу еврейских погромов. Таню вплотную коснулся ужас происходящего, но тогда она еще не осознавала масштаба и размера трагедии. Задумалась об этом только сейчас.

Наиболее кровавые и разрушительные погромы происходили в годы гражданской войны в Украине в 1918 — 1921 годах. По различным оценкам, погибло от 70 до 200 тысяч евреев. Около 300 тысяч детей остались сиротами. Более чем в 700 городах, местечках и деревнях вся еврейская собственность была разграблена и уничтожена.

Это были невероятно широкие масштабы убийств и разрушений. Самым ужасным было то, что во многих местах погромщикам в течение длительного времени принадлежала вся власть, а значит, на них не было никакой управы.

Особый характер погромов был описан в меморандуме еврейских общин, представленном генералу Деникину: «Во всех местах произошло и сейчас происходит более или менее окончательное уничтожение еврейского населения».

Весной 1918 года погромы под лозунгом «Бей жи-дов и буржуев» устраивали отряды Красной армии, отступавшие из Украины. А в декабре 1918 года, после установления в Украине власти Директории во главе с Симоном Петлюрой, погромы возобновились.

Один из самых крупных погромов был учинен полком имени Петлюры в городе Сарны. С декабря 1918 года по август 1919-го петлюровцы устроили десятки погромов, в ходе которых было убито около 50 тысяч человек.

Крупнейший погром произошел 15 февраля в городе Проскурове (позже Хмельницкий), где после неудачной попытки большевистского переворота регулярные отряды петлюровской армии по приказу своего командующего атамана Семесенко за четыре часа вырезали 3650 евреев. При этом было категорически запрещено грабить. Можно было только убивать.

В правительстве Центральной Рады существовало Министерство по еврейским делам, которое возглавлял А. Ревуцкий. Однако правительство не имело никакой реальной власти, вся власть находилась в руках группы атаманов, настроенных крайне антисемитски, игравшей основную роль в организации погромов. Никого из погромщиков никогда не наказывали.

В 1919 году большую роль в гражданской войне в Украине стали играть многочисленные крестьянские банды. Их главари Григорьев, Струк, Тютюнник, Зеленый, Козырь-Зирка, Соколовский и другие ненавидели евреев и при любой возможности устраивали погромы.

Весной 1919 года атаман Григорьев издал «Универсал», в котором открыто призывал к полному унич-

тожению евреев. После этого число погромов резко возросло. Цифры шокировали.

В Елисаветграде отряды Григорьева уничтожили 3000 евреев, в Черкассах — 1700 человек, в Радомышле — 700 человек. В Погребище банда Зеленого уничтожила 600 человек, в том числе 400 женщин. Убийства сопровождалась жестокими истязаниями и повальными грабежами. Часто атаманы, входя в город или местечко, требовали от еврейских общин громадных контрибуций. А когда деньги были уплачены, бросали свое воинство на резню.

Некоторые банды продолжали действовать до 1921 года, уже после установления советской власти.

Осенью 1919-го и зимой 1919 — 1920 года большинство погромов было учинено войсками Деникина. Почти в каждом занятом белогвардейцами населенном пункте все еврейское население подвергалось систематическому ограблению, причем грабежи и убийства повторялись многократно. А при отступлении Добровольческой армии погромы приобрели особенно ожесточенный характер.

В Украине действовало сразу несколько противоборствующих сил: петлюровцы, Добровольческая армия, Красная армия, крестьянские банды, анархисты во главе с Нестором Махно. Все эти силы в большей или меньшей степени участвовали в погромах.

В ряде случаев погром, начатый одной из сражавшихся сторон, тут же продолжали войска другой.

Хотя сам Деникин считал погромы бессмысленными и понимал, что они разлагают армию, он сам и его подчиненные не принимали почти никаких мер для их предотвращения или прекращения. Официальное информационное осведомительное агентство (Осваг) и многие органы печати на территории, занятой Деникиным, вели пропаганду погромов, распространяя лживые сведения об особых еврейских частях, якобы сражающихся в составе Красной армии.

Отдельные и очень редкие мероприятия против погромов проводились только для того, чтобы успокоить общественное мнение Англии и Франции, ведь именно отсюда Добровольческая армия получала помощь.

Представитель Англии при штабе Деникина требовал прекратить погромы, угрожая тем, что иначе Добровольческая армия потеряет поддержку всей Европы. Благодаря такому давлению иностранных государств погромов не было на территории Сибири, где действовали войска Колчака. Он не допускал погромов, понимая, что они могут разложить его армию и произвести плохое впечатление на США, откуда шла помощь.

В ряде населенных пунктов Украины активно действовали отряды еврейской самообороны. В не-

которых случаях им удавалось отразить нападения погромщиков. Еврейская милиция способствовала предотвращению еврейских погромов в Одессе. Однако чаще всего отряды самообороны не могли противостоять гораздо более многочисленным и хорошо вооруженным погромщикам.

По мнению историка Олега Будницкого, в 1918 — 1920 годах в Украине в 1300 населенных пунктах произошло свыше 1500 еврейских погромов. Было убито и умерло от ран около 200 тысяч евреев.

Многие историки считают, что погромы в первую очередь были порождены анархией, царившей в результате гражданской войны, и проходили чаще всего при молчаливом одобрении, а иногда и при активном участии местного нееврейского населения. А общее проведение противопогромной политики было непоследовательным. Общий приказ, осуждающий и запрещающий погромы, был издан лишь 23 января 1920 года, когда белое дело было уже фактически проиграно.

Очень страшные факты о еврейских погромах существуют именно об армии Григорьева. Сохранилось множество документальных источников, рассказывающих чудовищные вещи.

Так в общине Нехар Тов в Херсонской области начался погром после того, как гарнизон армии Григорьева расположился неподалеку. Вечером того же дня бойцы Григорьева блокировали дома евреев, грабя

и убивая их обитателей. Всего было убито 322 человека. Многие были смертельно ранены. Изнасилованиям и надругательствам подверглись все еврейские женщины общины в возрасте от 12 до 75 лет... Насильники особенно ценили девочек-подростков до 14-ти...

ГЛАВА 23

*Неудавшийся диктатор.
Бойня, устроенная григорьевцами.
Имя невесты. Мода 1929 года*

Удаляясь от Еврейской больницы по Госпитальной, Таня думала о своем разговоре с доктором Петровским. Оба они были живыми очевидцами того ужасающего погрома, который устроили григорьевцы, едва вошли в Одессу. Таня вспоминала, как мельком несколько раз видела знаменитого атамана и какое отталкивающее впечатление произвел он на нее тогда.

Это был крепкий, приземистый человек, который говорил в нос, грубый, самонадеянный, с некрасивым, тупым лицом, чаще всего пребывающий в лег-

ком подпитии, с фиолетовыми, массивными мешками под глазами.

Петровский рассказал Тане, как он впервые узнал о том, что начался погром. В приемный покой больницы принесли умирающую беременную женщину. Череп ее был раскроен, она находилась без сознания. Вздувшийся живот был исполосован ножом. По-видимому, от шока и боли у женщины начались роды. Головка младенца уже вышла наружу. Но, так как некому было ему помочь, младенец задохнулся в родовых путях, обмотанный пуповиной. Как самый жуткий кошмар Петровский вспоминал крошечное, синюшнее личико этого маленького человека, который так и не увидел дневного света...

Человек исключительной душевной доброты, врач с большой буквы, гуманист, Петровский на всю жизнь сохранил веру в доброту, в человека, в гуманистические идеалы. Он был так потрясен тем, что увидел, что никак не мог понять: кто сделал такое с беременной женщиной? Разве в мире может существовать святыня большая, чем живот женщины, ожидающей ребенка? Истязаний женщины, которая готовилась стать матерью, не было в картине мира доктора Петровского...

Тогда люди, которые принесли несчастную — это были два грузчика, разговаривающих по-украински, — рассказали доктору, что начался еврейский погром. Женщина и ее семья жили неподалеку, на

Раскидайловской. Погромщики напали на них и всех убили. Увидев, что бьют беременную, грузчики вмешались и отбили женщину у погромщиков. Принесли сюда.

Женщина умерла на руках у доктора Петровского. Раны, которые ей нанесли, были несовместимы с жизнью. А потом начался ад.

Окровавленные, избитые люди заполняли двор Еврейской больницы. Они несли на руках таких же окровавленных детей. Трое суток персонал больницы не уходил домой. Но спасти удалось лишь немногих. 1919 год остался в памяти доктора Петровского так же, как навсегда остался в памяти Тани.

И весь этот ужас устроил один человек — Григорьев. Его описывали как личность властную, хитрую и малоразговорчивую. Иногда он любил хвастаться, но делал это всегда под влиянием спиртных напитков, от которых распухал его сизый нос.

Это был неудавшийся диктатор, из которого при других обстоятельствах мог бы вырасти настоящий тиран. Погубило его дремучее невежество, антисемитизм и неверные расчеты на силу и подлость.

Заняв несколько городов на юге Причерноморья, Григорьев отправил телеграмму градоначальнику Одессы генералу Гришину-Алмазову, требуя безоговорочно сдать город. В противном случае он пообещал генералу «снять с него кожу и натянуть на

барабан». «Обкладываю Одессу и скоро возьму ее. Приглашаю всех товарищей приезжать на торжество в Одессу!» — хвастливо заявлял атаман.

До сих пор остается непонятно, как ему удалось таки взять Одессу. У него было всего 10—12 тысяч человек, а вот в городе находились 18 тысяч французских, 12 тысяч греческих, 4 тысячи белогвардейских, 1,5 тысячи польских солдат и офицеров... Силы оборонявших Одессу втрое превосходили силы Григорьева.

Но тут вмешалась судьба, приготовив случай, который стал для города трагическим. В начале апреля 1919 года во Франции пало министерство Клемансо. И первым шагом его преемников было возвращение во Францию своих военных из Украины и прекращение интервенции. Был дан приказ за три дня оставить Одессу. Это было неожиданное, внезапное бегство.

Началась эвакуация. Отряды, оборонявшие город, покинули его на французских кораблях. С ними отбыли Гришин-Алмазов. Не встретив отпора, григорьевцы победно вошли в Одессу. А ведь еще несколько дней назад войска союзников дали им два жестоких боя на станциях Раздельная и Березовка! На подступах к городу они отбили атаки атамана. А вскоре обносившееся войско Григорьева, еще не успевшее зализать раны после этих поражений, уже маршировало по улицам Одессы!

О своей «победе» над Антантой Григорьев был готов трубить всему миру. Он праздновал победу так: слушал полковой оркестр, пил вино из ведра и почти все время был беспробудно пьян. Воспользовавшись такой удачей атамана, большевики переименовали его беспорядочную банду в 6-ю дивизию 3-й украинской Красной армии.

После взятия города Григорьев заболел звездной болезнью. Он вещал: «Я победил французов, победителей Германии, один мой снаряд выбил Клемансо!» Перед народом Григорьев теперь появлялся в составе очень большой свиты. В штабе постоянно устраивались гулянки. Причем, не желая пить один, Григорьев склонял к пьянству всех присутствующих.

Бойцы же его обожали — за то, что атаман раздавал им большую часть захваченных трофеев. И официально разрешил реквизировать, или попросту грабить, личное имущество мирных граждан.

Однако очень скоро большевики поняли, что, поставив на Григорьева, они просчитались. Атаману достался самый богатый в Украине город, крупнейший порт и промышленный центр. Огромное количество продовольствия, мануфактуры, оружия, боеприпасов были доставлены в Одессу из-за границы для армии интервентов. Все это богатство не было эвакуировано, а застряло в одесском порту.

Григорьевцы принялись эшелонами вывозить это богатство в родные села, вместо того, чтобы сдать

для армии большевиков. Григорьевцы оделись в трофейное, вооружились и... объелись, в то время, как в Красной армии не хватало ни еды, ни оружия, ни амуниции.

Еще одним камнем преткновения с большевиками стали еврейские погромы, которые начались сразу, как только Григорьев вошел в город. Большевики выступали против погромов и грабежей. Атаману заявили, что хозяин в городе один — большевистский Ревком.

Последней каплей стал вывоз Григорьевым из Одессы четырех эшелонов всякого добра. Все это было направлено в херсонские села.

На совещании Одесского губкома большевиков коммунисты, военные командиры Кривошеев, Щаденко и Худяков потребовали расформировать григорьевскую дивизию и арестовать атамана. Однако сразу ничего не изменилось.

После десятидневного пребывания в Одессе григорьевцы все же покинули город, подчиняясь требованиям большевиков. Ситуация накалилась до того, что конфликт с большевиками в любой момент мог перерасти в кровавую бойню.

Лидеры большевиков засыпали центральные органы сообщениями о контрреволюционной деятельности Григорьева. К тому же уже существовали реальные доказательства, что Григорьев ведет переговоры с Нестором Махно для совместного вы-

ступления против советов. С карьерой Григорьева у большевиков было покончено.

А на одесских кладбищах продолжали хоронить тех, кто не пережил десяти дней кровавого правления атамана. Если для Григорьева отношения с большевиками были закончены, то для таких семей, как семья Хаима Берковича, была закончена жизнь.

Теперь Таня понимала слова раввина о том, что Аарону Нудельману повезло, только он этого не понимал. Это было правдой. Никто из семьи Нудельмана не пал от рук свирепых, пьяных, бессмысленных, озверевших убийц. Это было всего лишь 10 лет назад, но как свежи эти события были в людской памяти!

Думая обо всем этом, Таня быстро шла к Виноградской. Путь был не близкий. Но истина, которая все четче, все ясней вырисовывалась перед ней, гнала ее вперед и ускоряла шаг. Чтобы проверить точность своих подозрений, чтобы окончательно сложить в одно целое все фрагменты истории, Тане требовался только один факт. И она намеревалась получить его на Виноградской.

Эта улица шла под уклон, и путь по ней был не прост. Резко спускаясь вниз, улица была неудобной и скользкой даже в обычные дни. Что уж говорить о том, когда шел дождь или город заметал снег! Скажем прямо, это было не лучшее место в Одессе. И Таня попросту недоумевала, почему Аарон Нудельман столько лет прожил на этой улице, даже не попытав-

шись перебраться куда-нибудь получше, к примеру, на ту же Градоначальницкую.

Адрес Аарона Нудельмана Таня добыла довольно давно, причем сразу из двух источников. Первым был раввин, который нехотя, скрепя сердце, продиктовал номер дома. А вторым был Володя, он попросил Петренко уточнить эту информацию. Раввин не обманул, адрес был верный. Таня не понимала, почему раввин то помогает ей, то совершенно открыто не хочет сотрудничать. Но постепенно некое объяснение стало появляться из самой истории.

Необходимо было только подтвердить его, получив последний фрагмент, подходящий для того, чтобы вставить его в эту головоломку.

Дома на Виноградской были разные. Иногда попадались зажиточные, в два этажа, иногда были совсем уж жалкие, глинобитные хижины, убогие жилища бедняков. Дом Аарона Нудельмана не был ни таким, ни другим: добротный, аккуратный выбеленный известкой одноэтажный дом, он стоял в глубине небольшого садика, за таким же аккуратным зеленым забором, и производил приятное впечатление. Однако было ясно, что тут никто не живет. Окна были наглухо закрыты ставнями, а на воротах висел огромный ржавый замок.

Входить туда смысла не было. Поэтому Таня решила действовать на свой страх и риск.

Рядом с домом Нудельмана находился такой же аккуратный домик. Правда, стены у него были не белые, а голубые. Вот он как раз был обитаем. Собака в будке зашла лаем при появлении Тани. Не долго думая, Таня грохнула кулаком в ворота:

— Добрый день! Есть кто дома?

Дверь скрипнула, и на пороге появилась жилистая старуха, выглядящая лет на сто, не меньше. Однако она была довольно подвижна для своего возраста, быстро подошла к воротам.

— Вам кого? — Похоже, Таня произвела на нее благоприятное впечатление, поэтому старуха смотрела на нее без неприязни.

— Я ищу Аарона Нудельмана. Я приехала из Киева. У меня для него письмо от его двоюродной сестры Сары.

— Для Аарона? Вот уж не знала, что у него есть родня в Киеве!

— Дальняя. Сара только недавно нашла его адрес, решила написать. Вот, попросила передать, узнав, что я еду в Одессу, к своим родственникам. А он когда дома будет? Смотрю, на воротах замок. Вы не знаете?

— Ах, барышня! — старуха всплеснула руками. — Не повезло твоей Саре! Ох как не повезло! Умер Аарон.

— Умер? Да вы что?! — Таня, как могла, изобразила на лице крайнее удивление, сожаление и растерянность.

— Да уж давненько будет... Дом, вон, стоит пустой. Да раввин, говорят, кого-то в него поселит. У него ключи есть.

— Ах, какой ужас! А отчего умер?

— Убили его, говорят. Сама ничего толком не знаю, хоть всю жизнь рядом с ним прожила.

— А родственники? Сара говорила что-то о том, что у него был сын.

— Наум. Так и сын умер. Убили его бандиты. Напали здесь, на Балковской, и ножом... Беда! Бедный отец тогда сам еле в живых остался.

— Какая трагедия... Но он вроде жениться собирался, Наум. Успел? — продолжала расспрашивать Таня.

— Была такая история. Аарон хотел женить Наума на дочери своего друга.

— Близкий друг был?

— Уж куда ближе! — разоткровенничалась старуха. — По ночам вдвоем за книгами сидели, все керосин жгли. Друг его, как и Аарон, любил книги. Хоть и очень странный был. Люди говорили о нем плохое. Аптеку он держал на Градоначальницкой. Но люди не любили к нему ходить. Боялись его. И вот с дочерью его Аарон решил поженить своего сына. Плохая партия была. Все ему говорили. Не будет добра, если невеста из плохой семьи. Порченная кровь. А он упрямился — поженю, и все тут. К свадьбе уже все было готово. А аккуратно за пару дней до свадьбы на Наума напали. Да коли бы просто ограбили! Нет. Ножом

пырнули. Так и сорвалась свадьба. — Было очень похоже, что старуха с большим удовольствием рассказывает эту печальную историю.

— Ужасная трагедия, — Таня покачала головой.

— Я слыхала, что невеста не сильно шибко за ним убивалась. А звали ее...

— Я знаю, как звали невесту, — сказала Таня, — ее звали Ривка.

— Точно! Ривка Беркович. Та еще была...

— Почему была?

— Так убили их! Всю семью Берковичей убили в погроме. Это счастье, что к нам на Виноградную погромы не докатились. А на Градоначальницкой они вовсю бушевали.

— Вы не из Одессы, правда? — вдруг спросила Таня — уж очень ее поразила речь старухи, вернее, полное отсутствие одесской речи.

— Верно, — удивилась та, — из Орла я. Но давненько в Одессу приехала. Еще в молодости.

Таня поздравила себя с верной догадкой. Можно в любом возрасте приехать в Одессу и остаться в ней надолго. Но колорит, особенности и речь — это то, что проникает в кровь с молоком матери и остается навсегда. Это не приобретается с годами. Своеобразный вирус, о котором никто не знает правды. Но приживается он только у тех, кто родился здесь.

— Спасибо вам, — Таня улыбнулась старухе, — теперь я знаю, что передать Саре.

И, развернувшись, она принялась карабкаться вверх по Виноградской, спотыкаясь об ухабы. Оказалось, что взбираться наверх было гораздо сложнее, чем спускаться.

Возле дома ее ждал сюрприз. Володя. Увидев его, Таня замедлила шаг. Кровь бросилась ей в лицо. Что, если он узнает о возвращении Бершадова? Впрочем, ему-то какое дело — попыталась она успокоить себя, но сделать это было нелегко. До сих пор ее беспокоили мысли Володи. И по какому-то странному, своеобразному капризу природы Таня чувствовала себя так плохо и неловко, словно на самом деле изменяла ему.

— Где ты ходишь? — с упреком спросил он. — Я с ног сбился, разыскивая тебя!

— Дела были, — сказала Таня, отводя в сторону глаза.

— А у меня новости есть, — Сосновский не мог не заметить сковывающее ее напряжение.

— Ну пойдем, — вздохнула Таня.

В комнате Володя не сел, а принялся нетерпеливо расхаживать, постоянно трогая и переставляя предметы. Таню всегда безумно раздражала эта его привычка.

— Я знаю, как зовут друга самозванки. Ее любовника. Была облава... — увлекшись, Володя заговорил об облаве на Тираспольской, описывая все подробности, которые услышал от Петренко.

Таня слушала молча. От усталости у нее гудели ноги, и она опустилась на краешек стула. Володя все говорил и говорил. В воображении Тани возникала страшная ночная перестрелка, кровь. Как же она устала от всего этого!..

— Так вот, — Сосновский с победоносным видом завершил свой рассказ, — бандит признался... Конечно, после того, как на него надавил Петренко. Любownika лже-Алмазной зовут...

— Грабарь, — сказала Таня.

Выстрели она в Володю или в потолок, эффекта было бы намного меньше.

— Ты знаешь? Откуда? — На лице Сосновского была написана такая масса чувств, что Таня даже не взялась бы их перечислять.

— Я все расскажу тебе. Потом. Я знаю эту историю. Но я не знаю, как она заканчивается, — уставшим голосом произнесла она. — Сделаем так. Сейчас я немного отдохну, а потом поеду к Туче. У меня очень важный разговор к нему. И вот как раз завтра мы с тобой поговорим.

Полноватая блондинка с длинными вьющимися волосами в обтягивающем голубом платье из панбархата заняла высокую конторку администратора. В ресторане «Аккорд» она стояла возле самой двери.

Был обеденный час, но посетителей в зале ресторана было не много. Все веселье начиналось вечером,

когда играл дамский оркестр, шампанское лилось рекой, а подгулявшие нэпманы сорили деньгами, щедрыми пригоршнями разбрасывая нажитое за день.

Поэтому обедали в «Аккорде» редко, лишь те посетители, чьи конторы были расположены рядом, да еще случайно проходящие по Дерibasовской и привлеченные яркой вывеской ресторана.

— Ты новенькая? — спросил первый же посетитель, толстый нэпман, чья швейная мастерская была внизу Гаванной, за входом в Горсад.

— Верно, работаю первый день. Меня зовут Соня, — лучезарно улыбнулась девица. — Добро пожаловать!

— Сонька Золотая ручка... гы... — выдал нэпман. — Шо ты лыбишься? Лучше за столик у окна проведи!

Девица пошла через зал, сохраняя дежурную улыбку. Даже не посмотрев на ее виляющие бедра, нэпман двинулся к столику. И таким были почти все посетители в обед.

Расстроенная, что на нее не обращают внимания, блондинка достала пилочку и принялась полировать свои ноготки, покрашенные в ультрамодный цвет.

Она вообще была модной, словно сошла с картины. Весь ее вид олицетворял моду 1929 года.

На ноге у барышни были закрытые черные туфли с круглым носком и модным каблуком-рюмочкой. Они очень шли к ее изящным ногам.

На конторке, рядом с дежурной книгой, лежала небольшая синяя шляпка, похожая на берет. Но это был не совсем берет, так как верх был украшен бисером и стеклярусом. Такая шляпка полностью закрывала короткую стрижку, так, что не было видно даже цвета волос, и считалась хитом сезона.

На грудь свешивалась нитка толстого жемчуга. В двадцатые годы женщина впервые могла позволить себе носить бижутерию. До этого ношение дешевых украшений считалось неприличным. Но двадцатые изменили практически все. И хотя в моде были геометрические украшения, длинная нитка искусственного жемчуга считалась основным аксессуаром. Приветствовался большой, крупный жемчуг, так же, как и любые массивные бусы. Они создавали иллюзию миниатюрности: казалось, маленькая девочка надела мамины украшения. Подобный стиль считался очень модным.

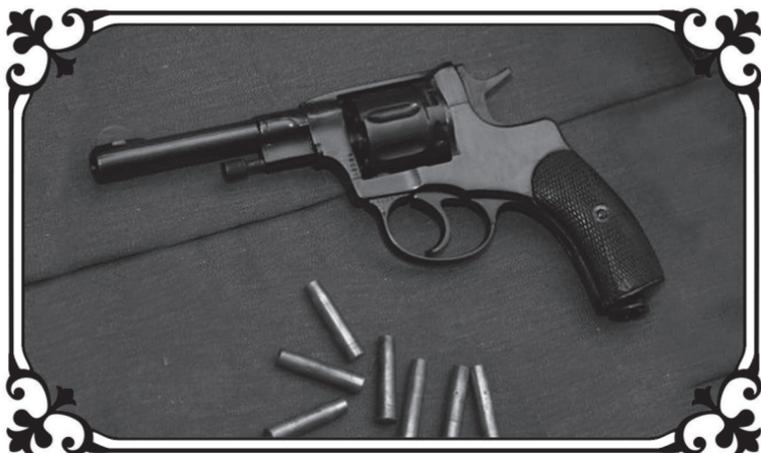
Рядом с беретиком-шляпкой на конторке лежали перчатки. Для уважающей себя женщины перчатки были обязательны. Если днем обходились простыми кожаными или тканевыми перчатками, то вечерние варианты поражали разнообразием. В моде были геометрические узоры и очень популярной была египетская тематика. Однако стоили такие перчатки дорого. Поэтому у ба-рышни перчатки были простыми, нитяными — из голубых и синих ниток. Но связанные не вручную, что считалось дурным тоном, а изготовленные на фабрике.

Качественным считалось все фабричное, и стоили такие вещи дороже, чем изготовленные в частных артелях или вручную. Носить вещи, сшитые или связанные своими руками, считалось неприлично.

Изменилось не только представление о том, какое производство одежды лучше. Изменился фасон платья. Это стало отчетливо заметно именно в 1929 году.

Талия больше не была ни завышенной, ни заниженной, а вернулась на положенное ей место. Фасон платья теперь был таким, что подчеркивались грудь и бедра. Появился совершенно иной силуэт. Бунтарство, дух свободы и максимализма маленькой девочки 20-х годов стал уходить в прошлое.

Маленькая девочка стала взрослой.

ГЛАВА 24

Кража в «Аккорде».

Проникновение в банду.

Ривка. Перестрелка. В больнице

Дверь широко распахнулась, пропуская компанию из пяти мужчин, вальяжно вваливающихся в ресторан, как к себе домой. Вместе с ними в прокурный зал ворвался свежий порыв весеннего воздуха. На улице шел дождь, и было слышно, как он с грохотом барабанит по крыльцу, выбивая невнятную дробь, которую не смог бы расшифровать ни один музыкант в мире.

Четверо сразу направились к столику — было ясно, что они завсегда и постоянно сидят только за этим столом, в небольшой нише у стены. А пятый

замешкался, с интересом взглянув на девицу за конторкой администратора.

Был это дюжий бородатый детина, одетый по последней моде в черную блестящую рубашку и кожаную тужурку. Из низкого ворота рубахи выглядывала поросшая черными жесткими волосами голая грудь. А на груди, почти во всю ее ширь лежала толстенная золотая цепь в палец толщиной, на которой висел небольшой золотой образок с иконой Божьей матери. Такой образок больше бы подходил женщине, на груди детины странно было видеть его. Все это великолепие довершало широкое золотое кольцо с бриллиантом на указательном пальце правой руки. Тип все время подносил руку к лицу, почесывая толстый, мясистый нос. И огромный до неприличия бриллиант хищно сверкал в электрическом свете.

Девица за конторкой просто впиалась глазами в золотую цепь и кольцо.

— Привет, фифа! — Детина облокотился о конторку. — Ты новая здесь?

— Новая, — кокетливо улыбнулась девица.

— Это хорошо. Не будешь болтать языком — удержишься надолго.

— Я не из болтливых.

— Ха, за словом в карман не лезешь! Мне нравятся такие. Как зовут?

— Соня.

— И имя у тебя подходящее.

— Для чего? — усмехнулась девица.

— Ну... для веселых дел.

— Если познакомишь меня со своими друзьями, и веселые дела будут!

— Ишь ты, ушлая! До чего тебе за то?

— А может, скучно жить девушке! Вот так, за конторкой, погубить молодость. А то встретила бы веселых ребят, закрутила бы лихие дела...

— Ну давай свидимся на днях, коли так. Люблю таких...

— Если познакомишь с друзьями, свидимся.

Тип хохотнул и пошел к своему столику. Блондинка неотрывно смотрела ему вслед.

В этот же вечер в ресторан пришло четверо турок. Это был антиквар с клиентом и друзья клиента. В ресторане договорились заключить сделку. Один турок собирался продать турку-антиквару кинжал работы старинных мастеров, ножны и рукоятка которого были сделаны из чистого золота. Кроме того, золотые ножны украшали крупные гранаты. А рукоятка откручивалась, представляя собой небольшой флакончик для духов. Впрочем, туда можно было налить любую жидкость — яд, к примеру.

Стоил кинжал очень дорого. Друзья продавца пришли для того, чтобы присутствовать при сделке. Они должны были внимательно следить за тем, чтобы антиквар честно отстегнул всю положенную сумму, не обманув клиента.

Продажа кинжала была очень серьезным делом. Четверо мужчин, как заговорщики, склонились над столиком и принялись обсуждать сделку.

К блондинке тут же подскочил взволнованный директор ресторана и попросил лично обслужить столик турок.

— Как бы чего не вышло... — трепыхался он, — тут такое... такое...

— Да шо такое? — Блондинка с интересом уставилась на него.

— Та турки кинжал продают и они заранее столик заказали. А за тем, в нише, вишь, кто сидит? Грабарь да Борис, правая рука Грабаря! Они из банды Алмазной. Думаешь, просто тут сидят? Турка будут вести. Ну, это не наше дело, пусть хоть башку себе разнесут, но чтобы уже за пределами ресторана. Здесь же надо проследить, вопрос серьезный.

Блондинка энергично подошла к столику турок и приняла у них заказ. Бандиты, сидящие в нише, не спускали с нее глаз. Особенно любопытствовал Борис — детина в золоте, который сам заговорил с девушкой.

Турки явно жадничали. Они заказали только кофе и минеральную воду. И когда девица принесла заказ, антиквар уже прятал в сумку картонную коробочку с кинжалом, а продавец и его приятели тщательно пересчитывали деньги.

Девица несколько раз подходила к столику, заходя со стороны спины антиквара, спрашивала, чего им

еще. Но турки отмахивались от нее, как от назойливой мухи, не обращая никакого внимания.

Первым ушел антиквар. Бандиты сразу поднялись из-за столика и пошли следом за ним.

Борис чуть задержался у конторки и задорно подмигнул девице:

— Эй, красотка! Знакомство с моими друзьями заслужить надо! — Девушка ничего не ответила, лишь улыбнулась краем губ.

В темном переулке, куда свернул антиквар, бандиты притиснули его к стене.

— Сумку открывай! — зло скомандовал Грабарь, а в руке Бориса сверкнул нож.

Деньги, полученные продавцом, бандитов не интересовали. Им был нужен кинжал, за который можно было получить куда больше — жадный антиквар поспешил. Трясущимися руками антиквар полез к сумке.

Бандиты были нетерпеливы — один из них вырвал сумку из рук, принялся шарить в ней, а затем с растерянным видом протянул ее Грабарю:

— Эй, а кинжала-то нет!

— Как нет? — Грабарь начал лихорадочно рыться в сумке. — Ты куда кинжал дел, сука?

Перепуганный до смерти турок что-то залопотал по-своему. И без переводчика было понятно, что он испуган и растерян.

Разъяренные бандиты ударили турка кулаком в лицо. Тот свалился в придорожную грязь. Злобно

переговариваясь между собой, они поспешили к выходу из переулка.

Было далеко за полночь, когда в один из притонов Молдаванки, крошечный полуподвальный кабачок, ввалилась компания Грабаря. Здесь были все четверо — те, кто пытался украсть кинжал, и кто выпустил его из виду.

После неудачного нападения бандиты вернулись в ресторан. Но турки с деньгами уже ушли, столик был пуст, и грабителям пришлось покинуть заведение не солоно хлебавши.

Усевшись за дощатым столом и заказав бутылку сивухи — распространенного в этих краях дешевого самогона, они пытались разобраться в ситуации.

Наводка была совершенно точной. Они должны были проследить за антикваром и отобрать у него кинжал. Все просто. Никто не ждал неожиданностей. Почему же сорвался такой удобный и простой план, кто вмешался и спутал карты? Бандиты отчетливо видели в ресторане, как антиквар рассматривал кинжал. Куда же он делся?

Оставалось только сидеть пить, злобно переговариваться, ругая друг друга. Возвращаться в свой дом, где обитала банда, никому не хотелось.

Дверь в кабачок открылась, но бандиты даже не повернули головы, уж слишком были поглощены своим делом. Очнулись только тогда, когда кто-то остановился возле из столика. Больше всего удивился

Борис. Он чуть не подпрыгнул, увидев... блондинку из ресторана!

— Привет, ребята, — нахально улыбнувшись, она подмигнула онемевшим бандитам. — Вы это потеряли?

После этого, развязав тряпицу, бросила на стол... кинжал! Тот самый драгоценный кинжал, вожделенный предмет их алчной добычи!

Бандиты заговорили одновременно, все сразу, перебивая друг друга. Наконец Грабарь не выдержал, стукнул кулаком по столу:

— А ну ша! Засохли, сопли куцые! Ты шо за цыпа? Откуда такая?

— Ниоткуда, — снова усмехнулась девица. — Хочу работать с вами. У Алмазной.

Бандиты снова заговорили, Грабарь нахмурился:

— Шо ты хочешь за ножичек?

— Он ваш, если повезете меня к Алмазной.

— А вдруг крыса конченная? — фыркнул кто-то. — Сдаст фараонам всех нас?

— Стала бы я кинжал тырить, если б хотела вас сдать! Да еще на глазах уголовки! У тебя все такие тупые, Грабарь? — хмыкнула девица. — Я же сама кинжал сперла, когда за столиком крутилась. Под вами работать хочу, по большим делам. Плохо работать одной.

— Ты не из наших вроде, — прищурился Грабарь.

— Я так, тырила по мелочевке. Один раз с Кагулом была в налете. Меня с ним невеста его познакомила, официантка из ресторана. С тех пор вот и хочу работать серьезно. За конторкой как фифа светить — не мое это. А кинжал вам дарю, если сведете меня к Алмазной.

— Настырная какая... — вздохнул Грабарь. — Ну ладно, пойдем.

— Шо, прям щас? — занервничала девица.

— А то до когда хотела? Собирайся!

Вместе с бандитами девица подошла к большому серому автомобилю.

— Куда едем-то? — спросила она.

— За лишние вопросы знаешь шо с язычком бывает? — нахмурился Грабарь. — А ну сидай швидко! И шоб не пикнула. Твоя правда. Пусть Алмазная разбирается.

В окружении двух бандитов девица села на заднее сиденье. Взревел мотор. Машина рванула сквозь тьму, плохо подсвечивая слабыми фарами.

Ехали молча. Остановились у какого-то переезда. Дальше все произошло стремительно. К лицу девицы прижали носовой платок, потом запихнули ее голову в холщовый мешок. Когда тело ослабло, выпихнули из машины. Грабарь и Борис выскочили вместе с ней. А сама машина, как ни в чем не бывало, покатила через переезд дальше. Подхватив тело девицы в мешке, бандиты быстро пошли

к небольшому поселку, видневшемуся за лесопосадкой...

Таня очнулась, лежа на кушетке в какой-то темной и узкой комнате. Это явно был подвал. Полнивший ее до безобразия костюм был все еще на ней, а вот парик валялся на полу в самом жалком состоянии. Оно и к лучшему. Тане надоело играть прониру-бандитку. Но... куда же она попала?

Руки и ноги ее были свободны. Страшно закашлявшись Таня села на край кровати. От хлороформа ее тошнило, болела голова. Собрав все силы, она встала и сделала несколько шагов по комнате.

Явно подвал, окон нет. Керосиновая лампа подвешена на балке. Именно она дает слабый свет. В комнате кушетка, стол у стены с одним стулом и два обычных шкафа наподобие серванта. И дверь — металлическая, наглухо закрытая дверь темницы.

Таня открыла один шкаф. Весь он был полон медикаментами. Пробирки, мензурки, порошки... Ей показалось, что она попала в аптеку. От медикаментов исходил слабый запах.

Открыв дверь второго шкафа, Таня едва сдержала крик. Полки были почти пусты. Но на средней, стоя на небольших подставках, на Таню глядели три головы. Это были головы Светланы Иванько, Глафиры Черновой и Валентина Сандольского.

— Нравится? — сзади что-то скрипнуло, и Таня поняла, что металлическая дверь — не единственный выход из помещения. Где-то в стене был тайный ход. — Я сама их забальзамировала!

— Зачем? — спросила Таня, не сводя глаз с тоненькой, очень красивой темноволосой девушки, так похожей на нее.

— Просто так, — девушка пожала плечами. — Должна же я была практиковаться!

— Разве отец тебя учил? — сказала Таня.

— Отец! — хмыкнула Ривка (это была именно она). — Нет, конечно. Стал бы он учить девочку! Он учил моего брата, жирного подслеповатого тупицу. А у брата вообще не было мозгов. Я тайком пробиралась в лабораторию отца и читала все его книги.

— Поэтому ты так хорошо знаешь заклинания.

— Заклинание не сработало. Я хотела расправиться с душой моего отца. Но я и так могу ее контролировать. Он ведь живет во мне. Ты слышала про диббука?

— Забавно! — Таня рассмеялась. — Я ошиблась. Я искала старого мужчину, такого же возраста, как Аарон Нудельман, думая, что женщина не может быть образованной и прочитать столько книг. А ты вон какая — сама все узнала.

— Нудельман был старый дурак, — поморщилась Ривка. — Он пытался от меня сбежать, да еще и за-

братъ менору. Этот идиот хотел расплавить ее как кусок золота!

— Он просто понял, что в ней нет ценности. Никакой, кроме золота, — пожалла плечами Таня, — и тебе она тоже не помогла, правда?

Ривка ничего не ответила. Она прошла по комнате, открыла, затем закрыла шкафы и повернулась к Тане.

— Ты меня не узнала? — На лице Ривки было разочарование.

— Нет. А должна?

— Ну конечно! Я же подходила к вам, когда ты сидела за столом с Гекой и Корнем. Грабарь тогда в банде Корня был.

— Грабаря я помню, — жестко сказала Таня, — тебя — нет.

— С тобой все так носились... А ты даже головы не поворачивала на других! Мне всегда Гека нравился больше, чем Грабарь. Но ты его словно околдовала, он никого больше в упор не видел.

— Поэтому ты и взяла мое имя?

— Я хотела быть тобой, — поморщилась Ривка, — мы и внешне похожи.

— Неправда! — отрезала Таня. — В тебе есть зло. А вот мне — нет.

— Добренькая, значит? — глаза Ривки зло сверкнули. — А что же ты делаешь с бандитами?

— Ты приказала Грабарю меня задушить, чтобы я тебя не нашла и не выдала?

— Ага! — радостно кивнула Ривка. — А этот дурак не справился! Тупица, правда?

— Правда. Что теперь будет? Что ты собираешься сделать? — спросила Таня.

— Убить тебя. Ты не выйдешь из этой комнаты. Думаю, ты и сама это понимаешь.

— Дом окружен людьми Тучи, — сказала Таня, — они пришли сюда, чтобы ликвидировать вашу банду. Сами. Без всяких фараонов.

— Никого здесь нет, — ехидно улыбнулась Ривка. — Они поперлись за машиной, когда тебя вышвырнули из нее, и потеряли твой след. Думаешь, я тупая и ничего не понимаю? Я догадывалась, что это ловушка. Глупо ты, конечно, полезла в банду. Думала, что я не пойму?

— У тебя есть шанс выйти из этой комнаты, Ривка, — спокойно сказала Таня, — отдай мне менору — и уходи.

— А кстати, как ты вычислила, что Борис — мой человек? Или ты узнала Грабаря? — заинтересовалась Ривка. — Я ведь была в том ресторане. Это мой ресторан. Он мне принадлежит. И у меня там есть тайное окошко в одном кабинете, из которого я могу наблюдать за залом. Ты сразу же запала на Бориса! Почему?

— Золото, — пояснила Таня, — я внимательно читала описание всего, что было украдено. Золото семьи Шиловских было на нем. Там описывался такой образец, по словам прислуги.

— Да, дурак... — протянула Ривка.

— Отдай мне менору, Ривка. Она все равно тебе не нужна.

— Почему? — усмехнулась Ривка.

— Нет в тебе диббука, Ривка. Ничего нет, кроме обиды на родителей, эгоизма и злобы. Ты ведь уже не маленькая девочка, чтобы посвятить всю свою жизнь мести отцу! Отпусти их.

— Тебе легко рассуждать! — зашипела Ривка.

— И тебе будет легко, если поймешь. Какому отцу хотелось бы, чтобы его дочь связалась с бандитами?

— При чем тут это? Я хотела, чтобы он научил меня всему, что знал сам! А он...

— Он многому научил тебя, Ривка. Ты ведь выжила.

— Да, выжила, но какой ценой? Хочешь взглянуть на менору?

Ривка подошла к шкафу, где хранились головы, нажала какую-то секретную панель. Щелкнул, открываясь, потайной ящик. Менора была завернута в белое льняное полотенце. Ривка вытащила ее, положила на стол.

В этот момент в металлическую дверь выстрелили. Выстрелы прозвучали как гром. Неожиданно в руке Ривки появился нож. Она бросилась на Таню. Но на борьбу времени уже не было.

Ривка бросила нож на пол, метнувшись к стене, нажала на кирпич. Распахнулся секретный проход.

В металлическую дверь колотили. Ривка, не оборачиваясь, бросилась в проход.

Снова зазвучали выстрелы. Потом послышался женский крик.

Подхватив со стола менору, Таня бросилась за Ривкой в проход, но пробежала недолго. Коридор заканчивался металлической дверью, она была открыта, а на пороге лежало тело Ривки. Она была мертва. Две пули попали в ее тело — одна в грудь, другая в голову. Все ее лицо было залито кровью, которая текла из страшной раны во лбу. И сквозь эту кровавую пелену мерцали темные, уже навсегда застывшие глаза.

Дверь вела во двор, где продолжалась перестрелка. Выскочив туда, Таня увидела солдат в форме ОГПУ.

Откуда они тут взялись? Таня не могла понять. Солдаты и бандиты отчаянно падали друг в друга. Захваченные врасплох бандиты сопротивлялись яростно, но беспорядочно.

Таня еще крепче прижала к груди менору и бросилась через двор. Что-то больно ударило ее в плечо. Яркая вспышка загорелась в глазах. И, не понимая, что происходит, Таня стала оседать на землю. Выстрелы начали отдаляться, а в глазах, наоборот, стала разрастаться все поглощающая темнота...

С трудом разлепив глаза, Таня увидела белые стены больничной палаты. Напротив было окно. Судя

по нему, был день — в окно лились потоки солнечного света. Возле кровати Тани сидела молоденькая медсестра. Увидев, что Таня очнулась, она очень приветливо улыбнулась:

— Я сейчас доктора позову!

— Где я? — тихим голосом произнесла Таня.

— В больнице. Я сейчас, — девушка выпорхнула за дверь.

Таня совершенно не чувствовала своего тела, даже не могла понять, болит у нее что-то или нет. Медсестра вернулась в сопровождении доктора Петровского.

— Очнулась? Просто замечательно! — расцвел тот и сразу принялся проверять ее пульс.

— Доктор, что произошло?

— Вы были ранены. Как я понял, случайно подстрелили в перестрелке. Я вас прооперировал ночью, извлек пулю. Теперь все будет хорошо. Ранение не тяжелое. Пуля не задела ни легкие, ни жизненно важные органы. Молодой организм быстро пойдет на поправку.

Таня нахмурилась, вспоминая события страшной ночи. Почему все-таки вместо людей Тучи дом окружили солдаты ОГПУ?

— Тут один человек очень рвется вас видеть, — сказал Петровский, закончив осмотр Тани и явно довольный результатами, — и я, пожалуй, его впущу. Думаю, это пойдет вам на пользу!

Он ушел. В палате почти сразу появился Григорий Бершадов.

— Это ты... — разочарованно вырвалось у Тани — было ясно, что ждала она не его.

— Как ты себя чувствуешь? — нахмурился Бершадов.

— Хорошо. Что произошло? Почему солдаты?

— Когда Туча потерял твой след, я решил прийти тебе на подмогу. Дом был давно окружен нами. Еще до того, как привезли тебя. Мы следили, чтобы ликвидировать банду. И нам это удалось. Жаль, что ты попала под пулю. Но это произошло случайно. Все люди Ривки ликвидированы. Не выжил никто.

— Значит, ты все знал.

— Конечно. Ты забываешь, что это моя работа.

— А где менора?

— В тумбочке. Если захочешь, отдашь ее раввину. Но, думаю, скоро она ему будет не нужна.

— Что это значит?

— Выздоровеешь — и узнаешь про Антирелигиозную комиссию. В Одессе больше не будет синагоги. Но тебя это не должно волновать. Ты поправляйся. Когда ты поправишься, мы уедем.

— Мы уедем? Это ты так решил? — с яростью вырвалось у Тани.

— Да, я. Нечего тебе здесь делать, в этом городе. Хватит крутиться среди бандитов. До добра это не

доведеет. Поэтому я сразу забронирую билеты на поезд, и мы уедем.

Таня молча смотрела на него. Бершадов пошел к дверям. Обернулся:

— Я скажу Петровскому, чтобы он его позвал.

И вышел, аккуратно притворив за собой двери.

ГЛАВА 25

История Ривки Беркович.

Деятельность Антираелигиозной комиссии.

Благословение раввина.

Отправление поезда

Рука Володи была удивительно теплой. Он с силой сжимал пальцы Тани, и это тепло исцеляло все ее раны. А глаза Володи как бальзам действовали на нее.

Он сидел рядом и держал ее за руку. С такой же теплотой, нежностью и заботой, как когда-то давно. И больше в целом мире ничего не было — ни больничных стен, ни боли, ничего, кроме этого пугливого счастья, которого Таня боялась гораздо сильнее, чем смерть и боль.

По бледному, изменившемуся лицу Сосновского было видно, как переживает он за нее. А Таня испытывала такие странные чувства, что испугалась — впервые в жизни. Чего же испугалась, не понимала сама.

А потому, чтобы вернуться на привычную почву, Таня отстранилась, отняла свою руку и принялась говорить.

— Ривка Беркович безуспешно пыталась подражать своему отцу. Она даже вообразила, что в нее вселился диббук. Она объясняла это так потому, что стремительно и непоправимо стала изменяться ее личность. Возможно, это было психическое заболевание, и ее отец об этом знал. Скорей всего, именно поэтому он отказывался посвящать Ривку во все эти каббалистические книги, догадываясь, какое влияние окажет вся эта мистика на ее больной, нестабильный и неокрепший разум. Возможно, он был по-своему мудрым человеком. Он хотел для своей дочери простого человеческого счастья — выдать ее замуж, сделать так, чтобы у нее была семья. Выбрал Наума Нудельмана — человека из хорошей семьи. Но не тут-то было. Ривка была не тем человеком, которого можно было уговорить либо принудить. Она возненавидела отца потому, что боготворила его до полусмерти. Когда ее состояние стало изменяться, Ривка решила, что в нее вселился диббук, дух отца.

Каждый человек по-своему зависим от родителей. Но умнеет лишь тот, кто умеет перешагнуть этот рубеж — от зависимости к спокойной любви. Ривка не смогла. Но не собиралась понимать, что сама виновата в чем-то. Поэтому винила диббука — и, как доказательство самой себе, раскрошила зеркала в квартире Сандольского.

Такая полная зависимость от отца, который давно умер, и умер очень трагически, что тоже повредило ее рассудок, придало ей сил бороться. Ей не нравилось, что она все время думает об отце, поэтому она решила изгнать диббука с помощью каббалистического ритуала.

Ривка вспомнила о меноре. Сначала менора принадлежала ее отцу. Она помнила, что отец рассказывал об этой меноре. Но помнила и другое — тот, кто проведет ритуал, прервет связь со своим родом. Именно этого хотела Ривка. Кстати, на мысль поискать человека, у которого нелады с семьей, меня подтолкнуло как раз это толкование легенды. — Таня замолчала. По всему было видно, что она устала. Но, собравшись с силами, Таня продолжила:

— У меноры было еще одно свойство — ей приписывали способность воскрешать мертвых. Именно об этом думал Аарон Нудельман, когда забрал ее во дворе Еврейской больницы. Во дворе сваливали вещи семей, пострадавших от еврейского погрома, и менора Хаима Берковича была там.

Из Еврейской больницы менору забрал именно Аарон Нудельман. Как и все евреи, не пострадавшие в погроме, он прибежал в больницу, чтобы узнать о судьбе друзей. Находясь в больнице, Ривка видела, как Нудельман узнал менору и забрал ее себе, но помешать не смогла.

Почему Нудельман так хотел эту менору? Чтобы узнать заклинание и воскресить своего сына Наума, которого убила Ривка. Да, именно так она избавилась от ненавистной свадьбы. По ее наущению Грабарь, давний любовник Ривки, и его друг напали на Наума и задушили его.

Это, кстати, тоже натолкнуло меня на определенные мысли. В библиотеке синагоги, когда я рылась в поиске древних книг, я нашла информацию в старой газете, там была подборка. Речь шла о смерти Наума Нудельмана. Он был не зарезан, а задушен! В точности так, как много лет спустя его отец.

Но менора не воскрешала мертвых. Потратив годы, Аарон убедился в этом. Когда Нудельман стал изучать дальше, он понял, что менора — это зло. Она несет в себе алчность, злость, словно подселяет диббука в злую душу живого человека. Он собирался избавиться от нее, но не успел. На пути Аарона Нудельмана появился Валентин Сандольский.

— А он тут при чем? — удивился Володя.

— Спецзаданием Сандольского, его секретной миссией было отбирание ценностей у церквей и дру-

гих религиозных организаций. Делалось это в рамках борьбы с религией, в рамках антирелигиозной комиссии. К этой комиссии и был прикреплен Сандольский. Он явился в библиотеку синагоги, увидел менору и потребовал отдать ее. Но Нудельман не отдал. Между ними возник конфликт. Ночью тайком Сандольский, либо кто-то из его дружков, вломился в библиотеку, отобрали менору, а чтобы запугать Нудельмана, облили стены кровью.

Нудельман сразу понял, кто украл менору. Он собирал информацию о своем противнике. Сандольский был женат на разбогатевшей крестьянке. Родители его сельской жены держали ферму в деревне, в Одесской области, хоть сами жили в Киеве. Там же была бойня. Сандольский взял кровь оттуда. Зачем он это сделал? Чтобы испугать, чтобы Нудельман не болтал.

Дело в том, что Сандольский не собирался делиться менорой с большевистским начальством. Он хотел умыкнуть ее себе. О своем враге Нудельман узнал еще одну вещь. Бабник Сандольский увлекся проституткой из заведения мадам Зои, по кличке Светулик. Светулику было 23 года, а Сандольскому — 45. Для человека без мозга, каким был Сандольский, только это имело значение, — усмехнулась Таня.

— Такая разница в возрасте и в положении... Плейбейство! — вырвалось у Володи. Это был тот редкий случай, когда Таня была почти полностью согласна с Володей.

— Так как камни ничего не стоили, а ценным было только белое золото, Сандольский вынул камни. Один даже отдал Светулику. Девушка была страшно глупа и решила, что это драгоценность. Другой камень нашел в квартире Сандольского Нудельман, когда во время отъезда чекиста в Киев вломился к нему. Но меноры не нашел. Старик Нудельман не был профессиональным вором, и он не знал, как искать.

А на след Нудельмана уже вышла Ривка. Старик понял, что за ним следят, и решил уехать из города. В Чубаевке к нему в комнату ворвались Ривка и Грабарь. Они видели, что в руках старика был холщовый сверток. Но это было не менора, а его личные вещи — фото сына, письма жены, которые он собрал к отъезду. После смерти бандиты сожгли их в печке.

Нудельмана незачем было убивать. Но Ривка его ненавидела, и Грабарь задушил его по ее приказу — так же, как когда-то задушил сына.

Ривка вышла на след Сандольского и стала готовиться к его очередному приезду в Одессу. Для этого нужно было подготовить место, которое она займет, — место новенькой в заведении мадам Зои, а заодно и лишить Сандольского его симпатии, сделать так, чтобы он стал обращать внимание на других девушек. Светулика убила Ривка, чтобы расчистить место.

Светулик была глупа. Ривка подружилась с ней, пришла в гости с вином, опоила ее снотворным и отрезала голову. Это был не ритуал. Не было никакой

необходимости в таком жестоком убийстве, но Ривка сделала это. Голову она решила забальзамировать на память.

Ривку вместе с девушкой видел один человек. Это была Глафира Чернова, она убирала в комнатах, которые сдавала квартирная хозяйка Иванько. Об этом мне она рассказала сама. От нее же я узнала, что Иванько была любовницей Сандольского. Чернова видела несколько раз, как Ривка приходила в гости к Светулику. Видела Ривку и в тот злополучный вечер... Сопоставила факты и пошла к Ривке требовать денег. Это был ее приговор. Чернову тоже пришлось убрать. А затем — и ее соседку Землянскую, с которой Чернова поделилась своими выводами.

А выводы были о том, что она узнала про Ривку, о том, что Ривка налетчица, в банде. А раз так — у нее много денег, и убийство ей не нужно. Она думала припугнуть Ривку тем, что сдаст ее как свидетельницу убийства — не понимая, что Ривка убийца. Так закончилась жизнь Черновой и ее подруги.

Сначала я подозревала, что Чернова была связана с похищением меноры, так как она убирала в синагоге. Но это было просто совпадением. Она убирала не только в синагоге, но и в меблированных комнатах, где жила Иванько.

Теперь путь был расчищен, и Ривка принялась ждать Сандольского. Она понимала, что как только Сандольский приедет в Одессу, то попытается про-

дать менору. Он станет делать это в Одессе, а не в Киве, потому что здесь много контрабандистов, можно найти зарубежного покупателя и получить намного больше денег. Так и произошло.

Роль новенькой девушки из заведения мадам Зои Ривка сыграла блестяще. А потом картинно обставила убийство Сандольского. Тут она разошлась вовсю! В ход пошли разбитые зеркала, выложенные в ряд камни от меноры, каббалистическое заклинание, которое не несет в себе никакого смысла... Но главная цель была достигнута: менора оказалась в руках Ривки.

Единственным способом ее остановить было проникнуть в банду, войдя в доверие к кому-нибудь из бандитов. Люди Тучи должны были контролировать каждый мой шаг. Но вышло иначе.

— А я все удивлялся, почему убийства такие разные, — вздохнул Володя. — То удушение, то отрезанная голова...

— Потому, что их совершали разные люди. Задушил Аарона Нудельмана и пытался задушить меня Грабарь. А Светлану Иванько и Глафиру Чернову убила Ривка. И, конечно, Ривка убила чекиста Сандольского.

— Знаешь, как по-настоящему звали Грабаря? Иван Иванов! — усмехнулся Володя. — Представляешь, как радовался отец Ривки?

— Да уж... А Грабарь арестован?

— Он мертв. Его убили в той же перестрелке, так же, как убили Ривку. Не понимаю, почему она взяла твое имя.

— Мы были знакомы, — вздохнула Таня, — а я даже не помнила этого. Она всегда завидовала мне. И еще ей нравился Гека. Так она сказала. Но я думаю, это неправда. Просто она хотела быть кем угодно, но только не собой. Кстати, именно после визита на Градоначальницкую и разговора с соседкой Берковичей я поняла, что убийца и налетчица — одно и то же лицо. Раньше я рассматривала их отдельно.

— Что ты сделаешь с менорой?

— Отдам раввину. Он должен распорядиться ею. Так будет правильно. Есть, кстати, один очень интересный момент. Когда раввин приехал к Туче, я вошла в комнату, а раввин захотел, чтобы я осталась при разговоре. Я думала, что он подозревает меня в налетах, но это было не так. Он захотел, чтобы этой историей занималась я, потому что знал — убийства и налеты совершает Ривка Беркович. Сам он не мог ее разоблачить. Но он знал, что Ривка присвоила мое имя, и хотел, чтобы я нашла самозванку, так как буду лично заинтересована в том, чтобы ее остановить. А когда налеты прекратятся, то прекратятся и убийства. Личный интерес — серьезная вещь и мощный двигатель! Раввин все рассчитал правильно.

Через несколько дней Таню выписали из больницы. Забирать ее приехал Григорий Бершадов. Несмотря на то что Таня была еще слаба, чувствовала она себя неплохо.

Бершадов показал ей два билета на поезд в Москву. Таня нахмурилась. Она не терпела принуждения, и была достаточно упряма. Бершадов это понял.

— Я хочу, чтобы все это закончилось. Вот это все, — Бершадов говорил спокойно, но очень печально, — я хочу, чтобы ты прекратила страдать. Хочу нормальную жизнь, семью. Я люблю тебя. Пообещай, что ты придешь к поезду.

— Когда поезд? — спросила Таня, отвернувшись к окну.

— Послезавтра. Ты как раз успеешь собрать вещи и попрощаться со своим другом Тучей.

— Мне со многими придется попрощаться, — с какой-то жесткой издевкой сказала Таня.

— Пообещай, что ты придешь, — Бершадов взял ее руки, поднес к губам, — я ведь знаю, что ты хочешь это сделать. Тебе больше незачем оставаться здесь. Тебя ничто здесь не держит.

А Таня подумала, что единственный человек, действительно способный ее удержать и изменить ее жизнь, лежит в маленькой могилке на Втором Христианском кладбище, рядом с бабушкой. В такой одинокой могилке, потому что Таня так и не нашла в себе силы туда пойти. Ей почему-то казалось, что она ум-

рет, как только ступит на кладбище и увидит могилу дочери. Просто умрет — и все.

Бершадов молчал, не спуская глаз с ее лица, а Таня все пыталась понять, что держит ее здесь, в этом городе, где она готова была поцеловать каждый камень, потому что среди этих камней прошла вся ее жизнь.

Бершадов так и не дождался ответа. Он тихонько вышел из комнаты, едва слышно притворив дверь. А Таня все стояла и смотрела в окно, вцепившись в подоконник побелевшими от напряжения руками.

На следующее утро Таня наняла машину и поехала в синагогу. Таксомотор остановился как раз там, где должен был находиться главный вход. Таня вышла из автомобиля и опешила.

Синагоги больше не было. Здание было закрыто, вся религиозная символика снята, а на двери висел огромный замок. Ощущение безжизненной обреченности так и витало в воздухе. Все, что могла ощущать Таня, — только страшную горечь. Горечь и боль, переполнявшие ее.

Таня вспомнила, что говорил Бершадов про деятельность Антирелигиозной комиссии и то, что успела вычитать в газетах, пока лежала в больнице.

Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП (б) в 1922 — 1929 годах называлась комиссией по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП (б). Это был партийно-государственный

орган, отвечавший в СССР за проведение антирелигиозной политики советской власти.

Комиссия стала центром антирелигиозной борьбы в стране. По мнению историка С. Савельева, «комиссией руководили малограмотные, но очень жестокие люди. Самоучки, четыре — пять классов образования. Даже у руководителей комиссии никаких элементарных знаний о религии. Чем этих людей заряжали консультанты ГПУ — НКВД, тем они и работали на справках VI отделения Объединенного политического управления. Члены комиссии работали на разгром и уничтожение любой религиозной мысли».

Средствами антирелигиозной борьбы были цензура, дезинформация, организация Союза воинствующих безбожников, аресты, карательные операции, судебные процессы, конфискация имущества. Закрытие всех религиозных учреждений, конфискация зданий и экспроприация всего имущества. Все это делалось с целью массового ослабления всех религиозных организаций. Религиозные лидеры запугивались, на них оказывалось давление, они подвергались постоянной вербовке.

Перспективой работы комиссии было полное уничтожение религии в будущем как таковой и вытравление религиозных пережитков из сознания людей.

Заседание Политбюро ЦК 8 августа 1929 года, на котором присутствовали все руководители комиссии,

постановило: «Религии со своими догмами, этикой, праздниками, обрядами, являясь сами по себе контрреволюционной идеологической силой, — тем легче обращаются антисоветскими элементами в орудие срыва коллективизации сельского хозяйства, социалистического соревнования, перехода на непрерывную производственную неделю... Все это ведет к ослаблению обороноспособности страны и является, по существу, подготовкой тыла в интересах мирового империализма».

Последовавшая за этим спецдиректива, подписанная Молотовым и Кагановичем, объявила религиозные организации легально действующей контрреволюционной силой, оказывающей влияние на массы населения. Эта директива положила начало тотальным гонениям и репрессиям. Комиссия больше не была нужна. С религией в СССР было почти покончено.

— Здравствуйте, Таня, — тихий, шелестящий голос раздался за ее спиной.

Таня обернулась. За нею стоял раввин. Но как он выглядел! Таня едва сдержала крик. Перед ней был глубокий старик. Но то, что он не до конца был сломан ударами судьбы, выдавали ясный взгляд и вселенская печаль в мудрых глазах.

— Я прихожу сюда каждый день, — голос раввина звучал очень тихо. Тане захотелось плакать, но она сдержалась.

— Вы больны! — сказала она.

— Я с нетерпением жду того часа, когда отправлюсь домой, — улыбнулся раввин. — Но до этого момента мне еще очень многое нужно сделать здесь, на земле. Многим помочь.

— И вы сделаете, — убежденно сказала Таня, протягивая раввину холщовый сверток. — Возьмите, ребе.

Лицо его просветлело. Он дрожащими руками схватил сверток с менорой.

— Я знал, — сказал раввин, — я ни секунды не сомневался в вас.

— Сделайте так, чтобы она больше никому не принесла зла, — ответила Таня, — хотя... Разве может быть зло больше, чем это?

Глаза ее остановились на закрытой синагоге.

— Испытания даются только для того, чтобы увеличить нашу силу противостоять им, — сказал раввин. — Как можно закрыть в душе свет? Надо идти по своему пути и не бояться камней на нем. К пропасти, как правило, ведут ровные дороги.

— Спасибо, ребе, — прошептала Таня, едва сдерживая слезы. — Я не вашей религии. Я вообще не верю в Бога и не хожу в церковь. Ни в какую. Но я верю в то, что для всех людей Бог один. Благословите меня, ребе, просто как человека. Пусть свет вашей души немного перейдет на меня.

Улыбнувшись, ребе начал читать молитву. Таня не понимала смысла этих слов, звучащих на чужом для

нее языке. Ей вдруг показалось, что от сгорбленной, постаревшей фигуры больного раввина исходит какое-то небольшое, едва заметное свечение. И этот тайный свет напрямую касался ее души.

Поезд на Москву отправлялся вечером. Площадь вокзала была полна суетящихся, куда-то бегущих людей, и, как всегда, служила олицетворением вечной, бессмысленной спешки.

Григорий Бершадов нетерпеливо прохаживался по перрону возле поезда. Он уже успел отнести в купе свои вещи. Купе, выделенное для него, было одним из лучших. Двухместное, мягкое — Бершадов всегда любил путешествовать с особым комфортом.

Он ждал Таню и думал о том, что женщины почему-то всегда опаздывают, даже самые лучшие из них. В Москве у него было достаточно много женщин, но ни одна из них не могла сравниться с Таней. Вроде бы ничего особенного в ней не было. Но Таня была единственной женщиной, которую он так и не смог забыть.

Начался сильный дождь. Большинство людей поспешили спрятаться в здание вокзала. Но Григорий Бершадов не обращал никакого внимания на струи холодной воды, бьющие по его парадной форме офицера ОГПУ, которую он решил надеть. Мысли его текли спокойно и плавно. Он не сомневался, что Таня придет. Кто бы смог отказаться от него?

Бершадов думал о мягком купе, о своей московской квартире, о шампанском, которое уже поставлено охлаждаться в ведерко услужливым проводником... Паровоз издал громкий гудок, вырвав его из приятного потока мыслей.

— Через пять минут отправляемся! — из вагона высунулся проводник. — Может быть, пройдете в купе?

Бершадов вздрогнул. Ужасное предчувствие зародилось в его душе, заставив впервые задрожать под холодным дождем.

«Она придет... Она обязательно придет», — думал он, представляя, как бежит Таня через привокзальную площадь, как поднимается в вокзал по ступенькам.

Она там, на площади перед вокзалом. Бершадову вдруг захотелось бежать туда... Очень медленно, скрипя всеми железными деталями и разбитыми вагонами, поезд на Москву тронулся с места.

— Товарищ офицер!!! — страшно закричал проводник.

Бершадов запрыгнул на подножку вагона в самый последний момент, когда поезд уже начал набирать скорость. Дождь усилился. На площади перед вокзалом никого не было...

ГЛАВА 1	3
Убийство в трущобах Молдаванки. Головная боль следователя Петренко. Лунный камень	
ГЛАВА 2	18
Блеф Володи Сосновского. «Профурсетка». Жених, которому не повезло. Приговор старика	
ГЛАВА 3	35
В пивнушке на Пушкинской. Воспоминания следователя Петренко. Бродяга, который ругался по-французски. «Краски рассвета» и новая жизнь	
ГЛАВА 4	50
Арест жениха. Начало — убийство в Чубаевке. Просьба мадам Зои. Еще один лунный камень	
ГЛАВА 5	69
Дом на Французском бульваре. Нэпман и Кира. Налет. Странный посетитель	
ГЛАВА 6	86
Разговор с раввином. Сестра Тучи. Выздоровление Тани. Изольда Франц	
ГЛАВА 7	102
«Менора колдунов», или «заблудившихся душ». Библиотека при синагоге. История Аарона Нудельмана. Просьба раввина	

ГЛАВА 8	117
Строительство Селекционного института.	
Находка строителей. Оpozнание личности убитой.	
Налет на семью Шиловских	
ГЛАВА 9	132
В библиотеке синагоги. Исчезновение уборщицы.	
Что такое менора. Изгнание злых духов	
ГЛАВА 10	147
Каббала. Предположение Тани. Роль меноры в каббале.	
Странная легенда. Колдун с Градоначальницей	
ГЛАВА 11	162
Разговор в магазине. Возле дома по Южной улице.	
Рассказ Тучи. Покушение	
ГЛАВА 12	178
Любовные приключения нэпмана Скоробогатского.	
Опознание трупа. Допрос Скоробогатского. Шок Володи	
ГЛАВА 13	193
Иногда мертвые воскресают.	
Сомнения Володи Сосновского.	
Рабочие фельетоны в редакции. Разговор с Тучей	
ГЛАВА 14	209
Подозрения Тучи. Самозванка. Перестрелка на Южной.	
Труп соседки. Снова союзники	
ГЛАВА 15	227
Откровенный разговор. Ненависть к ресторану «Парус».	
Сотрудник ГПУ Сандольский. Банкет в «Парусе»	
ГЛАВА 16	246
Неудачный роман. Убийство Сандольского.	
Зеркала. Странная надпись	
ГЛАВА 17	261
Ритуал? Секретный комиссар. Диббук.	
Год «Великого перелома»	
ГЛАВА 18	277
Гонения на верующих. Перевод надписи.	
История диббука. Как изгнать злого духа	

ГЛАВА 19	292
Новенькие мадам Зои. Лишняя девушка. Интервью с Кирой. Загадочный букет	
ГЛАВА 20	307
Облава на Тираспольской — дислокация. Провал облавы. Грабарь. Трагедия Изольды Франц	
ГЛАВА 21	325
Семья Хаима Берковича с Градоначальницей. Непокорная дочь. Разговор с квартирной хозяйкой. Возвращение Мишки Няги	
ГЛАВА 22	342
Предложение Бершадова. Что рассказал доктор Петровский. История еврейских погромов	
ГЛАВА 23	359
Неудавшийся диктатор. Бойня, устроенная григорьевцами. Имя невесты. Мода 1929 года	
ГЛАВА 24	375
Кража в «Аккорде». Проникновение в банду. Ривка. Перестрелка. В больнице	
ГЛАВА 25	392
История Ривки Беркович. Деятельность Антирелигиозной комиссии. Благословение раввина. Отправление поезда	

Літературно-художнє видання

Серія «Ретророман»

ЛОБУСОВА Ірина Ігорівна

ДІББУК З ГРАДОНАЧАЛЬНИЦЬКОЇ

Роман

(російською мовою)

Головний редактор О. В. Красовицький

Відповідальна за випуск Р. Є. Панченко

Художній редактор О. А. Гугалова-Мешкова

Технічний редактор Г. С. Таран

Комп'ютерна верстка: О. А. Мірошніченко

Коректор А. М. Гопаченко

Підписано до друку 10.04.19. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Умов. друк. арк. 21,84. Облік.-вид. арк. 13,78.

Тираж 4000 прим. Замовлення №

ТОВ «Видавництво Фоліо»

вул. Римарська, 21А, м. Харків, 61057

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 5244 від 09.11.2016

Сайт та інтернет-магазин видавництва:

www.folio.com.ua

Електронна адреса:

market@folio.com.ua

Надруковано з готових позитивів

у ТОВ «Видавництво Фоліо»

вул. Римарська, 21А, м. Харків, 61057

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 5244 від 09.11.2016

...1929 рік. В Одесі безчинствує банда Алмазної — зухвалі, просто серед білого дня пограбування банків і заможних громадян, безліч трупів... Місто перебуває в страху. А справжня Таня Алмазова, чиїм ім'ям прикривається самозванка, яка очолила бандитів, думає, як це зупинити. Проводячи власне розслідування, вона дізнається, що в єврейській міфології існує поняття «дїб-бук». Це злий дух, який переслідує живих, вселяється в них. За допомогою Володі Сосновського Таня повинна цей міф зруйнувати...

Книжки видавництва «Фоліо» ви можете придбати:

Оптова торгівля

61057, м. Харків,
вул. Римарська, 21А
(057) 700-05-46, (057) 705-07-30
e-mail: market@folio.com.ua,
proizv@folio.com.ua

ТОВ «Видавництво Фоліо»

61057, м. Харків,
вул. Римарська, 21А
(057) 700-44-29
e-mail: avk@folio.com.ua

Представництво в Києві

м. Київ, вул. Січових стрільців,
1—5, оф. 603
e-mail: kievfolio@gmail.com

Видавництво «Фоліо» в Інтернеті

Сайт видавництва www.folio.com.ua

Видавництво «Фоліо» — сторінка на Facebook

Власні книгарні

м. Київ

«Книгарня № 1»
пр. С. Бандери, 10Б
(050) 344-43-31

Кіоск «Петрівка "Фоліо"»
Книжковий ринок «Петрівка»
центральний ряд, місце 25

м. Львів

«Книги Фоліо»
вул. Колерника, 3
(032) 244-55-17

Магазини-партнери

м. Київ

«Довженко. Книги. Кава. Кіно»
вул. Бульварно-Кудрявська,
43-А, (050) 344-06-46
вул. Васильківська, 1
(050) 344-45-51

ІНШІ МАГАЗИНИ-ПАРТНЕРИ:

Вінницька обл.

м. Вінниця

«Дім Книги»
вул. Коцюбинського, 33-А
«Дім Книги»
вул. Соловйова, 3/2
«Дім Книги»
вул. Келецька, 78
«Буква»
пр-т Юності, 43-А (ТЦ Марігранд)
«Буква»
пл. Гагаріна, 2 (ЦУМ)
Книгарня «Тут»
вул. 600-річчя, 17-А,
ТРЦ «МегаМолл»
Книгарня «Тут»
вул. Зодчих, 2,
ТРЦ «Поділля СІТІ»
Книгарня «Тут»
вул. Будівельників, 17,
ТРЦ «Європейський»

ФОП Фізол, маг. «Кобзар»
вул. Привокзальна, 2/1

м. Гайсин

Книгарня «Тут»
вул. 1 Травня, 70-А,
ТРЦ «Європейський»

Волинська обл.

м. Луцьк

«Дім Книги»
вул. Конякіна, 37-А
«Дім Книги»
вул. Лесі Українки, 35-А
«Буква»
вул. Сухомлинського, 1,
ТЦ «Порт-Сіті», 3 поверх

Дніпропетровська обл.

м. Павлоград

Магазин «Буклет»
вул. Соборна, 97-А

м. Дніпро

Магазин «Буклет»
пр-т Олександра Поля, 104-А
(кол. пр. Кірова),
ТЦ Славутич
Укрпошта
вул. Привокзальна, 11

Магазин «Книголенд»
пр-т Дмитра Яворницького, 60
Магазин «Книголенд»
вул. Калинова, 9-А,
ТРЦ «Мельниця»
Магазин «Книголенд»
вул. Юрія Кондратюка
(Комунарівська), 20,
ТЦ «Арніка»
Магазин «Книголенд»
пр-т Слобожанський, 31-д,
ТЦ «Наша Правда»
Магазин «Книголенд»
вул. Терещенська, 25-б,
ж/м Лівобережний 2
Магазин «Книголенд»
пр-т Героїв, 11-Л, ТЦ «Гермес»,
2 поверх
Магазин «Книголенд»
вул. Боброва, 1
Магазин «Книголенд»
вул. Калинова, 76-к
(Образцова)
«Буква»
пр-т Дмитра Яворницького, 67-Д,
ТЦ Гранд Плаза
FOZZY гіпермаркет
вул. Малиновського, 2

м. Кривий Ріг

Магазин «Буквица»
вул. Гагаріна, 4-Б
Сільпо
Вечірній бул., 33

Донецька обл.**м. Краматорськ**

Магазин «Буклет»
вул. Маяковського, 1-м

Запорізька обл.**м. Запоріжжя**

Магазин «Буклет»
вул. Лермонтова, 24
«Буква»
пр-т Соборний, 147, ТЦ Україна
Укрпошта
пр-т Соборний, 133
Магазин «Дім книги»
пр-т Соборний, 224

Івано-Франківська обл.**м. Івано-Франківськ**

«Букініст»
вул. Незалежності, 19
«Велика кишеня»
вул. Є. Коновальця, 221

м. Коломия

«Книжкова хата»
пр-т Чорновола, 51

Київська обл.**м. Київ**

Bookling
пл. Слави, 1, ТЦ Навігатор
Bookling Gulliver
вул. Еспланадна, 1
Bookling SkyMall
пр-т Романа Шухевича, 2-Т,
ТРЦ SkyMall, 3 поверх
Bookling Артмолл
вул. Заболотного, 37,
ТРЦ Art Mall, 2 поверх
Bookling Сквороди
вул. Григорія Сквороди, 6
Магазин «Основи»
вул. Пушкінська, 8А
«Смалоскіп»
вул. Межигірська, 21
«Велика кишеня»
пр-т Академіка Глушкова, 36
«Сяйво книги»
вул. Велика Васильківська, 6
Магазин «Книголенд»
вул. Харківське шосе, 152
Магазин «Книголенд»
пр-т Леся Курбаса, 19 А,
ТЦ «Апрель», 2 поверх
Магазин «Книголенд»
вул. Січових стрільців
(Артема), 33
Магазин «Книголенд»
вул. Драгоманова, 17
Магазин «Книголенд»
вул. Ломоносова, 50/2

«Буква»
вул. Б. Хмельницького, 3-Б
«Буква»
вул. Г. Хоткевича, 1-В,
ТРЦ Проспект
«Буква»
пр-т Оболонський, 1-Б,
ТРЦ ДрімТаун
«Буква»
пл. Спортивна, 1-А,
ТРЦ Гуллівер
«Буква»
вул. Дніпровська набережна, 33,
ТЦ Аркадія
«Буква»
пр-т Академіка Глушкова, 13-Б,
ТРЦ Магеллан, 3 поверх
«Буква»
вул. М. Лаврухіна, 4, ТРЦ Район
«Буква»
пл. Слави, 1, ТЦ Навігатор
«Буква»
вул. Мишуги, 4, ТЦ Піраміда
«Буква»
вул. Гната Юри, 20, ТЦ Квадрат,
цокольний поверх
«Буква»
вул. Митрополита
А. Шептицького, 10
«Буква»
пр-т Перемоги, 3, ТРЦ Україна
«Буква»
вул. Білоруська, 2, ТРЦ «Квадрат»
«Буква»
вул. Берковецька, 6-Д,
ТРЦ «Лавіна»
«Буква»
пр-т Перемоги, 26,
ТРЦ Смарт Плаза Політех
«Книжковий супермаркет»
вул. Межигірська, 3/7
«Книжковий супермаркет»
вул. Олени Теліги, 14-Б,
перехід метро Дорогожичі
«Книжковий супермаркет»
пр-т Степана Бандери, 6
«Дім книги»
вул. Драгоманова, 2-Б
«Дім книги»
пр-т Ю. Гагаріна, 27 (1 поверх)
FOZZY гіпермаркет
вул. Заболотного, 37
FOZZY гіпермаркет
пр-т Степана Бандери
(Московський), 23
Форс-Україна, БЦ «Вербовий»
2 поверх, вул. Вербова, 17А
Магазин «Твоя преса»
наб. Печерська, 10А
Магазин «Твоя преса»
вул. Окружна, 4
Магазин «Твоя преса»
вул. Здобувцівська, 17
Магазин «Твоя преса»
вул. Сім'ї Сосниних, 17
Сільпо
вул. Лаврухіна, 4
Сільпо
вул. Якутська, 8

м. Бориспіль

Магазин «Книголенд»
вул. Київський Шлях, 67,
ТЦ «Парк Таун», 2 поверх

м. Бровари

«Буква»
бул. Незалежності, 3
FOZZY гіпермаркет
с. Вишневе, вул. Промислова, 5
FOZZY гіпермаркет
с. Проліски, вул. Броварська, 2А

Кіровоградська обл.**м. Кропивницький**

«Буквиця»
вул. Преображенська, 17/65
«Книжковий супермаркет»
«Букки»
вул. Велика перспективна, 35/54
FOZZY гіпермаркет
вул. Київська, 66г

Львівська обл.**м. Львів**

Bookling Forum Lviv, 1 поверх
вул. Під Дубом, 7 Б
«Дім книги»
вул. Міцкевича, 8
«Дім Книги»
вул. Торгова, 11
«Українська книгарня»
пр-т Шевченка, 8
Магазин «Книголенд»
вул. Коперника, 11
Магазин «Книголенд»
вул. Кн. Романа, 12
«Буква»
вул. Дорошенка, 1
Маг. Книгарня
вул. Рогатинців, 30
Маг. Книгарня
вул. Огієнко, 4

Миколаївська обл.**м. Миколаїв**

«Буквиця»
вул. Соборна, 6

Одеська обл.**м. Одеса**

«Буклет»
вул. Соборна, 6
Магазин «Книголенд»
вул. Асташкіна, 29, к. 2 (пл. Льва
Товстого, 1, Кадрорр)
Магазин «Книголенд»
вул. Генерала Петрова, 9
Магазин «Книголенд»
вул. Катерининська, 91
Магазин «Книголенд»
вул. Люстдорфська дорога, 54
«Буква», Книжкова перлина
вул. Дерибасівська, 14
Книжковий супермаркет
вул. Жуківського, 38
Книжковий супермаркет
вул. Ланжеронівська, 17
Книгарня-Кав'ярня
вул. Катерининська, 77

Bookling ТЦ «City Center»
пр-т Небесної сотні, 2
(мінус 1 поверх)
Маг. «Книжкова казка»
пр. Ак. Глушко, 16
Маг. «Дім книги»
пр. Ак. Глушко, 20/54
FOZZY гіпермаркет
вул. Середня, 83а
«Сільпо»
пр-т Маршала Жукова, 2

м. Чорноморськ
Книжковий супермаркет
пр-т Миру, 16

Полтавська обл.

м. Полтава
«Буква»
вул. Шевченка, 29
Магазин «Книголенд»
вул. Соборності (Жовтнева), 50
Магазин «Книголенд»,
вул. Європейська (Фрунзе), 63
«Велика кішениця»
вул. Ковпака, 26-В

м. Кременчук
Магазин «Книголенд»
бульвар Пушкіна, 7
Магазин «Книголенд»
вул. Республіканська, 134-А
Магазин «Книголенд»
пр-т Свободи (60-річчя
Жовтня), 22-А,
зупинка Водоканал
Магазин «Книголенд»
вул. Першотравнева, 45

Рівненська обл.

м. Рівне
«Буква»
вул. Соборна 47,
ТЦ Злата Плаза
Рівненська КП маг. Дружба,
маг. Знання
майдан Незалежності, 5
Рівненська КП маг. Слово
вул. Соборна, 57
Рівненська КП маг. № 2
Просвіта
вул. Київська, 17
Рівненська КП маг. Книги
вул. Соборна, 316
«Велика кішениця»
вул. Макарова, 23
FOZZY гіпермаркет
вул. Курчатова, 9

Сумська обл.

м. Суми
«Буква»
пл. Покровська, 2
Сільпо
вул. Лушпи, 4/1

Тернопільська обл.

м. Тернопіль
«Дім книги»
вул. Коперника, 19/1
«Дім книги»
вул. Й. Сліпого, 1
«Дім книги»
вул. Подільська, 45
«Буква»
вул. Руська, 19/85
Книгарня «Знання»
вул. Миру, 3-А

Харківська обл.

м. Харків
BOOKS
вул. Сумська, 51
маг. Знак
пр-т Науки, 17
«Діалог»
вул. О. Яроша, 21
Магазин «Книголенд»
вул. 23 Серпня, 47
Магазин «Книголенд»
пр-т Л. Свободи, 33-А
Магазин «Книголенд»
вул. Китаєнка, 4
Магазин «Книголенд»
пр-т Гагаріна, 167
Магазин «Книголенд»
вул. Ак. Проскури, 3
магазин «Книголенд»
вул. Бучми (Уборевича), 1-Б,
1 поверх
Магазин «Книголенд»
пр-т Московський, 252-Б
Магазин «Книголенд»
вул. Плеханівська, 66
Магазин «Книголенд»
Стадіонний проїзд, 9
Магазин «Книголенд»
вул. Валентинівська
(Блюхера), 15/17
Магазин «Книголенд»
пр-т Тракторобудівників, 59/5
6, ТРЦ «Україна», 2 рівень
Магазин «Книголенд»
пр-т Індустріальний
(Фрунзе), 26
Магазин «Книголенд»
вул. Чернишевська, 14
«Фактор»
вул. Квітки-Основ'яненка, 2
Магазин «Букетик»
Книжковий ринок
FOZZY гіпермаркет
вул. Героїв Праці, 9
«Сільпо»
вул. Ак. Павлова, 44-Б
«Сільпо»
пр-т Московський, 256

Херсонська обл.

м. Херсон
«Буква»
вул. Комунарів, 21

ФОП Лісова «Учбова книга»
вул. Преображенська, 22
ФОП Лісова «Учбова книга»
вул. 49-й Гвардійської Дивізії, 26А
ФОП Лісова «Учбова книга»
вул. Університетська, 27
ФОП Лісова «Учбова книга»
вул. Іллі Кулика, 135
«Сільпо»
вул. Залаєгерсер, 18

Хмельницька обл.

м. Хмельницький
«Дім Книги»
вул. Грушевського, 50
«Книжковий світ»
вул. Подільська, 25

Черкаська обл.

м. Черкаси
«Буквиця»
вул. Дашкевича, 19
«Книгарня Світоч»
вул. Б. Вишневецького, 38

Чернігівська обл.

м. Чернігів
«Будинок книги»
пр-т Миру, 45
«Буква»
вул. 77 Гвардійської
дивізії, 1-А
ФОП Ясенчук КМЦ
«Інтермеціо»
вул. Шевченка, 9

Чернівецька обл.

м. Чернівці
«Буква»
вул. Соборна, 1
«Дім книги»
вул. Сагайдачного, 6
«Сільпо»
вул. Головна, 265-А

ІНТЕРНЕТ-МАГАЗИНИ

Інтернет-магазин Читайка
<http://www.bookzone.com.ua/>
<http://www.chytayka.com.ua/>

Інтернет-магазин Бізліт
<https://bizlit.com.ua/>

Інтернет-магазин Якабу
<https://www.yakaboo.ua/>

Інтернет-магазин Букля
<https://www.booklya.ua/>

Інтернет-магазин Розетка
<https://rozetka.com.ua/knigi/>

Інтернет-магазин Буклінг
<https://bookling.ua/>

Інтернет-магазин М.І.Р. медіа
m.i.r.media@ukr.net

Інтернет-магазин Джерела М
<https://www.dk-books.com/sport/publisher/1697/>